

„Ze studiów nad tekami Kolberga“.

„Wpływ O. Kolberga na następne pokolenie etnografów“.

„Romantyczna i pozytywistyczna postawa społeczeństwa wobec kultury ludowej“.

„Z historii terminów: ludowość, ludoznawstwo, etnografia, folklor“.

„Prace lub rozprawy będące wynikiem współczesnych badań terenowych, wykazujące na tle prac O. Kolberga zjawisko ewolucji stosunków kulturalnych na wsi polskiej“.

Powyższy wykaz tematów nie jest rzecz prosta obowiązujący ani pełny. stanowi ledwie szkic tej tematyki, która poza przyczynkami biograficznymi powinna wejść do 42 tomu „Ludu“.

Zwracając się tym pismem do wszystkich etnografów Redakcja ma nadzieję, że znajdzie ono żywy oddźwięk — tom zaś XLII „Ludu“ wypełni tę lukę, jaka istnieje w zakresie opracowań biograficznych, związanych z centralną postacią etnografii polskiej (1814—1890) ubiegłego wieku, jaką był Oskar Kolberg. Obok projektowanego tomu „Ludu“, Polskie Towarzystwo Ludoznawcze przygotowuje obecnie do druku korespondencję O. Kolberga w ramach „Prac i Materiałów Etnograficznych“; Towarzystwo posiada w Archiwum teki Kolberga, które zostały oddane w depozyt przez Polską Akademię Nauk i z których można skorzystać na miejscu.

Poznań, dnia 15 września 1953 r.

Za Komitet Redakcyjny:

sekretarz generalny

• A. Nasz

prezes

J. Gajek

Резюме

ВРУБЛЕВСКИ ТАДЕУШ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА В ОСВЕЩЕНИИ ТРУДА И. В. СТАЛИНА ПО ЯЗЫКОВЕ- ДЕНИЮ

(Краткое изложение).

Принципиальную базу исследования этногенетических проблем составляет для этнографии учение И. В. Сталина об историческом характере и смешанном происхождении народов. Статья И. В. Сталина опубликованная в 1950 г. в „Правде“ критически оценивает т. наз. новую науку о языке — И. Н. Марра. Статья эта совершила великое дело не только в советской лингвистике, но также и в исторических науках. Сокрушающая критика и следующая за ней ликвидация т. наз. марризма в работах прежде всего лингвистических и в работах по другим родственным дисциплинам указывает необходимость определения соответственного научного метода в дальнейших исследованиях и научных трудах. Проявлением этой необходимости в участке исследования проблем этногенеза, является общий съезд советских учёных интересующихся этим problemom. Среди многочисленных докладов обращает на себя внимание идеологический реферат С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова на тему этнографического метода исследования проблем этногенеза. Находящиеся в труде И. В. Сталина подтверждения насчёт марксизма в языковедении что развитие языка имеет свои этапы: от языков рода к языкам племени, от языков племени к языкам народным, от языков народных к языкам нации, авторы доклада изъясняют следующим образом: „Язык возни-

„Ze studiów nad tekami Kolberga“.

„Wpływ O. Kolberga na następne pokolenie etnografów“.

„Romantyczna i pozytywistyczna postawa społeczeństwa wobec kultury ludowej“.

„Z historii terminów: ludowość, ludoznawstwo, etnografia, folklor“.

„Prace lub rozprawy będące wynikiem współczesnych badań terenowych, wykazujące na tle prac O. Kolberga zjawisko ewolucji stosunków kulturalnych na wsi polskiej“.

Powyższy wykaz tematów nie jest rzecz prosta obowiązujący ani pełny, stanowi ledwie szkic tej tematyki, która poza przyczynkami biograficznymi powinna wejść do 42 tomu „Ludu“.

Zwracając się tym pismem do wszystkich etnografów Redakcja ma nadzieję, że znajdzie ono żywy oddźwięk — tom zaś XLII „Ludu“ wypełni tę lukę, jaka istnieje w zakresie opracowań biograficznych, związanych z centralną postacią etnografii polskiej (1814—1890) ubiegłego wieku, jaką był Oskar Kolberg. Obok projektowanego tomu „Ludu“, Polskie Towarzystwo Ludoznawcze przygotowuje obecnie do druku korespondencję O. Kolberga w ramach „Prac i Materiałów Etnograficznych“; Towarzystwo posiada w Archiwum teki Kolberga, które zostały oddane w depozyt przez Polską Akademię Nauk i z których można kosztować na miejscu.

Poznań, dnia 15 września 1953 r.

Za Komitet Redakcyjny:

sekretarz generalny

• A. Nasz

prezes

J. Gajek

Резюме

ВРУБЛЕВСКИ ТАДЕУШ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА В ОСВЕЩЕНИИ ТРУДА И. В. СТАЛИНА ПО ЯЗЫКОВЕ- ДЕНИЮ

(Краткое изложение).

Принципиальную базу исследования этногенетических проблем составляет для этнографии учение И. В. Сталина об историческом характере и смешанном происхождении народов. Статья И. В. Сталина опубликованная в 1950 г. в „Правде“ критически оценивает т. наз. новую науку о языке — И. Н. Марра. Статья эта совершила великое дело не только в советской лингвистике, но также и в исторических науках. Сокрушающая критика и следующая за ней ликвидация т. наз. марризма в работах прежде всего лингвистических и в работах по другим родственным дисциплинам указывает необходимость определения соответственного научного метода в дальнейших исследованиях и научных трудах. Проявлением этой необходимости в участке исследования проблем этногенеза, является общий съезд советских учёных интересующихся этим problemom. Среди многочисленных докладов обращает на себя внимание идеологический реферат С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова на тему этнографического метода исследования проблем этногенеза. Находящиеся в труде И. В. Сталина подтверждения насчёт марксизма в языковедении что развитие языка имеет свои этапы: от языков рода к языкам племени, от языков племени к языкам народным, от языков народных к языкам нации, авторы доклада изъясняют следующим образом: „Язык возни-

кает и развивается одновременно с возникновением и развитием общества. Этапы существующие в развитии языка имеют соответствия в развитии общества: (роды, племена, народы, нации). Развитие и перемены так понимаемых этнических групп происходят в рамках исторических этапов, рассматриваемых как последовательные формации, (родовой, рабовладельческий и феодальный строй).

Каждая группа, понимаемая как *ethnos* имеет свою специфическую культуру. Этнографические исследования культуры народов должны пользоваться историко-сравнительным методом. В оценке культур советская этнография различает хозяйственно-культурные зоны: арктическую, тропическую и др. Кроме того существуют историко-культурные территории, которые выделяются благодаря конкретному количеству общих данной территории культурных элементов. Сходства в культурах народов, живущих в таких областях и различных по отношению к соседним народам, являются результатом исторических процессов. Следует однако подчеркнуть, что историко-культурные территории принципиально противоположны понятию культурных кругов, созданных буржуазной этнографической школой.

Метод этнографических исследований в этнографии должен учитывать сравнительным образом археологические данные и выделённые археологией культуры. Следует тоже обратить внимание на данные содержащиеся в мифах и народных преданиях на тему происхождения отдельных народов. Средневековые хроники, средневековая художественная литература содержат этногенетические замыслы. Этногенетика должна быть тщательно исследована.

Исследования этногенеза могут успешно развиваться только при содействии этнографии, которая занимается изучением культуры народов.

КУЛЬЧИЦКИ ЕЖИ

ТЕОРИЯ МАТРИАРХАТА В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ.

(Краткое изложение).

Глава I и II

содержит отчёт по работам М. О. Косвена, рассматривающих проблему матриархата, а также систематическое изложение его энциклопедически-историографического труда „Матриархат”. (Москва-Ленинград 1948).

Глава III

В настоящей главе автор интерпретирует основное положение М. О. Косвена относительно проблемы матриархата и подчёркивает, что *meritum* проблематики имеет много неясных и подлежащих обсуждению сторон. Недостаток доказательств существования матриархального строя среди некоторых первобытных современных народов подрывает теорию абсолютной всеобщности матриархата, считаемого глубоко древним общественным строем. На основании этих пробелов в доказательствах возможно бы было считать материнские формы родового строя абсолютно не всеобщим этапом развития, однако и в этом случае получились бы выводы обратные тем, которые по некоторым направлениям буржуазной науки предполагают, что так называемые „низшие” расы отчётливо переживают этап матриархального строя. Реликты матриархата встречаются м. проч. среди самых культурных народов старого материка.

Следует подчеркнуть, что теория матриархата, поставленная даже с оговоркой относительно безусловной всеобщности этого строя и более или менее выдающегося значения женщины в специфических конкретных строях первобытной общины — сохраняет всё же своё глубокое, теоретически-познавательное и идеологическое значение.

Выводы полученные на сновании матриархальных реликтов, литературных и историографических данных, археологических материалов и этнографических неопровержимых явлений — принуждают нас согласиться с тем, что в истории развития передовых первобытных человеческих обществ существовала в виде правильного этапа их эволюции великая эпоха, когда социальное значение женщины, рядом с многовидностью специфических форм, было гораздо больше, чем во время долгих тысячелетий её порабощения и понижения, наступивших с возникновением патриархата присущему классовым строям и которые существовали принципиально во всего эту еру.

Если в настоящем этапе исследований поставим суть проблемы прежде всего релятивно —, мы не нуждаемся тогда в обобщающей характеристике патриархата. Однако следует подчеркнуть, что и в таком случае мы вполне уясняем себе значение этой теории в понимании целостности истории развития человеческого общества.

В первобытное время вид родового строя имеет значение гораздо больше нежели в позднейшие времена, так как связан он самым тесным образом с организацией производства, с её сношениями и с организационной надстройкой. И. И. Потехин подчёркивает это принципиальное обстоятельство говоря: „что целая история первобытного коллективного строя — это история выделения производственных сношений из родственных соотношений”.¹⁾ Таким образом проблема: матриархат в некоторых этапах развития, или „исконный патриархат” — это вопрос *meritum* совокупности первобытной истории.

Основы борьбы этих двух теорий вполне очевидны. Теория „исконного патриархата” стремится доказать и в тоже время одобряет преимущество мужчины существующее в классовом обществе. Эта теория одобряет общественно-экономический строй, опирающийся на „исконной” индивидуальной собственности производственных средств, которая, совместно с привилегированным положением некоторых общественных групп,

¹⁾ Советская Этнография 2. стр. 12. 1953.

появляется с возникновением патриархального строя. Эта теория царствует во время великой эры классового строя, начиная с эпохи Платона и Аристотеля вплоть до нашего времени. Признают её все реакционные научные направления, служащие господствующим классам, заинтересованным в стабилизации существующих отношений. Теория „исконного патриархата” изъясняет одновременно веру в метафизическое, общественное преимущество мужчины. Эта вера составляет теоретическую и идеологическую суть теории и поэтому теория эта теоретически не научная и старается ускользнуть диалектической, историко-эволюционной проблематике.

Зато матриархальная теория была усвоена революционным учением пролетариата (Косвен), так как она базируется на диалектическом и эволюционном мировоззрении. Она поднимает объективное обстоятельство, что женщина представляет собою полноценную общественную силу, которую можно осуществить независимо от экономически-общественных условий человеческого быта. Такие условия полного развития и использования сил женщины существовали уже неоднократно в истории человечества в эпоху первобытной безклассовой общины. Теперешние полные условия развития и использования сил современной женщины создаёт современный безклассный строй, научный социализм и коммунизм.

Глава IV

Автор рассматривает в этой главе проблематику генезиса матриархата, прежде всего на основании выводов П. П. Ефименко в его труде „Первобытное общество” (изд. VI 1953). Кроме того автором наброшен очерк основных перемен происшедших в социальном положении женщины в течении истории.

В первых этапах формирования человеческого общества в сношениях бродяжнического собирательства и самой примитивной охоты трудно найти чёткое экономическое основание для разделения труда по полу. Вследствие этого женщины не могли сыграть выдающейся роли в общественной жизни первобытного человеческого стада. Мужчины.

благодаря их физической силе, имели вероятно преимущество в исполнении таких же экономических функций.

Не было также других причин, которые могли бы содействовать специальному выделению социального положения женщины. Явления естественного прироста и материнства были, вероятно, принимаемы первобытными эндогамическими группами самым непосредственным образом. Эти явления не могли считаться в первобытных этапах развития человечества базой какой либо идеологической надстройки, в пределах которой женщина получила бы специальное положение, благодаря своей выдающейся роли в этих процессах. Постоянная ночевая жизнь скорее не благоприятствует воспитыванию многочисленного потомства.

Соотношения биологических и физических сил являлись, вероятно, важным фактором определяющим общественные взаимоотношения членов человеческого стада, среди которого чётко выделялся „звериный индивидуализм“, встречаемый у человекообразных, у которых заметно преимущество самцов над самками.

Следует предполагать, что в дальнейшем человеческом развитии, в пределах и под защитой высшей организации коллектива собирателей и охотников, положение женщины принципиально переменалось.

Косвен вообще не рассматривает проблему генезиса матриархального строя исходя, как будто, с точки зрения „исконного матриархата“. Косвен предполагает, что вождем наиболее первобытной человеческой группы „была скорее женщина чем мужчина“, вопреки распространенному взгляду в „стаде диких животных вожаком бывает преимущественно самка, не самец“.²⁾ Нелегко согласиться с этим мнением.

Гипотетическая реконструкция условий быта человеческих групп и наблюдения аналогических сторон жизни наиболее близких человеку животных т. зн. высших обезьян, у которых

²⁾ М. О. Косвен: „Очерки истории первобытной культуры. Москва 1953, стр. 23.

заметно преимущество самцов — являются достаточным указателем для реконструкции расположения общественных сил по полу в самых первобытных человеческих группах.

У Косвена замечаем недостаток отчётливого понимания всемирно-исторической роли, которую сыграла в положении женщины, характерная для младшего палеолита высоко развитая охота, сочетающаяся с сезонным поселением общины и основанием лагеря. П. П. Ефименко обратил внимание на важную роль этих экономических явлений.

Женщина мустьерской орды, вероятно, находилась с мужчиной на одинаковом общественном уровне. Параллельно с начинающимся поселением и более сложным образом жизни возникало уже разделение женского и мужского труда. Женщина собирает плоды, устраивает жилище, готовит пищу, одежду и т. п. (Первобытное общество, стр. 245). Это разделение труда увеличивается в ориньяк-солутрейскую эпоху. Мужчины — охотники занимаются главным образом добычей пищи, женщины — коллективным хозяйством (там же — стр. 400). Таким образом формируются основные экономические предпосылки возвышения социального положения женщины.

Вторую причину нового положения женщины составляют подчеркнутые Косвеном и Ефименко общественно-организационные факторы, возникшие из экономических. Прежнее деление первобытной орды на небольшие бродяжнические эндогамические группы не создавало условий прогрессивного развития значения социального положения женщины, зато объединение группы в более крупные экзогамические коллективы увеличивало её значение. Процесс преобразования первобытного промискуитета или группового брака на экзогамный, биологически мотивированный матрилинейный род, ведёт к важному общественному значению женщины, в некоторых случаях даже к культу „начальниц рода“. (Первобытное общество, стр. 526). Принадлежность женщины к другому роду, именно матрилинейное поселение супругов гарантируют ей общественное покровительство. Бахофен правильно подчеркнул, что союз „права“, которое могло возникнуть даже в эндо-

гамичной семье, но развиваться могло только в условиях экзогамических крупных коллективов.

По мнению Ефименко, в пользу правдоподобия существования матриархального строя среди палеологических охотников — свидетельствуют кроме гипотетических реконструкций первобытных отношений, пластические изображения женщин из эпохи ориньяк-солютрейской, встречаемые на старом материке. Как бы не старались истолковать непосредственное значение этих и других изображений (напр. магической целью), то всё-таки, факт, что женщина, вероятнее всего женщина-мать составляет одну из главных тем нарождающегося пластического искусства, указывает, что общественное внимание занимается проблематикой материнства. Оно было в состоянии возникнуть лишь только в некотором эволюционном этапе организации уже экзогамных, по всей вероятности, человеческих групп интересующихся в положительном смысле своими экзогамными популяционными отношениями, что могло произойти на базе усиления и равновесия хозяйственной жизни тогдашних передовых человеческих коллективов.

Следовательно, сознательную реакцию первобытного общества на первоначальные популяционные явления, проявления которой сохранились в конкретных памятниках пластического искусства — следует считать наиболее общим указателем формирования нового социального положения женщины — матери. Положение это течением времени высказывается прежде всего в формировке матрилинейного рода.

Картина охотнических матриархальных отношений затухает в маделенскую эпоху. Ефименко толкует исчезновение женских изображений тем, что в некоторых местностях Евразии можно заметить процесс преобразования прежних оседлых родовых общин из эпохи ориньяк-солютрейской в более передвижные маделенские орды. (Первобыт. Общ., стр. 518). В этих условиях значение женщины могло стать слабее. Недостаток женских изображений, по мнению Ефименко, может быть лишь мнимым, Ефименко сочетает это явление с исчезанием в некоторых районах костяных изделий. Изобра-

жения женщин-предков могли быть вырезаны в менее прочном материале, напр. в дереве. Специфический стиль пластических восточных изделий маделенской эпохи мог давать символическое значение абстрактным формам. (Первобыт. Общ., стр. 527). Во всяком случае спорадические находки женских фигурок, доказывают, что этот тип изображений не исчез бесследно.

Ефименко представляет соотношение тотемистического и матриархального строя, как параллельное и скрещивающееся явление.

Рассматривая эпохи ориньяк-солютрейскую и маделенскую, Ефименко разбирает проблему парной патрилокальной семьи, встречаемой среди современных наиболее первобытных обществ Австралийцев, Бушменов, Веддов и др.

По выражению Ефименко: „было бы трудно думать, что они не пережили времени матриархальных отношений и лишь находятся на пути к ним”. (Первобыт. Общ., стр. 517). Женщина играет незначительную роль в их первобытном, собирательском и охотничьем хозяйстве. В условиях бродяжнического быта она служит мужчине как транспортная сила (стр. 547). Ефименко еще раз подчеркивает общую правильность, что „в условиях бродяжнического быта собирателей и охотников... нет главной предпосылки другого положения женщины — именно поселения первобытной орды...” (Первобыт. Общ., стр. 392—3).

Косвен обращает внимание на другой аспект этой проблемы. (Очерки, стр. 117). Однако, нам кажется, что его тезис возникновения австралийского патриархата в связи в разрушительным влиянием колонизаторов — мало убедителен и не противоречит принципиальной автохтонности недоразвития матриархальных форм в этих странах.

Подводя итоги, следовало бы составить специфические причины, которые тормозили развитие значения женщины среди этих народов: 1. Географические основы, тёплый или умеренный климат непринуждающий к поселению. 2. Недостаток крупного зверя не даёт возможности организации большой

охоты и устройства лагерей, в которых женщины ведут хозяйство. 3. Результатом этих условий являются небольшие бродяжнические группы как основные экономически-общественные организмы, в которых женщина играет скромную роль собирательницы и транспортной силы.

Среди Австралийцев обращает внимание непропорционально развитая, по сравнению с их экономической первобытностью нравственная надстройка, что указывает на многолетнее накопление этого слоя. Это свидетельствует тоже о приостановке их развития и упущения некоторых его этапов.

Центры передовых ориньяко-солютрейских культур развивались под влиянием могучих внешних толчков. Существовали там естественные условия позволяющие устраивать крупные охоты, объединять большие орды, устраивать постоянные или периодические лагеря. Такого рода общественные условия могли содействовать развитию значения женщины. В маделенской культуре высокого поставленная охота и необходимость пользования зимними убежищами позволяет предполагать более высокое общественное развитие чем у современных первобытных народов. Эти обстоятельства разрешают предполагать существование высшего чем у них, но вероятно низшего чем в ориньяко-солютрейской эпохе положения женщины.

Таким образом не явление матриархата, как утверждает большинство буржуазных авторов — но противоположно, мнимое явление избегаемых в развитии форм матрилинейного и матриархального строя можно считать спецификой выступающей среди народов приостановленных в своём развитии. Вместо того полное развитие в соответствующих условиях матриархального этапа можно считать проявлением правильного развития передовых первобытных культур. Это последнее предложение следует по линии высказанного уже Бахофеном убеждения о прогрессивной стоимости матриархата в эпоху его возникновения. Признание факта релятивной всеобщности явления, не отрицает повода признания правильности этого явления.

Мотыжное земледелие наклоняющее к поселению больших человеческих групп, делает женщину ценной рабочей силой и укрепляет её социальное положение, до сих пор пока главное занятие мужчины составляет охота.

Отношения возникшие из мотыжного земледелия могли однако только содействовать в развитии матриархата, образовывать его наиболее развитые виды, м. проч. соединять его с вегетативным культом. Мотыжное земледелие не могло быть однако (сравни. Косвен, Очерки, стр. 117) переломным фактором выделения общественной выдающейся роли женщины — что произошло в передовых культурах, вероятно, уже в этапах крупной, организационной охоты.

Переход от матриархата к образованию патриархального строя представлен Косвеном с учетом вклада Энгельса. В результате глубоких экономических и социальных перемен первобытного общества произошло историческое падение женского рода в мировом масштабе.

Здесь автор затрагивает некоторую „меньшего веса” проблему, составляющую однако часть комплекса матриархальных явлений, именно проблему т. наз. „амазонства”. Косвен подчеркивает, что бахофенское толкование этого явления крайне фантастично, но констатирует, что еще до сих пор нет приемлемого изъяснения проблемы амазонок (Матриархат, стр. 140).

Варианты предания говорящие о царствовании женщины в какой то стране можно считать как обыкновенные воспоминания формы матриархального строя.

Вместо этого „основной вариант” предания о существовании общества в составе которых находились исключительно женщины — если будем считать его отражением реальных хотя изредка выступающих общественно-политических явлений, позволяет предполагать, что такого рода организации женщин могли появляться лишь только в периоде формирования патриархата. Аргументом может быть обстоятельство, что такого рода явления представлены бывают в мифах как синхронические с родовым отцовским строем: „патриархальные” герои

сражаются с амазонками. Реакция женщин против эксплуатации их мужчинами, опираясь на свежих еще матриархальных традициях, могла спорадически проявляться в некоторого рода вооруженных бунтах, параллельных первым бунтам патриархальных рабов. Однако следует предполагать, что по всей вероятности предания увеличивают в большой степени исторические факты, которые представлялись курьёзными позднейшим патриархальным понятиям.

Автор замечает вязь „классического амазонства” с теорией матриархата, только на почве традиции прежнего равноправия женщины, не смотря на это — предания составляют тоже важный аргумент в пользу теории матриархата.

Новая великая эра во взаимоотношениях полов возникает с развитием патриархата. Это эра преимущества мужчины и общественного обнижения женщины.

Начиная с этого периода во всех следующих формациях, опирающихся на частной собственности — почти до нашей эпохи, — главный, „суверенный” предел труда женщины составляло замкнутое домашнее хозяйство. Общественный авторитет женщины во всех классовых строях ограничен был обыкновенно к роли матери индивидуальной семьи. С другой стороны, в течении этой целой эры, по причине преимущества мужчины эксплуатация женщины конкретизировалась в общественном масштабе в различных формах: в отношении к женщине как к покупной рабочей силе, м. проч. в устройстве проституции санкционированной всеми классовыми обществами.

В течении целой великой эры производительных сил первобытного земеделия, скотоводства и экономически - общественных отношений при целой растянутости специфических, классовых и местных различий и индивидуальных случаев, — экономическое, организационное и профессиональное сотрудничество женщины с мужчиной, в громадном большинстве случаев, ограничивалось второстепенной ролью.

Следующая, в самом большом историческом масштабе перемена в положении женщины начинается в этапе всеобщей механизации и моторизации производительных сил.

Вполне новые производительные силы оказывают влияние на принципиальные перемены во взаимоотношениях мужских и женских общественных сил. Это в сущности та же самая причина, принимаемая Косвеном и Ефименко, которая составляет базу возрастания значения женщины и возникновения матриархата в ориньяко-солотрейской эпохе — та же, которую Энгельс считает причиной падения значения женщины, после формирования патриархата.

Из взаимной причинной связи производительных сил и производственных отношений, выводим некоторые исторические законы. Однако, в большом историческом масштабе легко заметить диалектическую релятивность проявления этой связи. Релятивность эта записывается тоже в его принципиальном проявлении, именно в способах как формируются зависимо от возникающих производительных сил — новые отношения продукции: в данном случае отношения между мужчинами и женщинами в процессе продукции.

Энгельс обратил внимание на следующую релятивность причинной связи, говоря о переходе от охоты к разведению домашних животных: „Та же самая причина, которая прежде обеспечивала женщине её господство в доме — ограничение её труда работой — по дому, эта самая причина утверждала господство мужчины в доме”.⁴⁾

Такую же релятивность последствий констатируем в этапах дальнейшего развития. Современная механизация и моторизация производительных сил, это явление производственного прогрессе в историческом масштабе таких перемен, какие произошли в неолите с переходом от собирательства и охоты

⁴ Маркс К., Энгельс Ф.: Соч. т. XVI. ч. I. стр. 137—138. Энгельс Ф.: Происхождение семьи. 1949. стр. 167.

к скотоводству и земледелию. Однако, в то время, когда этот прогрессивный перелом в производстве, был причиной м. проч. описанного Энгельсом падения общественного значения женщины, то прогресс современного производства в „обратной аналогии” открыл радикальное возрастание общественного значения женщины, „победу женщины в мировом масштабе”.

„Обратно аналогические” были тоже последствия перемен в разделении труда. Раньше в условиях примитивного охотничьего быта возрастающее разделение труда по полу было причиной возрастающего значения женщины. Вместо того, в условиях современной экономически-общественной жизни, значение женщины повышается параллельно с радикальным исчезанием разделения мужского и женского труда выступающим вследствие моторизации и механизации производства.

Коренное различие характера производственных сил набирает совсем обратные законы конкретного образования соответственных производственных отношений.

Согласно констатированным до сих пор законам, новые производственные силы сначала служат эксплуататорам при капитализме и новые механизированные и моторизованные орудия увеличили капиталистическую эксплуатацию женских рабочих масс уже в его первых фазах. Физически слабые женщины тоже были пригодны к обслуживанию машин и моторов и к большинству административных и технических работ. Однако эмансипация женщины развивалась принципиально, в пределах капитализма параллельно с дальнейшим развитием современных производительных сил. Содействовали в этом процессе развития либеральные течения, которые усиливая своё господство внес сначала новый класс — буржуазия. Этот процесс перманентно приостановлен был всякого рода реакционными привычками и стремлениями классового общества. Замечательным является отказ равноправия женщины фашизмом. Отказ этот является проявлением характерной для фашизма глубокой реакции, идущей не только по линии капита-

листической идеологии но и других классовых формаций, в данном случае идеологии феодализма.

Лишь только современные революционные перемены строя возникшие как неизбежные и окончательные последствия экономического прогресса производительных сил ввели производственные отношения соответствующие новым производительным силам: неотъемлемой частью этих продукционных отношений является общественное взаимоотношение обоих полов. Разделение труда между ними, ограничивается к биологическим пределам. Женщины участвуют в общественном производстве, наравне с мужчинами, вследствие чего получают одинаковые формальные и фактические права. В странах социализма, где реализуются опирающиеся на моторизованных производительных силах, первые этапы эры современного коллективизма, равноправие и эмансипация женщины достигли своего полного социального значения.

МОШИНСКИ КАЗИМЕЖ

О ГЕРОДOTOVЫХ НЕВРАХ.

(Краткое изложение).

Единственным и самым важным источником наших сведений о Неврах в V и VI в. до н. э. является Геродот. Кроме названия этого народа и некоторых данных, относящихся к месту его жительства, все остальное сводится у Геродота к трем тезисам:

I среди Невров преобладают скифские обычаи,

II ежегодно каждый Невр превращается в волка,

III перед нашествием Дария на Скифов, значит около 550 г. п. н. э., Невры были принуждены оставить свою родину, вследствие размножившихся в большом количестве пресмыкающихся

ся, которых Геродот называет оофес, что обозначает прежде всего ужа, на втором месте змею.

Ни одно из этих сведений не мешает считать Невров предками Славян (хотя ни одно не позволяет утверждать, что Невры ими были).

Относительно места жительства, значит родины Невров по Геродоту могло их быть пять: 1) Невры живут на север от Скифов-землепашцев, над рекой Гипанисом (Бог) на запад от Бористена (Днепра). 2) Между землей Скифов и Невров находится большое озеро, от которого берёт начало река Тырас или Днестр. 3) Севернее Истра, значит нижнего течения Дуная, в глубине страны, Скифию окружают Агатырсы (здесь начинается река Maris, Марош, Геродот I 48), Невры, затем Андрофаги и Меланхлайны. 4) На одно поколение перед походом Дария Невры переместились к Будиным. 5) Скифы отступая во время нашествия Дария вошли в страну Меланхлайнов, Андрофагов, затем Невров, где повернули не тронув Агатырсов.

Резюмируя всё выше сказанное Геродотом в 1, 2, 3 и 5 заметке, можно предположить, что родина живущих в его время Невров занимала территорию сегодняшнего Подолья и Волынской области (может и Киевской). Тщательная, всесторонне-критическая оценка 4 заметки Геродота позволяет рассуждать следующим образом: Невры жили перед нашествием Дария (до 550 г. п. н. э.) в какой то стране отличающейся по Геродоту пустынною и большим количеством змей. Оттуда переселились они в верховия Дона, где кочевали Будины, в бассейн Оки и среднего течения Волги. Во время нашествия Дария вернулись на запад от среднего течения Днепра.

В древней и средневековой Европе встречаем многие примеры миграции народов передвигающихся в одном направлении, преимущественно с востока к западу, поэтому можно предполагать, что исходные пункты Невров находились в восточном направлении от поселений Будинов. Миграция Невров была бы похожа на миграцию Венгров.

МИЛЕВСКИ ТАДЕУШ

МИРОВОЗРЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ИНДЕЙСКИХ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ ПЛЕМЁН В ОСВЕЩЕНИИ АНАЛИЗА КАТЕГОРИИ РОДОВ В ИХ ЯЗЫКЕ.

(Краткое изложение).

Деление имён существительных по родам освещает мировоззрение общества, создавшего эту родовую систему. Согласно с этой концепцией автор анализирует родовые системы встречаемые в языке северо-американских индейцев (Коасати, Билокси, Насе, Хиноок фокс, Хероки, Гурон, Таос, Гуна, Апаचे, Тускарора, Туника, Тсимечиян) занимаясь наиболее развитой системой языка Yuchi (сегодня в штате Оклахома). Системой этого языка занимается работа Гюнтер-Вагнер Hand book of American Indian Languages edited by Fr. Boas, Part 3 1933-8, str. 293—384. В языке Yuchi находится 8 родовых систем, именно: 1) местоименные префиксы сказуемого имеют другую систему нежели артикли, 2) единственное и множественное число отличаются разными системами родов, 3) язык мужчин имеет одну систему, язык женщин — другую. Система стоящая на первом месте во всех трех противоположных случаях, менее сложна нежели система занимающая второе место. В общем получатся 8 систем (2.2.2-8), из которых наименее сложной является система префиксов сказуемого в множественном числе языка мужчин; наиболее сложной является система артиклей в единственном числе языка женщин. Между этими двумя экстремами помещаются остальные системы. Во всех восьми системах языка Yuchi на первом плане находится общинная группа, противоположная всему миру. Остальной мир находящийся за пределом племени разделяется на часть оживлённую и часть неживлённую (в четырёх системах на восемь). Часть неживлённая разделяется (в двух системах на восемь) на перпендикулярные, горизонтальные и остальные неодушевленные предметы. В пределах племени Yuchi генерация старшая от говорящей противопоставлена

остальным членам племени. Это разделение выступает различным образом в системах. Другие деления группы соплеменников зависят от пола говорящего лица. Разделение каждого пола на группы отличается большей подробностью на языке противоположной группы. На языке мужчин подробнее классифицируют женщин, на языке женщин — мужчин. Каждому полу его собственная группа кажется более однородной нежели группа противоположного пола. В системах для *singularis* на мужском языке выделяют женских родственников, а среди них родственницу старшей от говорящей генерации, но не выделяют вовсе мужских родственников. Две системы употребляемые женщинами в единичном числе разделяют племя на часть мужскую и женскую, классификация в пределах мужской группы более подробная, чем в пределах женской группы. Женская группа разделена на два класса: один состоит из родственниц говорящей старшей генерации, другой — из остальных женщин и племени *Yuchi*. Мужская группа состоит из трёх классов, самый высший класс состоит из родственников старшей от говорящего генерации, другой класс составляют остальные родственники, третий — остальные мужчины племени *Yuchi*. Как видно половой момент играет важную роль в языке женщин этого племени, так как противоположность женского и мужского класса и противоположность мужских и женских родственников ясно выделяется на языке женщин.

Такое понимание мира можна определить как племенно-родовое и иерархическое мировоззрение, подчеркивающее преимущество женщины. Главную роль играет в нем противоположность членов племени к нечленам. В пределах членов племени встречается выделение старшей генерации в виде высшего класса, или выделение собственного рода. В пределах рода высший класс составляют родственники и родственницы старшей генерации. Мир построен по законам иерархии: самой высокой стоимостью отличаются родственники лица говорящего старшей от него генерации. Женщины, классифицируя подробно мужчин выделяют старшую генерацию своих родствен-

ниц, но мужчины этого не делают. Указывает это перевес женщин над мужчинами. Женские родственницы составляют высший класс в четырёх системах, мужские родственники только в двух системах, что свидетельствует в пользу преимущества матриархата над патриархатом.

Мировоззрение это субъективно, так как все критерия на которых оно построено зависят от говорящего лица, становится это вполне понятно если обратить внимание на противопоставление старшей генерации лица говорящего всем остальным существам, и на противопоставление родственников говорящих остальным членам племени. Центром мира считаются старшие родственники, прежде всего родственники лица говорящего „мои родственники“, что производит впечатление крайне эгоцентричного мировоззрения.

ЧЕКАНОВСКИ ЯН.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ВАЛЕНТИНА КИПАРСКОГО.

(Краткое изложение).

Синтетическое рассматривание Валентином Кипарским (1939) проблем этногенезиса угрофинских и балтийских народов в финской науке, основано на результатах польских антропологических исследований (Ян Чекановский 1938). Благодаря этому становится более очевидной обособленность архаического слоя лапландского, с самоедскими антропологическими связями населения, которое берет начало в солютрейской эпохе, от значительно моложе, неолитического финского слоя, связанного по последним антропологическим исследованиям с т. наз. фатъяновской культурой советских археологов. Кроме того яснее обрисовывается гипотеза, что восточные Балты, это продолжение упомянутых Геродотом Невров, которые, окружив с юга полеские болота поместились в бассейне Днепра и Волги т. е. там, где Казимир Буга локализирует их прародину. Очень возможно, что обособление Латвийцев сле-

дует считать наследствием их соседских сношений с Финнами. антропологическое же видоизменение Литовцев является результатом славянских влияний. Следует еще сказать, что исследования Кипарского (1952) базируются на лингвистических аргументах, которые указывают, что миграция предков северных Великорусов из бассейна Вислы в бассейн озера Ильмень произошла значительно раньше нежели восточные Балты поместились вдоль побережья Балтийского моря. Чекановский, предполагает что Птолемеевых Финнов, отождествляемых Кипарским с Лапландцами, следует локализовать в пограничной пустоши между восточными и западными Балтами, в нижнем течении Немана. Вероятно загнали их туда во время их миграции с юга восточные Балты, которые передвигались к северу, а позже к Балтийскому морю. Кипарский категорически опровергает попытки Розвадовского и Лер-Сплавинского, пытающихся доказать с помощью топонимики существование Финов на польской территории.

ГАЕК ЮЗЕФ

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД В ПОЛЬСКОЙ ЭТНОГРАФИИ.

(Краткое изложение).

Приложение к истории польской этнографии.

Доклад произнесенный на XXVIII Общем Собрании Польского Этнографического Общества во Вроцлаве 6. VI. 1953 г.

В настоящем году минуло 80 лет от появления в 1873 г. работы Тадеуша Войцеховского — „Хробация” разбор славянских древностей, Краков изд. „Край”. Вступление, озаглавленное автором „К методу исследования славянских древностей” составляет сомкнутую диссертацию на 117 страницах. Книга эта в течении 80 лет не обратила на себя внимания ни историков ни этнографов, её оригинальность не была никем оценена. Историки и этнографы того времени не досмотрели и прозевали необыкновенную в эту эпоху работу Войцехов-

ского, его имя не встречается в польской этнографической литературе, хотя его рассуждения указывали польским этнографом новый путь. Войцеховский считал этнографию исторической наукой, не наше дело разбирать причины этого явления, что пионерская работа Войцеховского направляющая польскую этнографию к её истинной цели не была признана польскими этнографами, поглощенными всецело бессмысленным собирательством различных этнографических фактов. Уровень тогдашней польской этнографии не отвечал требованиям Войцеховского, который указывал неиспользованные этнографические источники. В методологическом отношении польская этнография слегка только отражала дискуссии и положения западно-европейских учёных.

Диссертация Войцеховского встретила однако с отзвуком среди передовых польских учёных: Пекосинский, Бальцер, Потканьский, Буяк, Абрагам и Домбковский в своих работах применяли ретрогрессивный метод называемый Войцеховским „одвратным методом”. Проявляется это в использовании этнографических источников целью реконструкции этногенеза польского народа и происхождения польской культуры.

Эта родимая концепция ретрогрессивных исторических исследований, базирующая на работах Яна Потоцкого и Суровецкого созрела у Войцеховского в 70 годах минувшего века, под влиянием работ Миклосича и Потта.

Станислав Закржевский говорит, что „Хробация” это „большой шаг вперёд сделанный польской наукой. Жаль только что работа Войцеховского не окончена и непереведена на иностранные языки”. (Исторические очерки, стр. XXI). В методическом отношении работа Войцеховского была пионерской, в полном смысле этого слова, не только в польской, но и в мировой науке, она расширила пределы первоисточников, указывая как следует ими пользоваться. Однако до сих пор историки не вполне оценивают этнографические источники и в этом находится причина порицаний по адресу Пекосинского, Потканьского и Буяка.

КРИСТАЛЛОМАНТИЯ.

(Краткое изложение).

Молитвенник Владислава (изданный во Львове 1928 г.) это самый древний и почти единственный учебник кристаллоμανтии. Возник он около 1480 г. и благодаря современным иллюстрациям является наиболее выразительным, еще не вполне использованным документом этого способа гадания. Кристаллоμανтия, также как породненные с нею гидромантия, лекано, ксипфо и особенно катоптромантия пользующееся блестящей поверхностью вызывающую галлюцинации, с помощью кристалла вызывает подсознательную сущность в виде оптических или акустических галлюцинации, принимаемых как объективные явления и сообразно с намерениями смотрящего в кристалл, объясняемых как предсказания будущего. Эти методы известны были уже в древней Вавилонии, в отношении технического аппарата, метода гадания и окончательного результата похожи очень на шаманские практики. Кристаллоμανтия распространенная в целом мире, только в Европе стала гадательным искусством отличающимся специфическим ритуалом и своеобразной аппаратурой: вне Европы преобладают факторы нетехнические, факторы неких мантичных дарований, как у шамана.

Бесперерывную традицию кристаллоμανтии встречаем после базилийского собора, во время итальянского ренессанса находящегося под византийским влиянием, исключая изолированный пример, о котором упоминает орфический Каменник с эпохи Антонинов (II в. н. э.) указывающий египтизирующую дивинацию, а также заметки о кристаллоμανтии у Яна из Салесбури (XII в. н. э.) относящиеся к арабскому культурному кругу. Иоганн Гартлиб, придворный доктор баварского фюрста, подробно описывает её в своей Книге всех запрещенных искусств под названием пьромантии. Дальнейшие заметки встречаем в Виртембургии в 1485 г. и у Конрада Целтеса из Нюрнберга в 1498 г. Кристаллоμανтия является манерой

гадания высокопоставленных лиц и духовенства, которое занимается составлением учебников и заклинаний для вельможей, как напр. Молитвенник Владислава. В атмосфере оккультнического психоза распутанного изданием в 1488 г. *Malleus maleficarum*, быстро возростала популярность кристаллоμανтии в таких интеллектуальных центрах, как напр. Нюрнберг (1530 и 1531); в половине XVI в. считают этот манер гадания народным и базилийский профессор Парацельс (1403—1541) в своих многочисленных работах, обнаруживающих влияние английских народных верований, старался научно объяснить кристаллоμανтию и родственные ей гадания, исходя с точки зрения признающей действительность галлюцинаций и безошибочность народных верований.

Теории Парацельса не имеют никакой научной стоимости, но характерны для своей эпохи. Парацельс свидетельствует о распространении кристаллоμανтии в странах аллеманов и Габсбургов, именно среди простого народа. Однако, в многочисленных актах процессов обвиняющих в колдовстве, только несколько раз говорится о кристалле на территории Саксонии и Меклембургии. В XVII в. встречаются изолированные заметки из территории Стырии, Лужиц, Ростока, в XVIII в. из Вены и Чехословакии, Гётте ввёл кристаллоμανтию в литературу упоминая о ней в Фаусте и Gross. Корпта. Геббель, Людвиг и П. Т. А. Гофманн использовали эту тему в своих романтических произведениях. Екатерина Мэдици по французской традиции занималась кристаллоμανтией. Возрождение кристаллоμανтии наступило в XIX в. благодаря таким последователям оккультизма как Белль, Бессак, кн. Констант. Вместо того Англия является классической родиной кристаллоμανтии, начиная уже с XV в. когда этого вида гадание знакомо было народу. Существовали тогда многочисленные книги, сохранились даже рукописные. Многие заметки и судебные процессы производят впечатление, что в XVI в. целое английское общество обуюя кристалломантический психоз, не исключая даже таких выдающихся учёных как мистик Джон Ди (1527—1608). Его исследования оптических рефлексов вели в кристаллоμανтию.

его убеждения насчёт объективности галлюцинаций были убеждениями всей Европы, благодаря чему Ди стал пророком и политиченким реформатором центральной Европы. Книги с протоколами его видений с 1581—1588 г. составляют 23 томов, а ведь Ди делал эксперименты до 1607 г. на 80 г. жизни. Существовало 6 кристаллов, которые считались собственно-стью Ди. Судья Редж. Скотт (1538—1599) старался научно объяснить кристалломантные явления, считаемые действием сатаны. Его решительное противостояние психозу стало исходным пунктом деистической реакции в Англии, рационалистической в Голландии и Германии. Елизаветская эпоха сохранила в своих судебных книгах мантические практики и Скотту знаком был генезис таких книг. Победа возрений Скотта и популярность его труда совпадает с половиной XVI в. Скотт стал классиком деизма, исключаяющего еще радикальнее его иррациональные факторы в научных рассуждениях: кристалломанта стали считать мошенником монтирующим видения в свою пользу. Рационалисты достигли своей цели: подорвали авторитет кристалломантии среди интеллигенции. Английский романтизм во второй половине XVIII в. наново открывает кристалломантию в виде народного верования, вслед за этим появляется Франсис Баррет со своим монументным *Magus or Celestial Intelligencer* (1801 г.), который стал библией романтических оккультистов XIX в. и в котором представляет кристалломантию трактат Псевдо-Тритемиуса. Благодаря Леди Блессингтон и её кристаллу английская знать и интеллигенция снова верит в видения и объявления. Кристалломантию встречаем еще в вульгарногреческих текстах с XV в. свидетельствующих о существовании этого способа гадания в Византии: изолированные эти тексты могли возникнуть под влиянием Запада, хотя Восток проявляет инициативу в этой именно области.

Гумманисты-теологи, верующие в кристалломантию выровняли это верование с гаданием известным по ветхому Завету под названием *urim* и *thumim*. Оккультисты XVIII в. захватили эту концепцию в свою кабалу.

Последняя глава сводит данные о кристалломантии у первобытных народов. Особенно поразительно пользование кристаллом в культурном кругу центральной Америки (у Азтеков, Майя, Инка и Гуатемалы). Индейцы северной и южной Америки имеют свои легенды и кристалломантные верования. Второй сплочённый центр этого гадания находится в Австралии и прилегающих к ней странах Папуасов и Полинезийцев, откуда могло оно распространиться на остров Мадагаскар. О кристалломантии Мальгассов подробно говорит Этиенн де Флякурт (1661).

СОВИСЯК ВАЛЕРИАН

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ И МЁРТВЫЙ ИНВЕНТАРЬ В ПОМЕСТЬЯХ ПОЗНАНЬСКОГО ЕПИСКОПА. ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМ XVII—XVIII в.в.

(Краткое изложение).

Обработка развития уровня производительных сил и развития народного зодчества на основании рукописных первоисточников, это проблема почти неисследованная польскими этнографами. Существующие до сих пор публикации учитывают главным образом полевые исследования и литературу, пропуская рукописные первоисточники. Настоящий труд начинает работу в этом участке и в своей первоначальной стадии рассматривает сочетание первоисточников и его расслоение во времени и пространстве. Предметом анализа являются: жилые помещения, хозяйственные, индустриальные и торговые постройки (учитывается конструкция сруба, кровли, внутреннюю обстановку), а также сельскохозяйственные орудия, индустриальное оборудование, домашнюю, индустриальную и торговую утварь (её внешний вид, сырьё из которого сделана, конструкция). Первоисточники составлены инвентарными описями поместий и отдельных деревень познаньского епископа находящихся в прежней Великой Польше и на Мазовше (центральная Польша) с 1604—1796 г.г.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ОБОРУДОВАНИЯ.

В это время в поместьях познаньского епископа царствовало крепостно-усадебное хозяйство, характерное своим застоём и регрессом в развитии производительных сил (введение наёмного труда помогает техническому прогрессу в земледелии). Земледельческие работы исполнялись с помощью сох, деревянных плугов и борон, количество сельско-хозяйственных орудий в одном хозяйстве состояло из 1—2 плугов или сох и 1—4 пар борон. Все эти орудия были деревянные только некоторые части были сделаны из железа. Огородническая и садоводческая утварь, упоминаемая лишь во II пол. XVIII в., содержит мотыги и кирки, служащие в культуре хмеля, заступы, инспектные окна, тачки, ножницы к обрезыванию фруктовых деревьев и пр. В уборке хлеба пользовались исключительно серпом, употребление косы в это время встречается лишь в нескольких случаях исключительно при уборке сена. В описании серпов и кос встречаем исчисление количества брусков (бабки), а также количество вилок и граблей. Неизвестно каким образом молотили рожь. Вероятно были это цепи, вследствие чего продуктивность работы была незначительна и „двор“ требовал с молотившего определенной дневной нормы напр. 30 снопов ярого или озимого хлеба. Вымолоченное зерно чистили с помощью деревянных лопат и пересекали на решетках. В конце XVIII в. появляются первые веялки.

Среди индустриального — первое место занимает оборудование винокурных и пивоварных заводов: составляли его медные котлы, кадки, бочки, корыта и мерки. Опись мельницы начинается исчислением мельничных камней и молотков, служащих к обработке растирающих поверхностей этих камней; ящики и канаты а также приборы, служащие к дроблению проса, сукновальня, орудия к выработке бумаги и колке дерева составляют тоже оборудование мельницы. Оборудование кирпичного завода и кузницы встречается в инвентарных описях лишь в конце XVIII в. Среди кухонной утвари чаще всего находятся молочные сосуды и утварь служащая к производству сыра и масла.

К потребительской обстановке принадлежат столы, дубовые и липовые скамьи, стулья и шкафы. Более дорогая мебель находится в резиденции епископа. Обстановка деревенского кабачка (корчмы) состоит из стола, скамейки, стульев, стойки (шинквас). Утварь в корчме это: жестяные или деревянные полугарнцы и полчетверти, бочки, бутылки и воронки. Среди сельскохозяйственной утвари находятся соломорезки, телеги, сани, упряжь.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ, ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ И ТОРГОВЫЕ ПОСТРОЙКИ

Усадьбы (т. наз. фольварки) познаньского епископа производили главным образом хлеб, поэтому можно везде встретить амбары и хлебные магазины. На территории Великой Польши они исчезают довольно рано, хлеб сохраняют в гумнах, которых встречается в каждой усадьбе от 1—4. Гумна очень часто находятся под одной крышей с конюшней, хлевом, овчарней или другими помещениями для домашних животных. Эти деревянные постройки имели конструкцию на соху, в угол, на закомы, рыглювки. Кроме того были еще мазанки. Крыши преимущественно из соломы или лозы, реже из гонта (шкудлы). В пределах хозяйственного двора помещались курятники, голубятники, свинарники, кладовые служащие для хранения зерна или сечки, кладовые для подготовки солода, особые погреба, молочные и солки для молочных продуктов, соломорезки, навесы, колодцы, сараи для телят и воев. Воду тянули их колодца с помощью т. наз. журавля, реже — коловорота. Индустриальные постройки состояли: пивоварные заводы, солодовни, винокурные заводы. Среди построек хлебной индустрии особое внимание обращают на себя мельницы, которые в отношении движущей силы следует разделить на водяные, ветряные и мельницы с конным приводом, в отношении продукции — на мельницы производящие муку, пшено, солод, мельницы — валяльные сукна, бумажные, лесопильни и стеклянные заводы. Курпичные заводы появляются во II полов. XVIII в. Название это обозначает навес,

где формируют и сушат кирпич и черепицу. В XVIII в. существовали печи к сушению льна. Кузница и жилище кузнеца находятся под одной кровлей. Кузнечный станок находился в сенях, в избе жил кузнец.

Торговые постройки — это корчмы с конюшнями построенные из дерева или мазанки с соломянной крышей. Корчма состояла из кабака, чулана для гостей и жилого помещения владельца или арендатора корчмы.

Самое важное место в описании жилых помещений занимает резиденция епископа, усадьбы арендаторов, флигель и павильоны для служащих, кухни и людские. Неоднократно в пределах господского двора находились хижины крепостных, а дальше в деревне жили овчари, мельники и пахари в мазанках крытых соломой. Крестьянские избушки состояли из чулана, жилой избы и сеней, преимущественно не было у них пола.

Первоисточники дают поверхностные данные, так как они представляют главным образом рентабельность имения. Инвентарные описи подчеркивают употребление железа в некоторых орудиях. В орудиях замечается некоторый прогресс, но не видно его в индустриальных оборудованьях и в утвари. Постройки были деревянные с кирпичным или каменным фундаментом, с крышей из соломы или гонта.

БУРШТА ЮЗЕФ

ПРОБЛЕМА „НАВСЯ” В ДЕРЕВЕНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ.

(Краткое изложение).

Автор старается объяснить понятие *нався* и описывает его историю и роль в деревенском поселении.

Научная польская литература мало занимается проблемой „нався”, насчёт которого встречаются незначительные заметки, разбирающие вопрос с историко-юридической точки

зрения. По автору, проблем „нався” может быть решен лишь с историко-географической точки зрения. „Навсе”, по автору является органической частью некоторых типов поселений (овальница, окольная, улицовка), в других типах — может существовать (многодорожная деревня), не появляется вовсе в рассеянных поселениях и в современных посёлках. Генезис „нався” надо искать в средневековых приёмах хозяйства. „Навсе” это обыкновенная деревенская площадь или длинная полоса земли, тянущаяся вдоль деревни. „Навсе” благодаря своей роли в жизни деревенской общины принадлежит общине. В средние века „навсе” называлось *во н г р о д а*, название это употреблялось на Мазовше. „Навсе” встречается на юге Польши и в Чехословацкой Республике под назв. „*náves*”, в Силезии, в Бранденбургии и на Помории (под назв. „*anger*” или *aye*). В 5 главе автор говорит насчёт истории „нався”, которое очень часто захватывали солтысы или шляхта. Вопреки всем притязаниям „навсе” остается общинной собственностью в противоположность Германии и Силезии, где „навсе” всецело перешло в руки панов.

„Навсе” было обыкновенно местожительством бедняков (*халупники* и *загородники*). Солтысы были в праве помещать там ремесленников. В Нижней Силезии (Дольны Слёнск) и в Малой Польше на „навсе” поселялись ткачи, в индустриальных окрестностях — рабочие; „навсе” приобрело вид городского поселения, тогда, как вся деревня сохраняла свою первоначальную планировку и оставалась по прежнему деревней.

Деревня Гродзиско, ланьцуцкого уезда отличается типичными приметами своего „нався”: расположено оно вдоль деревни и живут там только бедняки. Находятся там учреждения служащих целой деревни. Бедняки стали поселяться на „навсе” во время классового расслоения деревни. Классовая дифференциация деревни проявилась таким образом в пространстве занимаемом деревенскими жителями.

ДЕКОВСКИ ПЕТР

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОШЛОГО ОПОЧИН-
СКИХ ГОРОДКОВ.

(Краткое изложение).

На территории уезда Опочно существовало в XVI в. девять городских поселений. Некоторые из них окруженные канавой и каменной стеной были укрепленными городами. жители занимались земледельем, Меньшинство — торговлей и ремеслом.

Ремеслом занимались ткачи, меховщики, боднари, сапожники, слесари, колёсные мастера, все они были жителями Кльова, Држевицы и Гельнёва. Торговлей занимались жители Опочна, куда привозили воловую и лосиную кожу, конопляное и льняное полотно, шерсть, бараний шубы и верёвки.

Мещанская усадьба состояла из жилого помещения, гумна или овина, конюшни, хлева, скотного двора, деревянного сарая, иногда в усадьбе помещался винокурный завод, ремесленные станки и каток для белья. Вокруг усадьбы располагался фруктовый и овощной сад. Многие дома не имели дымохода, крыши были из гонта. Жилые дома и хозяйственные постройки поставлены были в сруб (веныровка). Городские бедняки жили в маленьких избушках без сеней и пола. Богачи пользовались несколькими комнатами. Меблировка состояла у них из кровати, шкафа, полки назыв. л и с т в а и сундука. В чулане помещались колоды, кадки, ушаты, богонки, лохани и горшки (в а р ж н и ц е).

В XVIII в. мещане вспахивали землю железной плужницей или деревянной сохой, телега называлась б о ш е. Мещанская опочинская одежда в XVII в. отличалась разнообразием в качестве тканей и украшений. Ткани были преимущественно покупные, различного качества, цвета и цены. Шили одежду также из самодельки.

Женский наряд отличался изяществом и красотой, состоял он из юбки, камзола, корсета, фартуха, „с у к е н к и“, жупана, гулупа, венца, башмаков и кораллов. Мужчины одевали жупаны, контуши, чамары, бекеши, камзолы, пояса и конфеде-

ратки (четырёхугольные шапки). Все эти данные не дают однако полного понятия о жизни опочинских мещан, хотя основаны они на архивных источниках, имеющих в исторической этнографии большое значение, вследствие того, что указывали влияние мещанской культуры на народную.

ГЕЙНОШ ВОЙЦЕХ

ПАТ Р Ы Я

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИСТОРИИ ПЕРЕДАЧИ ИЗВЕСТИИ.

(Краткое изложение).

Исходя из положения, что для этнографических исследований имеют значение даже самые мелкие наблюдения, автор сообщает несколько данных относительно передачи известий в минувшие времена. Дело это до сих пор почти неисследованно, несмотря на его важное значение. Известно — что наиболее употребляемым манером передачи известий было зажигание костров на холмах и горах. Автор обратил внимание, что в ланьцукском уезде в местности Гродзиско встречаются холмы называемы п а т р ы я. Название это связано по автору с глаголом п а т р ж е ц ь (смотреть, глядеть наблюдать), что указывает на связь этого названия холмов с давно минувшей формой телекоммуникации. В пользу этой гипотезы говорят данные находимые в польских этимологических словарях, в которых слово п а т р ы я обозначает треугольное оборудование. Однако эти оборудования явились в новые времена. Генез п а т р ы и гораздо старше. На территории Швейцарии до сих пор живут воспоминания специальных сигнальных устройств.

КОЛЯАНКОВСКИ З.

БОРТНЫЕ ЗНАКИ В ИЛЖЕЦКОМ ПОМЕСТЬИ.

(Краткое изложение).

Бортничество, одна из примитивных форм лесного пчеловодства, встречается очень часто на территории Польши. Истори-

ческие первоисточники, начиная с X в. (Реляция Ибрагима ибн Якова) содержат много данных относительно бортничества. Принадлежность бортей обозначена была символом собственности в форме нарезов на древесном стволе. Знаки эти напоминали другие знаки которыми обозначали рыбаческие снасти или домашних животных, дома и гончарные изделия. Л. Кржиwickий, анализируя в 1892 году бортные знаки на территории Мазовша, главным образом в Курпёвской Пуци, доказывает что следует искать их происхождения в первобытной общине. Исследования Бол. Намысловского (1925—29) доказывают, что знаки собственности являются основой феодальной геральдики.

Настоящий список бортных знаков происходит из илжецкого поместья, находящегося в окрестностях Кельц, где до сих пор не были найдены памятники такого рода. Территория эта, обильна керамическими изделиями, разукрашенными оригинальным орнаментом. Бортные знаки с конца XVIII в. утверждают итоги сделанные Крживицким насчёт сходства формы знаков в зависимости от родственной связи их владельцев. Анализ давних проверок (люстрации) с 1789 г. илжецкого поместья удостоверяет, что между бортничеством и высшей формой пчеловодства существует некое сходство. Пчеловодство встречается в 27 деревнях, лесное бортничество — в 11 деревнях, причем в 9 деревнях живут и пчеловоды и бортники. Число бортей — 419; ульев — 270. В деревнях, в которых живут и пчеловоды и бортники находится 130 ульев, 55 бортников и 72 пчеловодов. Тождество фамилии встречается в 7 случаях. 9 пчеловодов имеет 11 бортей и 46 ульев.

Опубликованная таблица исправляет ошибки Намысловского, утверждающего что в рисунке бортных знаков преобладают высеченные топором прямые линии. Таблица спецификации наглядно доказывает, что существуют тоже волнообразные линии.

БУРШТА ЮЗЕФ

ЗНАКИ НА БОРТЯХ В ВЫШКОВСКИХ ЛЕСАХ.

(Краткое изложение).

Небольшое количество бортных знаков повысилось, благодаря поискам автора, к числу 62. Описи этих знаков найдены автором в Архиве Польского Этнографического Общества в коллекции рукописей польского этнографа Яна Виторта. Бортные Знаки употреблялись в XVII веке пчеловодами Вышковской Пуци. Автор разбирает вкратце три проблемы связанные с бортными знаками: проблему генетическую, морфологическую и проблему пользы. По теории Л. Крживицкого и В. Намысловского обозначения бортей были раньше родовыми знаками, которые с течением времени стали обозначать собственность. В морфологическом отношении бортные знаки Вышковской Пуци отличаются в сравнении с другими знаками более сложным рисунком (знак 26, 29, 48). Автор согласен с историком Ст. Кутржебой, что знаки были первоначально весьма несложные, эволюция их проявляется в более сложном рисунке. Деление лесов и бортей между членами рода, или их продажа стали причиной прибавления новых подробностей к основному рисунку. История борти отражена в бортном знаке: более сложный знак говорит о многих переменах в истории борти. Морфология борти отражает, по мнению автора, некоторые элементы христианской культуры и влияние бортнического писаря.

БАРАНОВСКИ ВОГДАН

ПРИГОВОР СУДА ОВЧАРЕЙ С КОНЦА XVII В. В ЗАПАДНОЙ ВЕЛИКОЙ ПОЛЬШЕ.

(Краткое изложение).

Польская деревенская юстиция до сих пор мало исследована. Проблемы юстиции отдельных профессиональных групп например бортников, бурлаков, овчарей и т. п. остаются пока не-

выяснимы. Специфические условия социальной и экономической жизни этих групп были причиной того, что еще в конце XVIII в. они сохранили самоуправление, занимающееся преимущественно профессиональным судебным делом. К сожалению сохранилось очень небольшое количество следов их деятельности, вследствие того, что члены суда не умели читать ни писать.

Профессиональная группа овчарей имела своё самоуправление, которое занималось также судебным ведомством, и судило только профессиональные дела. До сих пор опубликован только один протокол суда овчарей в деревне Чевуево в окрестностях Жнина (Великопольша) с 1693 г. Судимые овчари обвинялись в воровстве овец.

Известны нам тоже заметки запрещающие овчарям вести судебное дело в некоторых деревнях Помория.

В Государственном воеводском архиве гор. Лодзи находится отпись приговора овчарского суда с 1787 г. В деревни Хросьницы в окрестностях Збоншыня в западной Велькопольше созван был суд в лицах четырёх овчарей. Обвиняемые помощники овчарей крали овец. Приговором суда обвиненные должны были уплатить денежный штраф в пользу помещика, костёла и суда. Некоторым из судимых суд запретил оставаться в овчарях. Уплачивание штрафа длилось до 1794 года. Содержание приговора интересно в отношении сведений о деятельности суда, его состава и т. п.

Суд овчарей на плоцком Мазовше в конце XVIII в.

В „Главном Архиве Давных Актов” в Варшаве, в одной из городских книг города Плоцка (relationem nr 107) находится несколько интересных судебных дел связанных с организацией овчарских судов. Акты относятся ко времени разделов Польши и касаются дела Валентега Шиманского, овчара королевских поместий Бяла и Машего, арендуемых Яковом Мишевским, пржаснымским ловчим управляющим которых был Юзеф Хмелински.

Овчар Валенты Шимански затеял спор с Шиманским и Мишевским, так как последний не возвратил ему заграбленных

овец и поставил его перед незаконным судом овчарей причиняя ему большие потери и обиду. Феодальный арендатор королевских поместий использовался профессиональным самоуправлением, каким был суд овчарей, как орудием гнёта против Шиманскому. Приговор был опубликован 17 октября 1789. К сожалению содержание его нам неизвестно, но по мнению шляхты был он великодушный (ласкавы). Валенты Шимански в своём вызове с 14 марта 1791 г. упрекает шляхту, что приговор был несправедливый а суд незаконный.

С началом дела познакомится можно в актах 1 и 4 представленных здесь в полном содержании. Три дальнейшие (2, 3 и 5) как мене важные, представлены только в заметках.

КАЛЕТКА АДАМ

К ИСТОРИИ ОВЦЕВОДСТВА И ЕГО ЮСТИЦИИ В XVII—XVIII В.В.

(Краткое изложение).

Лаврентий (Вавржинец) Слоневски, прокуратор Иезуитской Коллегии в Быдгощи, обвиняет урожденного Клёновского, старосту из Роева, что тот не наказал и простил овчаря Яна из Роева, который убил овчаря Войцеха из Плонкувка и украл у него 70 штук овец. Кроме того Клёновский обругал собравшихся на суд овчарей и помог убийце в бегстве. Подсудимый, Ян из Роева, уговаривал покойного овчаря Войцеха отдать ему 70 овец, когда Войцех не соглашался Ян пригласил его в корчму пить пиво, но Войцех упорно отказывался дать ему овец, тогда Ян, вышедши из корчмы, приказал Войцеху наметить цель на дереве и застрелил его, взяв его собственный мушкет, кроме того ударил его прикладом. Убедившись в смерти Войцеха захватил его овец.

Четырёх овчарей созданных приказом Михаила Колудского, владельца деревни Слупово, проводят судебное следствие

против овчарю Кржиштофу из той же деревни, который воровал баранов и овечий мати и продавал их евреям из Голанча, или сам их съедал. Приговором суда овчарей Кржиштоф обязан возвратить Колудскому овец из своего стада и дать в Иостёл в Смогульце две пары свечей. Тем же приговором Кржиштоф исключен из общины овчарей и запрещается ему заниматься овчарским делом.

БРОДА ЮЗЕФ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ЛЕСОПИЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ В ЖИВЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В XVII И XVIII В.В.

(Краткое изложение).

Территорию Живецкого Бескида и целую горную цепь Карпат покрывали когда-то лесные дебри, естественное богатство этой страны. Начиная с половины XV в. лесной товар растёт в цену, во время же усадебного хозяйства, лесной товар занимает первое место среди других, сплавляемых в ближайший торговый город — Краков. Торговля деревом начинает требовать лесопильного сырья. Первые заметки касающиеся механической обработки дерева в местных лесопильных заводах относятся к началу XVI в. Сто лет позже на территории живецких имений находится уже 8 лесопильных заводов, дающих тес и бруссы. Инвентарные описи с 1667 и 1712 год. дают перечень такого же количества промышленных заведений.

Конструкция лесопильных заводов была очень простая: все элементы машин, исключая нескольких окованных железом, были деревянные. Лесопильни состояли из двух этажей, в нижнем помещались колеса и вал переносящие водяную силу к лесопильной машине, которая находилась на верхнем этаже.

Живецкие лесопильни были в сравнении с подгаланскими более примитивные. Приложенные рисунки (попытки реконструкции на базисе описаний с XVII и XVIII в.) и объяснения указывают эту разницу.

ЛУЧАК ЧЕСЛАВ

МУКОМОЛЬНОЕ ДЕЛО В ЗАПАДНЫХ КУЯВАХ. ОТ XVI—XX В.В.

(Краткое изложение).

Первые данные о существовании водяных мельниц в Западных Куявах встречаются в XIII в. О ветряных мельницах говорят нам исторические первоисточники лишь в XVI в. Водяные и ветряные мельницы были собственностью короля, церкви или богатых феодалов. В мельники шли обыкновенно крестьяне. Мельник был обязан платить владельцу аренду деньгами или хлебом, кроме того были они обязаны кормить свиней владельца и вести техническую контроль других господских производств. С 1760—1775 г. стали платить аренду целиком деньгами. После 1823 г. в связи с раскрепощением крестьян случалось, что по уговору, крестьяне могли приобрести ветряную мельницу, вследствие чего в годах 1825—51 появляется большое количество крестьянских ветряных мельниц. Законом с 9. 11. 1849 г. требуется полных профессиональных квалификации и профессиональной подготовки владельцев мельниц. Богатые владельцы стали продавать мельницы крестьянам, не желая подвергаться профессиональному экзамену. В 1870—1890 гг. большинство мельниц находится в руках крестьян. Однако деревенское мукомольное дело не выдержало конкуренции с возрастающей индустриализацией, количество деревенских ветряных и водяных мельниц значительно уменьшается.

Среди западных помольных оборудований известны были на Куявах, рядом с ручными и водяными — ветряные мельницы. Водяные — в техническом отношении — были устроены гораздо лучше. В водяной мельнице имеется колесо прикреплённое к одному концу цилиндра, к другому концу прикреплёлось колесо „п а л е ч н е”. Веретено стоящее перпендикулярно к цилиндру, снабженное было двумя кругами, которые соединялись посредством двух небольших цилиндров назы-

ваемых „цевки“. До конца XVIII в. известны были на Куявах мельницы, в которых вращался только верхний камень в нижнем — неподвижном находилась т. называемая п а н е в к а, в которой вращалось веретено. Другой его конец вращался в отверстии железной плитки назыв. п а п р ж и ц а, прикреплённой к верхнему камню. Мельничное колесо приводимое в движение водой, в свою очередь передавало это движение цилиндру, цилиндр вращал второе колесо, сцепленное с веретеном. Веретено посредством п а п р ж и ц ы приводило в движение верхний камень.

Механика ветряных мельниц была такая же как и водяных, место водяного колеса занимают крылья мельницы.

Технический прогресс до конца 1772 г. состоял только в незначительных рационализаторских идеях.

Индустриальный переворот в XIX в., который возникает вследствие развития производительных сил, почти не изменил мукомольного дела в Западных Куявах (напр. в XIX в. куявские мельники не применили паровой машины). Построено только несколько голландских ветряных мельниц. В существующих водяных и ветряных мельницах стали заменять некоторые деревянные части — железными, вместо полотняных — ввели шёлковые решета и т. п. Первые паровые и моторные мельницы появились в куявских деревнях в 1918-1939 г., но владельцами их были помещики и городские предприниматели.

Деревенское мукомольное дело процветающее на Куявах в феодалистической эпохе и в начале капиталистической — приходит в упадок. Самая важная причина находится в том, что деревенские мельницы не могли сравниться в техническом отношении с городскими. Появление больших мельниц, которыми владеют союзы капиталистов углубляет кризис переживаемый деревенским мукомольным делом, которое не могло больше бороться с могуществом капитала. Деревенские мельницы на Куявах в течение 400 лет не ввели никаких технических усовершенствований, что окончательно решило их судьбу.

В настоящее время нет уже водяных мельниц в Западных Куявах, а ветряные в 80% занимаются дроблением кормового зерна.

ПЕНКАЛЬСКИ МИХАЛ

МЕРЫ ЗЕМЛИ (ПАШНЕЙ) В УРЖЕНДОВЕ.

(Краткое изложение).

Среди многих пережитков обращают на себя внимание названия обозначающие меры полей. Так например в Уржендове (Красницкий уезд, Люблинской области) местное население обозначает свои поля давними названиями. Вследствие того что прежние „ланы“ были одинаковой ширины, но отличались различной длиной от 3—8 клм., названия не всегда обозначают одинаковую поверхность.

По запискам городских книг, известно что жителей Уржендова в XVII в. истребила чума, оставшиеся в живых разделили между собою безхозные поля, все получили пашни одинаковой ширины, в длину пашня простиралась к границам соседней деревни. Вследствие того возникли позже различия в размерах обозначаемых одинаковыми терминами: „лан“ на одном из предместий считается в 48 моргах, на другом — 64 моргах (морга = 56 арам.). К наиболее характеристическим названиям зачисляем: пулзагонки, загонки, пулцвяртки, келбасы и пулланки.

МАЛИЦКИ ЛОНГИН

ПЕЧАТАНИЕ ПОЛОТНА В СИЛЕЗИИ.

(Краткое изложение).

Вступление посвящено разсуждениям на тему древней народной техники печатания на тканях различных узоров. Техника эта принесенная с Востока развивается успешно в средние века в Германии, Голландии и Англии. Эти страны изобрели

различные средства к разукрашиванию тканей печатными узорами и наметили новый путь в истории развития тканей. Старинная техника пользовалась в печатании узоров деревянными матрицами, на которых узоры были высечены в дереве или, позднее делали узоры прибавая к деревянной доске металлические пластинки или гвозди в виде какого либо узора. Краска, которой помазаны были матрицы оставляла следы узора на ткани. В XVI в. матрицы обливали воском, который оставался на ткани в виде узора, остальные места ткани красили в желанный цвет, воск удаляли посредством нагревания. В Силезии известны были печатные центра как Яблонков, Козле, Рациборж, Лесьница, уезд Стржельце Опольске, Вяла в Прудницком уезде и Семяновице Сталиногородского уезда, в которых ещё во II половине минувшего века печатали ткани, главным образом полотно из которого шили узорчатые юбки, передники, платки и прочие части народного костюма. Автор описывает матрицы и говорит относительно отдельных центров, в которых процветало печатание полотна. Много матриц находится в музеях Бытомя, Бельска, Гливиц, Ополя и Рациборжа. Мотивы орнамента матриц состоят из цветочных гирлянд, букетов. Чаще случается геометрический или геометрическо-растительный орнамент. Некоторые мотивы напоминают мотивы народных вышивок.

ГОТКЕВИЧ МАРИАН

ОРАВСКИЕ ТКАЧИ ПОЛОТНА.

(Краткое изложение).

Жители Верхней Оравы занимались в минувшее время производством полотна, служащего не только для домашнего употребления, но и для уплачивая дани суверенам, которым были обязаны отдавать 9 часть льна или конопли. Во второй половине XVIII века многие оравские крестьяне вели торговлю полотном в Венгрии, которой подчинялась Орава. В царствование Марии Тересы оравские торговцы получили специальный

патент на торговлю полотном. Повсеместно называли торговцев „плуценницами“ от „плутно“ (полотно). „Плуценницы“ первоначально разносили свой товар на плече, заботившись, пользуясь лошадьми и возами. Торговля полотном расцветает в пол. XVIII в. Полотно покупают в Ораве и на ярмарках в Рабке и в Чёрном Дунайце. Полотно начинают в это время красить в различные цвета, прокатывают его и высылают в Венгрию или другие области страны. Всё это требует капитала и находится в руках зажиточных хозяев т. наз. „газдов“, которые занимаются скупкой полотна и отдают его на определённых условиях бедным „плуценникам“, называющих себя купцами. Купцы развозят полотно и продают его на ярмарках. Таким образом возникли два антагонистические класса „газдов“ и „купцов“. „Газды“ эксплуатируют купцов, последние в свою очередь эксплуатируют своих помощников называемых „нагоньчи“, которые ухаживают за лошадьми и занимаются хозяйством купцов. Иногда случается, что купец или ещё реже „нагоняч“ разбогатеет, переходит в класс „газдов“. Чаще случалось, что залезали они в долги у „газдов“ и оставались в „бедных мужиках“. „Газды“ встречались в большинстве случаев на словацкой Ораве, купцы и „нагонячи“ среди польского населения. Класс „газдов“ благодаря накопленным богатствам отличался своим костюмом, постройками и общим уровнем жизни.

Во второй половине XIX в. число „плуценников“ возросло до 800 человек. Избегая конкуренции, продавцы полотна занимались торговлей в определённых районах Венгрии. Купцы из Боброва продавали товар в Бачке и Славонии, из Осады в окрестности Загреба, из Зуброглявы возили полотно в Трансильванию.

В 1884 г. возник союз „плуценников“, который пригласил чешских ткачей, знающих лучший метод производства полотна. Красильня и каток расширились и повысили свой уровень. По 1890 г. венгерское правительство запретило торговать полотном лицам не-купеческого звания. Запрещение это оказало вредное влияние на торговлю полотном и экономическое положение Оравы.

ГОТКЕВИЧ МАРИАН

О ХОХОЛОВСКИХ ТКАЧАХ И ПРОДАВЦАХ ПОЛОТНА.

(Краткое изложение).

Многие жители подгалянского Хохолова занимались в минувшее столетие производством полотна на домашних ткацких станках. Ткачей называли кнапы. Полотно продавали на ярмарке в Хохолове или Чёрном Дунайце (Чарны Дунаец). Большое количество полотна продавали в Венгрию, откуда привозили яйца, кукурузу, вино, чеснок и лук. Оживлённые торговые сношения существовали между Хохоловом и Оравой, куда отправлялись красить полотно и продавать его на ярмарке в Третене. В этом местечке покупали хохоловские плуценницы (продавцы полотна) различный товар: обувь, кожу, полушубки, глиняные горшки и яйца у женщин называемых в а й ц а р к и. Яйца продавали с прибылью в Кракове.

ГЛЯПА АДАМ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОДЕЖДА ПО РИСУНКАМ НАХОДЯЩИМСЯ В КНИГАХ ЦЕХА ПОРТНЫХ.

(Краткое изложение).

Автор нашёл, в поисках за архивными первоисточниками к истории дзержацкого костюма, несколько книг цеха портных с XVI—XVIII в. В книгах этих находятся весьма ценные данные относительно костюмов того времени. Особенно интересны технические рисунки покроев одежды носимой представителями различных общественных классов. Рисункам соответствуют объяснения и названия частей одежды, объяснения кто её носил сколько материи надо купить, иногда указано место производства и определено качество материи. Среди описи светской и литургической одежды встречаются данные относительно крестьянского костюма.

Цеховые книги, эти до сих пор мало исследованные источники, должны обратить на себя внимание учёного мира и содействовать обработке исторических превращений народной одежды (см. Польски Атлас строюв людowych) как и в общем изучении костюмологии.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ.

- стр. 604. Барский пир. Ксилографическая гравюра. 1567.
- стр. 605. Под зелёной веткой ксилографическая грав. 1655.
- стр. 606. «Слопец» (пасть) с двумя покровами. Гравюр с на-
меди. 1760.
- стр. 607. «Беснующийся». Ксилографическая гравюра. 1693.
- стр. 608. Вол с тремя рогами. Гравюра. 1755.
- стр. 609. Работа на фольварке. Ксилографическая гравюра
1655.
- стр. 610. Писма, написанные рукой Творца Гравюра на меди
1684.
- стр. 611. Чумацкие возы т. наз. ма же Картина писаная масля-
ными красками без датировки.
- стр. 612. Волшебное зеркало Твардовского. Ксилографическая
гравюра 1871.
- стр. 613. Сколопендр и скорпион. Ксилографическая гравюра
1574.
- стр. 614. Киргиз. Ксилографическая гравюра 1837.
- стр. 615. Морской паук (*Aranea marina*). Ксилографическая
гравюра 1534.
- стр. 616. Живный венок с петухом. Литография 1841.
- стр. 617. Мандрагора и Богиня. Ксилографическая гравюра
1575.
- стр. 618. Борьба дракона и саламандры. Ксилографическая
гравюра 1575.
- стр. 619. Крестянский наряд в XVI в. Ксилографическая гра-
вюра XVI или XVII в.
- стр. 620. Крестянин и дьявол. Литография 1838 г.
- стр. 621. Накануне Ивана Крестителя (с о б у т к а) Ксилогра-
фическая гравюра 1864.
- стр. 622. Обнажение. Ксилографическая гравюра 1526.
- стр. 623. Лукавство сказочного Лешка. Ксилографическая гра-
вюра 1564 г.

КОСТРЖЕВСКИ ЮЗЕФ

КОГДА ПОЯВЛЯЮТСЯ В ПОЛЬШЕ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ КРОСНА.

(Краткое изложение).

В польских археологических раскопках находится большое количество глиняных гирек продыравленных в верхней части. Эти гирьки считаются частями перпендикулярного ткацкого станка, обременяющими нити основы. Кимакович-Винницкий ошибочно (прим. 4) считает, что эти гирьки служили к отвязыванию ниток с веретена, укрепленного в отверстии гирьки. Преимущественно, в случаях большого количества гирь, считается их принадлежащими ткацкому станку (прим. 6). Кимакович-Винницкий ошибается, говоря, что кросна, обременённые гирьками, не встречаются среди народов опоздавших в развитии и среди цивилизованных народов, так как такие кросна известны были еще в Скандинавии (прим. 7—8) и в Исландии. В Польше известны глиняные гирьки начиная с эпохи неолита до V в. н. э. (прим. 9—26), в последующие века у нас уже не встречаются, хотя известны были в это время западным и восточным Славянам (прим. 40, 41), а также на территории западной и сев. зап. Германии (прим. 31, 32—34), в Дании (прим. 35—36), в Норвегии (прим. 37) и в Англии (приу. 38). Вполне понятно, что употребление в Польше горизонтальных кросен следует считать эквивалентным с забрасыванием перпендикулярных с глиняными гирями. Лингвистические данные, именно общие всем западным, восточным и южным Славянам названия частей горизонтальных кросен указывают на очень раннее их распространение среди Славян, предшествующее их миграции во II—V в. н. э. Самые древние археологические раскопки горизонтальных кросен найдены на территории Гданьска и Ополя. Другие страны Европы имеют только иконографические данные, свидетельствующие о появлении горизонтальных кросен в начале XIV в. (прим. 48—50). В пользу дальнейшего употребления перпендикулярных кросен с двумя на-

воями и не имеющих глиняных гирь, свидетельствуют найденные в Гданьске и Нетронне деревянные ткацкие мечи с X—XII в. н. э.

ВРУБЛЕВСКИ ТАДЕУШ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДЕЛАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ И ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫХ КРОСЕН.

(Краткое изложение).

В археологии и этнографии существует гипотеза, по которой перпендикулярные кросна появляются в Европе раньше горизонтальных. В пользу этой гипотезы говорят найденные в раскопках глиняные гири и ткацкие мечи, а также некоторые иконографические документы. Существующие научные работы по материальной культуре Славян стараются точно определить время появления горизонтальных кросен на польской территории. Этнографические данные рассматриваемые в мировом масштабе, не дают полного ответа. Многие, опоздавшие в развитии племена пользуются горизонтальным не имеющим статива станком или с весьма примитивным стативом. Эти кросна не снабжены глиняными гирьками и отличаются очень несложной конструкцией. Ткацкие мечи употребляются таким же образом как и в перпендикулярных кроснах. Горизонтальные кросна легче усовершенствовать и они более продуктивны в работе.

Горизонтальные кросна более распространены нежели перпендикулярные, картографическая постановка вопроса наглядно указывает их пределы. Мнимое периферическое появление на карте перпендикулярных кросен связано скорее с хозяйственно-культурным характером зоны, в которой они появляются. Очень сомнительно толкование этого факта, как изъятия права, по которому культурные пережитки остаются дольше на периферии культурного предела чем в его центре. Картографировки обоих типов кросен в мировом масштабе об-

наруживает, что перпендикулярные кросна выступают более рассеянным образом.

На основании этнографических данных можно предполагать, что перпендикулярный ткацкий станок употребляется к выделке узорчатых тканей, как напр. килимы, макаты, ковры и т. п. Не безразличны здесь размеры ткани, толщина и качество волокна.

Проблем генезиса и распространения индейского перпендикулярного станка остается не разрешенным. Существуют только доказательства его древнего происхождения.

Специализация ткацкого станка произошла очень давно. На 2.000 лет до н. э. ткацкое ремесло было известно в Египете, где пользовались горизонтальными кроснами и, рядом с ними, — перпендикулярными. Не знаем, были ли известны горизонтальные кросна в древней Греции. Изображения на греческих вазах представляют перпендикулярный станок, служащий преимущественно к выделке изящных тканей. Иконографические древние и средневековые материалы подвергались односторонним толкениям.

Практика и опыт, а также анализ ткачества и функции ткацкого станка в сельско-хозяйственных культурах говорят нам, что горизонтальные кросна содействовали широкому распространению и употреблению тканей. Этим можно объяснить большой предел их распространения и высший конструктивный уровень. Доказательства эти не вполне удовлетворительны, но и не слабее доказательств в пользу древности перпендикулярного станка, тем более что ткацкие досечки и кросна из табличек, встречаемые в доисторические времена на нашей территории, отличаются горизонтальным протягиванием ниток основы, что согласно с главной приметой горизонтальных кросен.

Таким образом, на основании этнографических данных, гипотеза более древнего происхождения перпендикулярных кросен далеко не вполне доказана.

РЕИНФУСС РОМАН

ТРАДИЦИЯ ОТКРЫТОГО ОЧАГА В МАЛОПОЛЬСКОМ НАРОДНОМ ЗОДЧЕСТВЕ.

(Краткое изложение).

Археологические данные позволяют предполагать, что печь, замесившая в деревенской избушке открытый очаг, появляется на польской территории чуть в XI—XII вв.

Процесс исчезновения открытого очага происходит прежде всего в постоянно жилых помещениях, в то время как в сезонных напр. пастуших шалашах еще сегодня находится открытый очаг.

На территориях окружающих Польшу с севера, юга и востока еще в текущем столетии существовали постоянно обитаемые хижины, в которых находился открытый очаг. (Литва, Латвия, Белорусская С. С. Р. и северная Словакия). В Польше единственный раз встречено это явление в горской деревушке вблизи Мыслениц.

Полевые исследования с конца междувоенного периода и в послевоенное время указывают что в южной Польше жива еще традиция открытого очага в окрестностях городов Сташова, Бохни, Тарнова, Домбровы Тарновской, Мыслениц, Бржеска и Тарнобжега.

Все эти данные указывают на то, что еще в конце минувшего столетия на территории южной Польши существовали жилые помещения с огневым средневековым устройством.

Судя по рассказам стариков, открытый очаг встречался в двух видах: в виде топки из камней слепенных глиной, находящейся на одном уровне с полом и в виде режы встречаемой топки, возвышенной на 0,5 метра над полом. Топки второго вида имели внутри деревянную конструкцию. Открытые очаги помещались обыкновенно посредние избы или в одном из её углов.

В конце XIX в. избушки с открытым очагом вместо печки встречались уже только изредка, преимущественно в самой бедной среде деревенских жителей.

ИОСТОВА ВАНДА.

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА ЖИТЕЛЕЙ ПОДГАЛЯ.

(Краткое изложение).

Автор настоящей статьи говорит о традиционной пище жителей Подгалья во второй половине XIX в., когда в первой фазе капиталистической эпохи на территории Подгалья начинали появляться первые туристы и первые курорты. В это время крестьянское хозяйство, до сих пор экономически независимое, базировало на земледельческой и скотоводческой продукции. Пища Подгалья в связи с этими условиями сохранила много архаических и реликтных, в сравнении с другими областями Польши примет. Пища Подгалья преимущественно растительная. Главное съедобное сырьё — это овёс, картофель, ячмень, капуста, брюква, молочные продукты. Сало и мясо употребляют реже. Пища эта однообразна и не соответствует временам года, но отражает социальное расслоение деревни. Недостаток запасов пищи бывшей продуктом собственного хозяйства был причиной голода в преджатвенное время, когда крестьяне принуждены были питаться древесной корой, побегами и почками деревьев и корешками трав — архаической пищей человека-собирающего.

ТОКАРЖ КРИСТИНА

ПРОЗВАНИЯ ШАВНИЦКИХ ГОРЦЕВ.

(Краткое изложение).

Прозвания и прозвища собранные в настоящей статье встречаются на территории Выжней и Нижней Шавницы и соседних гор. Прозвание, это широко распространённое в Шавницы явление.

Прозвания возникают вследствие распада рода на отдельные семьи, когда надо ввести в употребление новые элементы помогающие отличить все отрасли старинного рода Верцёхов.

Цесельков, Мастальских, Венгларжы и Малиновских. Прозвания характерны своим разнообразием в лексиграфическом и генетическом отношениях. Среди генетических отчётливо выделяются следующие группы:

- 1) Прозвания от имени.
- 2) Прозвания от фамилии.
- 3) Прозвания от дома.
- 4) Прозвания по профессии.
- 5) Прозвания определяющие характерную примету человека.
- 6) Прозвания ситуационные.
- 7) Прозвания топографические.

Рейстр прозваний составлен в алфавитном порядке, по официальным фамилиям, второе место занимает прозвание и в меру возможности объяснения его генезиса.

МОШИНСКИЙ КАЗИМЕЖ

ИЗ ПОГРАНИЧИЯ ЭТНОГРАФИИ И ЕСТЕСТВОВЕДЕНИЯ.

(Краткое изложение).

- 1) Симбиотическая охота человека и диких птиц.
- 2) Употребление животными орудия.

1.

В 1927 г. сербский этнограф Ст. Танович опубликовал весьма интересные известия из окрестностей над нижним течением Вардара вблизи селения Gjevglejlija, родины автора. Тамашние пастухи охотятся в месте с дикими хищными птицами называемыми релё (вероятно порода Accipiter nisus). Охота происходит таким образом что пастухи заметив птицу релё призывают её своеобразным звуком, когда начинает она летать над кустами бегут туда и убивают птички, спрятавшиеся перед хищником релё.

Авторы древнего мира Аристотель, Плиний, Пфило упоминают, что такой способ охоты существовал в их времена на этой территории. Возможно, что хищные птицы заметили все вы-

годы и пользу такого симбиоза с человеком, одно только загадочно: почему этот симбиоз встречается в древности и сегодня только на небольшой территории Балканского полуострова, в стране находящейся на север от полуострова Халькидике.

2.

Известные нам примеры употребления животными орудия (в широком значении этого слова) исключая приматов, очень скудны. Примеры эти относятся преимущественно к перепончатокрылым (*Ammophila urnaria*, *Ammophila Heydeni*, *Oecophylla smaragdina*) и к высшим позвоночным: млекопитающие, различные пероды обезьян, из птиц *Samarhynchus pallidus* и возможно *Haliaetus vocifer*.

Все случаи употребления животными орудия следует разделить по функциям на следующие 6 типов (за исключением муравья *Oecophylla*).

1. разбивание посредством какоюлибо тяжелого предмета,
2. нанесение ударов напр. палкой,
3. рытьё палкой в земле,
4. перепугивание шипом или колючкой,
5. передвижение различных предметов,
6. бросание их.

Разнообразие функции в сравнительно небольшом количестве случаев — громадное, благодаря главным образом обезьянам.

Исходя из другой точки зрения можно сделать другое распределение:

- 1) примитивное укрепление орудием собственного тела (пользование услугами камня у *Ammophila* которым замещает орудие собственной частью тела напр. осы пользуются собственным лбом в трамбовке земли или песка).
- 2) примитивное продолжение с помощью орудия собственного органа (клюва или лапки).
- 3) примитивное употребление орудья в действовании на расстоянии: а) благодаря опусканию орудия в низ, в) с помощью

выталкивания. Некоторые достижения базируют на привычке, напр. оса *Ammophila* утрамбовывает землю лбом. Орел, описанный Монфрейдом (вероятно *Haliaetus vocifer*) бросает камни в людей, которые его беспокоят своим присутствием или приближаются к его гнезду. Орёл этот раскалывает улиток бросая их на скалу.

Нельзя забывать, что не только человеческие орудья имеют свои аналогии в мире животных, но также и различные снаряды, постройки и проч. вспомним постройки бобров или сети пауков. Интереснее всего, что употребление животными орудия бывает смежным с употреблением частей собственного тела оса (*Ammophila*) утрамбовывает землю или песок собственным лбом или камнем, который придерживает челюстями, также как использование какой либо „внешней” конструкции животного может появляться параллельно с употреблением собственного его тела. Напр. некоторые пауки *Nemesia meridionalis*, делают специальную дверь закрывающую их подземное жилище, другие же пауки (из породы *Cyclosomia truncata*, закрывают отверстие собственным абдоменом.

БУРГАРД П. и ДЗЕНГЕЛЬ Л.

ЖЕЛЕЗНАЯ СОХА НА ПОДЛАСЮ — НОВООТКРЫТОЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ОРУДИЕ.

(Краткое изложение).

Во время полевых исследований студентов Государственного Института Искусств проводимых под руководством Рейнфусса, в августе 1952 г., открыто не встречаемое до сих пор земледельческое орудие — железную соху, которая появляется в двух видах: вид более примитивный (рис. 1, 2, 3) разнится от более нового в том, что ее дышло (г р ж о н д з е л ь) и стволь (с л у п и ц а) составляют целость, сверх того регулятор углубления пахоты (рис. 4) у сохи нового типа лежит горизонтально, а бляха (рис. 7, 1) мешает отсыпанию земли во время пахоты, отдельные экземпляры, производимые двумя поколениями

кузнецов в различных местностях Подляся, отличаются между собой некоторыми конструктивными подробностями.

Железная соха встречается в местностях с песчаной или подмокшей почвой с выступающим в подпочве орштынами. Железная соха в некотором отношении исполняет свою роль лучше плуга, так как пахать нею значительно легче, быстрота пахоты 1,5 раза больше, соха лучше плуга разрыхляет землю. Соха незаменима плугом на нови и почве заросшей пыреем. В этой оценке нет никакой отсталости, так как жителям этой территории давным давно знакомы новейшие земледельческие орудия.

Железная соха появляется на территории занимаемой раньше деревянной сохой, которой перестали пользоваться перед 1914 г. В последнем десятке лет XIX в. появились здесь первые плуги, сначала частично, позже целиком сделанные из железа. Генеза железной сохи следует искать в скрещении деревянной сохи с железным плугом кузнечной работы. Кажется, что плуг с вырезанным отвалом, известный на Курпях и в вост. Пруссии не оказывает влияния на генез сохи. Никакого влияния не оказывает тоже т. наз. отвал плуга фольтына (рис. 10) появляющийся в междувойенный период.

Первые железные сохи появились перед 1900 г. в волости Садобно, производством их занимались местные кузнецы — немецкие колонисты, хотя рядом с ними производили железные сохи польские кузнецы. Распространение сох было связано с миграцией кузнецов в другие местности. Экспансия железной сохи медленна и продолжается еще в настоящее время — особенно в местностях с подмокшей почвой. Железную соху встречается у опытных хозяев-землепашцев случается, что некоторые из них отдают в переделку кузнецам железные плуги.

Народные производители железной сохи соединили в её конструкции все качества деревянной сохи с конструктивными элементами продиктованными материалом фабричного орудия.

Возможно, что технические испытания доведут к использованию качеств железной сохи в фабричном производстве земледельческих орудий.

СОБЕРАЙСКИЙ ЗЕНОН.

КАК СЛЕДУЕТ ИЗДАВАТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА.

(Попытки установления правописания).

(Краткое изложение).

Произведения народной поэзии, как напр. песни, сказания, рассказы следует публиковать на истинно деревенском языке. Язык этот не будет однако настоящим деревенским, пока не будем учитывать его фонетических примет, обращающих на себя внимания людей говорящих литературным языком. Этому требованию не легко удовлетворить, пользуясь только вообще принятыми буквами алфавита. Некоторые наречия отличаются звуками не имеющим соответственных букв, как напр. носовые гласные *a, u, y, i*, которых нет в литературном языке, имеющим только носовое *o* обозначаемое посредством *a*, и носовое *e* обозначаемое как *e*.

Устанавливая компромисное фонетическое правописание для широких масс, надо обратить внимание на следующие моменты:

1. учетывание живых фонетических тенденций,
2. применени орфографии во всех польских наречиях,
3. сохранение связи с польской графической традицией.

Первому требованию отвечает выбор маленького *u*, служащего к обозначению губных элементов, возникающих в гласных, напр. в словах *oko, ucho, ptok*. Писание *loko, lúcho, ptolk* не возможно ввиду того, что в образцовом сценическом произношении существует обязательно передне языковое *l*. Кроме того, в связи с постулатом 2, орфография *loko, lúcho, ptolk* может быть применена только в таких наречиях, в которых нет передне-языко-зубного произношения *l*. В третьем постулате говорится насчет сохранения польской графической традиции, которая наказывает обозначать носовые гласные особым знаком, напр. *a, e, y*.

Четвёртое требование говорит о сближении широких масс к народному языку. Требование это рассматривается там, где возможно применить литературную орфографию, значит в таком случае, если народное произношение одинаково с литературным. Напр. все мы пишем *dąb-dębi* хотя произносим *domb-dembu*. Орфография народных произведений должна быть всем легко понятна и не слишком точная, чтобы не отпугивать читателей, привывших к литературному языку.

Статья „Как издавать произведения народного творчества“ является в Польше первой попыткой создания компромиссной фонетической орфографии применимой во всех польских наречиях. Пользоваться ней должны не только лингвисты, но прежде всего этнографы и собиратели народных песен, а также и писатели.

ГАЕК ЮЗЕФ

ИНСТРУКЦИЯ ПО ИНДЕКСИРОВАНИЮ ЖУРНАЛОВ И БОЛЕЕ ВЕСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДОВ.

Глава 1.

Вступление.

Польское Этнографическое Общество, предпринимая обработку Польского Этнографического Атласа и региональных монографий, которые должны представлять некоторым образом новое издание этнографических трудов Оскара Кольберга. встречаем большие препятствия по систематической постановке вопроса разброшенных относящихся к народной культуре сведений. В связи с несоответствием указателей в этнографических и региональных журналах, содержащих этнографические данные, всякие попытки постановки синтеза в обработке польской этнографии встречают препятствия. «Словник гвар польских» Яна Карловича заполняет частично указанные выше проблемы, однако содержит он многие изъяны и недостаточен для обработки польской этнографии так как нет в нём повеи-

шей литературы, содержит он лишь лексикальный материал и не занимается другими явлениями кроме лексикальных.

В связи с этой ситуацией Польское Этнографическое Общество решило обработать указатели к журналам и к более веским этнографическим трудам, перечень которых находится в 3 главе. Указатели эти (индексы) будут подготовкой к изданию Энциклопедии Польской Народной Культуры

Подготовка указателей разделена по отдельным центрам Польского Этнографического Общества.

По этой причине возникает опасность, что указатели будут обработаны различным манером по мнению и разумению различных работников. Можно частично избежать этих разногласий применяя следующее:

- 1) Создание общей рамовой инструкции,
- 2) Выбор ответственных лиц, которые будут считаться официальными и соответственными авторами указателя.

Инструкция содержит следующие главы:

- Глава 1. Вступление
- Глава 2. Главные организационные основы обработки указателей.
- Глава 3. План указателя.
- Глава 4. Первая фаза обработки указателя.
- Глава 5. Вторая фаза обработки указателя.
- Глава 6. Третья фаза редактировки сводных карточек.
- Глава 7. Проблема синтетических лозунгов и их перечень.
- Глава 8. Организация этнографической части указателя.
- Глава 9. Имена и фамилии, прозвища.
- Глава 10. Указатель авторов.
- Глава 11. Указатель журналов.
- Глава 12. Перечень научных учреждений.
- Глава 13. Перечень иллюстраций.
- Глава 14. Перечень более веских журналов и этнографических работ предназначенных индексированию.
- Глава 15. Сокращения названных журналов и научных учреждений.

МЕТОДИКА МОНОГРАФИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО КОСТЮМА.

(Краткое изложение).

Опыт, полученный во время издания 8 первых выпусков Атласа польских народных костюмов доказывает необходимость новых установок в приготовлении автором собранного материала. Многие авторы не сознают какова должна быть монография народного костюма. Авторы эти предполагают априорно, что понятию этнической группы или области соответствует какой то определённый тип одежды отличающийся характерными элементами. Необдуманная проблема дает плохие результаты в картографировке пределов занимаемых данным костюмом. Главная задача автора состоит в тщательном определении и старательной характеристике такого типа одежды, который легко отличается или отличался среди соседних костюмов и нарядов. Автор обязан внедрять в сознание читателя в чём проявляются отличительные черты данного костюма и, базируя только на этом, обозначить предел его распространения и рассудить какие исторические и экономические факторы содействовали в процессе развития костюма.

Редакция Атласа польских народных костюмов вполне сознаёт, что автору не хватает часто исторических данных и вследствие того он не в состоянии ответить на все проблемы, но общий ход рассуждений должен доказывать, что автор понимает проблематику и старается дать ответ на все ставленные ею вопросы. Следует подчеркнуть, что переменчивость костюмов и нарядов, их экономическая и социальная обусловленность, будущая результатом исторических и экономических процессов должны быть в работе ярко освещены.

Опыты Редакции говорят, что заглавие: Атлас Польских Строюв Людовых внушает авторам мнение, будто монографическое описание должно заниматься исключительно нарядом.

значит праздничным или обрядовым костюмом. Наряд это главная цель монографии, но научное отношение к проблеме требует исторического базиса, учитывающего процесс классового расслоения деревни вследствие чего автор должен сделать анализ будничной, рабочей одежды, исследовать её зависимость от времени года и имущественного состояния крестьян. Такое исследование народной одежды сделает возможным полное понимание социальной функции одежды и различных её вариантов, обусловленных такими факторами как возраст, пол и социальное положение.

Редакция констатирует, что авторы не следуют указаниям инструкции или своеобразно понимают отдельные её указания, что противоречит основным предпосылкам уговоров.

Настоящая инструкция применима к надобностям монографического описания народных костюмов.

План отдельных выпусков Атласа польских народных костюмов. (Atlas polskich strojów ludowych).

Вступление.

Глава I. Современное состояние народного костюма на исследуемой территории.

Глава II. Исторический очерк развития народного костюма.

Глава III. Предел распространения исследуемого костюма.

Глава IV. Общий вид мужского костюма.

Глава V. Подробное описание мужского костюма.

Глава VI. Общий вид женского костюма.

Глава VII. Подробное описание женского костюма.

Глава VIII. Производители и материалы.

Глава IX. Украшения, вышивки, кружева, аппликации.

Глава X. Характеристика источников.

Примечания.

Литература.

Краткое изложение.

ЛАБУДА ГЕРАРД

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕЧАНИЙ О ЗАДАЧАХ ПОЛЬСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА.

(Краткое изложение).

Автор оговаривает несколько методических проблем являющихся результатом применения географического метода в области общественной истории, особенно истории материальной культуры. Географический метод впервые применен был Фридрихом Ратцелем. По Ратцелю географический метод был только методом служащим к определению пространственной связи между этнографическими явлениями раздробленными в пространстве и методом выделяющим их из пространственных комплексов. Дальнейшее развитие географического метода происходит под влиянием В. Песслера, который, в согласии с Геттлером, требовал исследования явлений в связи с географической средой, „так как, пишет Песслер, распространение явления немыслимо без влияния среды, в которой оно происходит”. Связь эту определяет Песслер детерминистически. Автор подвергает подробной оценке тезисы Песслера. Пространственность это только одна черта географических явлений, но эта черта не составляет их сущности. Пространственное размещение явлений не определяет его связи с географической и социографической базой. И так, следует различать метод картографический от метода географического. Первый располагает явления в пространстве, второй указывает и определяет их связь с географической средой.

Географический атлас осуществляет в своих сегодняшних положениях картографический метод. Метод этот однако не хватает к толкованию этнографических фактов, так как одно только пространственное размещение не даёт материала к дальнейшему их толкованию. Метод этот тормозит процесс исследования, не дает подвести синтеза который должен диалектически объяснить все факты в общем процессе развития. Метод географический старающийся определить связь между этнографическим явлением и географической средой тоже сегодня

уже недостаточен, поэтому следует его пополнить требованием исторического рассматривания этнографических явлений. Метод такой следует назвать по отношению к этнографическому атласу историко-географическим методом. Осуществление его дает исследователю необходимый материал объясняющий этнографические явления в совокупности общественного процесса. Автор говорит дальше насчет принципов, которые должны составлять основу этнографического атласа. Этнография не занимается полной человеческой жизнью. Желая правильно выяснить происхождение, развитие и замирание какого либо этнографического явления, этнография должна искать сведений среди других общественных знаний. Этнографический атлас должен вследствие этого вместить различные явления географической среды, развитие производительных сил, продукцию, заселение, технику перевозки, средства сообщения, торговлю и пр... наконец целый ряд самых важных общественно-политических и культурных фактов (формировку собственности, политические границы). Осуществление такой концепции этнографического атласа невозможно ни с точки зрения технических возможностей, ни целесообразности такого начинания. Все эти рассуждения внушают необходимость установки сотрудничества с лингвистами, историками и географами. Следует возможно скорее обработать общую концепцию атласа, который отличался бы общими чертами вследствие его обработки с точки зрения всех родственных дисциплин, в отношении методологических положений таким атласом могли бы пользоваться исследователи различных отраслей общественного знания.

ЗАРЕМБА АЛЬФРЕД

ПРИМЕНЕНИЕ ВОПРОСНИКА (АНКЕТЫ) К ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В ШВЕЦИИ.

(Краткое изложение).

Автор статьи рассуждает на счет метода собирания этнографических материалов посредством высылки вопросников к де-

ревенским любителям-исследователям. Метод этот применяют некоторые научные учреждения к. напр. архив народной культуры в Nordiska Museet в Штокгольме или университеты в Лунд, Упсали, Гётеборге.

Сегодняшний метод собирания материалов посредством высылки анкет, имеет свою длинную историю¹⁾ и совершенствовался уже долгое время (начиная с XVI в.). Попытки собирания материалов посредством сношений с жителями деревни долгое время не давали хороших результатов, главным образом потому, что не было соответственного вопросника (сначала были только воззвания к населению), после его обработки (в начале XIX в. Лефреном, во второй полов. XIX в. Маннгартном, в начале XX в. Гаммарстетом) благодаря применению ошибочного метода обращения к духовенству, учителям и государственным административным чиновникам, не к деревенскому населению. Только в конце XIX в. начинаются прямые сношения с народными любителями-исследователями, что оказало решающее влияние на итоги работы.

Начиная с XX в. точно определяется метод работы (Архив в Nordiska Museet в Штокгольме ведёт центральные исследования для целой Швеции в трёх направлениях: 1) подготовка легко понятных вопросников (самым важным является обработка широких проблем в нескольких вопросниках, а также структура вопросников, выделяющая ответы), 2) подбор информаторов (теперь находится их сверх 400 в целой Швеции) различные профессии (самую большую группу составляют земледельцы) и возраста (30—85 лет), наконец 3) сохранение тесной связи с исследователями, посредством постоянной высылки вопросников, уплачивание гонорара, организация переподготовок в Штокгольме, наконец ежемесячная высылка специальных бюлетенов о этнологических исследованиях Medelanden fran Etnologiska unningen), дающих сведения о деятель-

¹⁾ Говорит о ней М. Relinberg, Forskarna bland folket (Исследователь среди народа) Fotaluren 1947 Stockholm.

ности Нордицкого Музея и дающего указания и советы насчет собирания и записки материалов.

Независимо от акции проводимой среди постоянных сотрудников исследователей-любителей, Nordiska-Museet собирает материалы посредством конкурса в радио на тему игрушек и игр, в котором принимало участие 1500 детей из всей Швеции.

Хорошо организованная и систематически проводимая акция собирания материалов посредством высылки вопросников к народным исследователям даёт хорошие результаты. Общее число собранных до сих пор материалов в Штокгольмском архиве даёт в итоге более миллиона описаний, тысячи рисунков, сотни тысяч снимков (самая большая в Европе коллекция этнографических снимков — 300,000). Другие шведские архивы (в Лунд, Упсали, Гётеборг) ведут такую же работу, дающую тоже хорошие результаты.

Собирание этнографических материалов посредством переписки применяется в широком масштабе в других скандинавских странах: Дании, Норвегии и Финляндии.

ФРАНКОВСКА МАРИА

ДОСТИЖЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СОВЕТСКОГО МУЗЕОВЕДЕНИЯ.

(Краткое изложение).

Автор разбирает принципиальные положения советской музеелогии, обращая особое внимание на основные музейные проблемы также как: марксистовская экспозиция, её характер и свойства. Музеи С. С. С. Р. благодаря соответственным выставкам и экспозициям реагируют на все проблемы и надобности советской жизни и социалистической стройки.

Далее автор обсуждает историю главных этнографических музеев С. С. С. Р. в Ленинграде — музей Антропологии и Этнографии А. Н. С. С. С. Р. им. Микуло-Маклая и Государственный Этнографический музей народов С. С. С. Р. Автор подчер-

кивает перемены происшедшие в деятельности музеев после Великой Октябрьской Революции. Деятельность эта проявилась главным образом в преобразовании коллекций и постоянных отделов музея, в устраивании многих экспозиций, в просветительно-педагогической и научно-исследовательской работе. Специальное внимание обращает автор на теоретические положения советской музеологии. Протрессивные её положения формировались постепенно, возникая и развиваясь под влиянием перемен происшедших в советской этнографии после октябрьского переворота.

Предпосылки и достижения этнографической советской школы чётко отражаются в теоретических постановках вопроса советскими передовыми музеологами-этнографами, прежде всего Е. Мильштейном и Л. Потаповым и в работе музеев, именно в экспозициях и в их просветительно педагогической акции. Съезды этнографов на своих собраниях обращают внимание на музейные проблемы, рассуждая на счёт роли этнографического музея в социалистическом государстве, теоретических основ их работы и способов реализации их решений. В этнографической работе советских музеев, отражаются два постулаты советской этнографии: необходимость исследования культуры и жизни современной деревни и необходимость определения новых отношений к колониальным народам.

Это новое отношение должно проявляться надлежащим образом в представлении совокупности современной культуры и жизни колониальных народов, их национально-освободительных движений вместо постоянного представления проблем связанных с первобытной общиной.

Советские музеологи обязаны, по мнению советских учёных, базировать на научных и идейных оценках классиков марксизма и ленинизма, особенно на последних трудах И. В. Сталина, так, чтобы организованные ими выставки, кроме чисто научной постановки вопроса, проникнуты были большевистской идейностью, а в политическом отношении были вполне зрелыми и понятными.

Идейное содержание составляет главную примету определяющую качество экспозиции.

Этнография исследует специфические свойства жизни каждого народа, отличающие один народ от другого и составляющие их „вклад“, как говорит Сталин, в общую сокровищницу мировой культуры, обогащая и дополняя её.

Согласно с этим задача этнографической экспозиции состоит в представлении культуры и жизни отдельных народов в их национальной специфике, отличающей данный народ от другого. Такого рода образное представление жизни и культуры каждого народа должно быть рассматриваемое с исторической точки зрения и следует, представляя культуру и жизнь народов С. С. С. Р., указать период их дореволюционной жизни и современной социалистической после Великой Октябрьской Революции.

Очень важным постулатом советской музеологии является подчёркивание в экспозиции классового расслоения общества в дореволюционное время, что достижимо посредством соответствующей классовой характеристики экспонатов, соответствующих текстов и иллюстраций.

Автор разбирает также значение этнографических выставок в краеведческих музеях, учитывая их педагогическую роль в С. С. С. Р.

Обозрение итогов и способов практического осуществления музеями теоретических предпосылок этнографической музеологии в С. С. С. Р. оканчивает статью. Там же находится подробное описание некоторых экспозиции устроенных двумя передовыми этнографическими музеями С. С. С. Р.: „Культура и жизнь Осетинцев“ — выставка — „Народы Северного Кавказа“, „Народы Поволжья“, а также выставка представляющая науку народов Севера — Энцев и Эвенков, устроена Государственным Музеем народов С. С. С. Р. Музеем Антропологии и Этнографии устроены выставки „Культура и жизнь народов Индии“ и „Индонезия“.

ЗАРЕМБА АЛЬФРЕД

ЗАМЕЧАНИЯ О СКАНДИНАВСКИХ МУЗЕЯХ.

(Краткое изложение).

Автор оговаривает три проблемы:

I. Этнографические коллекции: архивы, музеи, скансеновские музеи.

II. Проблемы экспозиции, проблемы популяризации и просветительские проблемы.

III. Организация музеев.

I. Музейные или университетские, архивы, институты собирают материалы (но не экспонаты) относящиеся к материальной культуре и фольклору. Отдельные архивы занимаются определёнными районами и определённой тематикой (напр. Folksliv-arkivet в Лунд исследует материальную культуру южной Швеции, Folksminne-arkivet в Гётеборг — нематериальную культуру юго-западной Швеции) установленной всеми институтами.

Исследования касающиеся народной культуры всей Швеции ведёт архив при Nordiska-Musset в Штокгольме. Собираением материалов занимаются научные работники или любители этнографии снабжённые надлежащей инструкцией. В других странах Скандинавии ведут такие исследования (напр. Norsk Etnologisk Gransking в Осло).

Скандинавия богата музеями, благодаря акции проведенной в конце XIX в. и начале XX в. обществом защиты народной культуры к. напр. Hem bygdsforening, которое организовало региональные музеи (в Швеции насчитывается их 800).

Первый скансеновский музей появляется в виде отделения Nordiska-Museet в Скансене в 1891 году. Его организатором был Harelius, который накопил в Скансене различные предметы народного производства. Все постройки в Скансене и других музеях этого типа — это оригинальные народные постройки перемещенные в музей с целой домашней утварью. Встречается небольшое только количество реконструкции. Скансен-

ские музеи в Лунд и Скансене имеют тоже отделения в которых помещается городская культура, напр. в Aarhus в Дании. Главные проблемы скансеновских музеев это хранение и подлинность предметов народной культуры. Объекты перенесенные на территорию музея под открытым небом не подвергаются мельчайшим изменениям. Посетитель музея имеет впечатление, что жизнь протекает естественным образом в этих музейных жилищах. Цементный фундамент построек, обеспечивающие против истлеванию — содействуют хранению объектов.

II. Педагогическо-просветительная роль скандинавских музеев высказывается обработкой каталога и объясняющих экспонаты написей, сотрудничество музейных работников и школьников, обучаемых специалистом учителем. Тематика этих уроков связана со школьной программой.

Музеи занимаются организацией и популяризацией народной промышленности и этнографических коллекций.

III. Скандинавские музеи это частные или государственные учреждения. Музейные работники соединены в музейные союзы. С 1915 г. существует Скандинавский Союз Музеев Skandinaviska Museiförbundet. Союз этот устанавливает на собраниях делегатов, программу публикаций и научных работ, организацию выставок и пр. Скандинавский Музейный Союз издает журнал Nordens Museer, в котором опубликованы планы будущих работ и достижения музеев всех стран Скандинавии.

ПЕТКЕВИЧ К.

ВЫСТАВКИ И КОНКУРСЫ НАРОДНОГО ИСКУССТВА.

В 1950—52 Г.

(Краткое изложение).

Отделение народного искусства при Министерстве Культуры и Искусств в Варшаве организует с содействием социальных учреждений, территориальных и научных властей выстав-

ки изобразительного народного искусства в деревнях и провинциальных городках. Вобщем устроено 37 выставок и конкурсов.

Все эти культурные мероприятия доказывают что артистическое народное творчество забытое капиталистическим строем сделало теперь большой шаг вперед; благодаря покровительству народного правительства, повысился артистический уровень керамики, ткачества, вышивки и кружевных изделий, резьбы и живописи. Воскресли народные костюмы, употребляемые артистическими коллективами. Народная живопись и скульптура занимаются тематикой связанной с жизнью народа и даже некоторыми интернациональными проблемами. Государство помогает молодым народным артистам, признает им стипендии и награды. В 1950 г. выплатило государство 505 денежных наград. Народное искусство благодаря надлежащему общественному пользованию хорошо исполняет свою общественную роль в современной жизни.

Выдающиеся народные артисты работают совместно с профессиональными артистами. Так напр. несколько деревенских артисток с южной Польши разукрасило своими многоцветными рисунками трансатлантический пароход м/с Баторы. Многочисленные узоры тканей исполнены теми же женщинами для Института Промышленности.

В 1951 г. состоялась специальная конференция выдающихся учёных и знатоков искусства, которые приготовили дальнейший план работы и покровительства над народным искусством и его связью с совокупностью экономической и культурной жизни Народной Польши.

Все выставки и проблемы связанные с народным искусством обсуждаются в ежемесячнике Польска Штука Людова издаваемым Государств. Инст. Искусств.

Кроме выставок на территории Польши в 1950—51 г. экспонировано изделия польского народного искусства в Будапеште, Вене, Копенгаге, Штокгольме и Хельсинках.

Содержание («Люд» 41 т.)

Проф. др. Францишек Буяк.
Проф. др. Адольф Евстахий Хыбински.
Ядвига Хелминьска-Свёнтковска.

Диссертации.

	стр.
Тадеуш Врублевски, Советская этнография и проблема этногенеза в освещении труда И. В. Сталина о языковедении	36
Ежи Кульчицкий, Теория матриархата в освещении советских научных трудов	66
Казимеж Мошински, О Геродотовых Неврах	134
Тадеуш Милевски, Мировоззрение некоторых индейских северо-американских племён в освещении анализа категории родов в их языке	158
Ян Чекановски, Синтетические очерки Валентина Кипарского	183
Юзеф Гаек, Ретроспективный метод в польской Этнографии	242
Рышард Гансинец, Кристалломантия	257
Валериан Собисьяк, Хозяйственные постройки и мёртвый инвентарь в поместьях познаньского епископа, по первоисточникам XVII—XVIII в. в.	340
Юзеф Буршта, Проблема «нався» в деревенском поселении	439
Пiotр Дековский, Исследования культурного прошлого опочинских городков	499
Войцех Гейнош, Патрыя	511
Юзеф Буршта, Знаки на бортиках в Вышковских лесах	530
Богдан Барановски, Приговор суда овчарей с конца XVII в. в Западной Великой Польше	538
Зыгмунт Колянковски, Бортовые знаки в илжецком поместьи	546
Адам Калетка, Приложение к истории овцеводства и его юстиции в XVII—XVIII в. в.	552
Юзеф Брода, Крестьянские лесопильные заводы в Живецкой области в XVII и XVIII в. в.	555
Чеслав Лучак, Мукомольное дело в Западных Куявах от XVI до XX в. в.	583
Михал Пенкальски, Меры земли (пашней) в Уржендове	611
Лонгин Малицкий, Печатание полотна в Силезии	613
Мариан Готкевич, Оравские ткачи полотна	626
Мариан Готкевич, О хохоловских ткачах и продавцах полотна	635
Адам Гляпа, Крестьянская одежда по рисункам находящихся в книгах цеха портных	639

Тадеуш Северын, Иконография Этнографическая . . .	стр. 647
Юзеф Костржевски, Когда появляются в Польше горизонтальные кросна . . .	667
Тадеуш Врублевски, Несколько замечаний о географических пределах распространения горизонтальных кросен ткацкого станка . . .	677
Роман Рейнфусс, Традиция открытого очага в малопольском народном зодчестве . . .	699
Ванда Йостова, Традиционная пища жителей Подгаля . . .	703
Крыстына Токаж, Прозвания щавницких горцев . . .	728
Казимеж Мошински, Из пограничия этнографии и естествоведения . . .	736
П. Бургард и Л. Дзенгель, Железная соха на Подлясье, новое открытое земледельческое орудие . . .	746
Зенон Соберайски, Как следует издавать произведения народного мворчества . . .	755
Юзеф Гаек, Методика географической обработки проблема народного костюма . . .	767
Юзеф Гаек, Инструкция по индексированию журналов и более веских этнографических трудов . . .	797
Герард Лябуда, Несколько примечаний о задачах Польского Этнографического Атласа . . .	806
Альфред Заремба, Применение вопросника (анкеты) к этнографическим исследованиям в Швеции . . .	823

II. Рецензии и отчёты.

Этнография по первым 12 томам второго издания «Большой Советской Энциклопедии» (Евгений Франковски) . . .	831
«Советская Этнография» изд. А. Н. СССР Москва 1950 вып. 1—4 (София Малевска) . . .	847
«Советская Этнография» 1951 вып. 1—3 (Мария Франковска) . . .	855
«Советская Этнография» 1951 вып. 4 (Тадеуш Врублевски) . . .	878
«Труды Института Этнографии им. Миклухо-Маклая». Новая серия т. I—XVIII. Москва-Ленинград 1947—1952 (Витольд Армон) . . .	889
В. Н. Белицер, Народная одежда Удмуртов, Материалы к этногенезу Ак. Н. С. С. С. Р. Труды Института Этнографии им. Миклухо-Маклая том X Москва 1951 (Евгений Франковский) . . .	908
М. Рехачев, Холмогорская резьба по кости. Архангельск 1949 (София Малевска) . . .	912
„Česky Lid“ Českoslov. Akad. Vied. Praha 1946—1951 вып. 1—6 (Ииры Домборски) . . .	914
Česko-slovenska etnografia C. S. A. V. Praha 1953 . . .	
Ева Врабцова: Советская фольклористика нашим примером (résumé отчёта на I Конференции чехословацких фольклористов в марте 1953 г. (С. Малевска) . . .	930
Отакар Нагодиль: Критика некоторых идеалистических теорий по происхождению религии (С. Малевска) . . .	932
Ольга Скальникова: Проблемы по исследованию культуры и быта чехословацких чорнорабочих (С. Малевска) . . .	933

Людвик Куец: Кобза, очерк по народным музыкальным инструментам (С. Малевска) . . .	стр. 934
Димитр Каронджалов: Мадарский всадник. Проблемы этногенеза болгар. (С. Малевска) . . .	935
Резолюция III всеобщегосударственной рабочей конференции чехословацких этнографов . . .	937
Антропология (вступление Войцеха Феттера к статье М. Ф. Нестурха в Большой Советской Энциклопедии (перев. Эмилиии Финчеровой) . . .	940
„Buletin I Institutit the Shkencavet“, Tirana 1951 nr 1, 2 (Вацлав Цимоховски) . . .	941
André Leroi-Gourhan — „Evolution et techniques“. Milieu et Techniques. Éd. Albin Michel, Paris 1945 str. 612 (Янина Туванувна) . . .	953
Paul Rivet, Georges de Crequi-Monfort. Библиография языков yamara et kicua. Centre National de la Recherche Scientifique, Paris 1951 (Тадеуш Милевски) . . .	961
„Le Mois d'ethnographie française“ г. 6 nr. 1 Paris 1952 (Е. Пржеславска) . . .	
Proces — Verbaux Mensuales de la Societé Dauphinoise d'Ethnologie et d'Archeologie 1/52 г. 27 (Елена Пржеславска) . . .	965
„Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire“, Dakar 1952 nr 3 (Мария Франковска) . . .	971
„Bulletin de la Societé Royale Belge d'Anthropologie et de Prehistoire“ г. 1949—50 т. 40—41 (Елена Пржеславска) . . .	974
„Anthropos“, Revue Internationale d'Ethnologie et de Linguistique Швейцария Anthropol.-Institut 1953 т. 48 (Тадеуш Врублевски) . . .	977
Hakan Fernholm, „Ljusterfiské“. Stocholm 1942 T. VI (Мария Знамеровска-Пруффферова) . . .	990
„Man“ A Monthly Record of Anthropological Science Лондон 1952 Т. Apr. 1—20 (Елена Пржеславска) . . .	992
„Handbook of South American Indians“ Smithsonian Institution. Washington 1946—1950 (Анна Ковальска-Левицка) . . .	1004
Harry Tschopik Jr. „The Aymara of Chucito“. Peru. Antropological Papers of the American Museum of Natural History. Нью-Йорк т. 44 ч. II (Анна Ковальска-Левицка) . . .	1008
„Przegląd Antropologiczny“ т. I—XX (Францишек Вокрой) . . .	1009
Юзеф Матушевски: Славянские статьи «Зверцядла Саскего». Познань 1948 (Владыслав Собоциньски) . . .	1014
Францишек Славски: «Этимологический словарь польского языка». Вып. I (А — czar) Краков 1952 (Тадеуш Милевски) . . .	1019
Первый выпуск «Этимологического словаря польского языка» Фр. Славского в отношении к «Этимологическому словарю польского языка» А. Брюкнера. (Казимир Мошински) . . .	1020
Генрик Улашин: Этническое происхождение названия «украинец» Л. Т. Н. Лодзь -947 (Зенон Соберайски) . . .	1023
Себастиан Фабиан Клёнович: «Флис». Вибл. Нар. Вроцлав 1951 (Юзеф Митковски) . . .	1024
Анзельм Гостомски: «Хозяйство». Вибл. Народова. Вроцлав 1951 (Юзеф Митковски) . . .	1026
Станислав Арнольд: «Историческая география Польши». Варшава 1951 (София Семрау) . . .	1029
Богдан Барановски: «Знание Востока в прежней Польше до XVIII в.». Л. Т. Н. Лодзь 1950 (Ян Рейхман) . . .	1031

Ян Фияалек: «Пабиянице и Пабияницкое имение во второй половине XVII и XVIII в.». Исторический Институт У. Л. Лодзь 1952 (София Либишовска)	1035
А. Пржибось: «Восстание Костки Наперского в 1651 г.» Ян Рейхман: «К вопросу по новым исследованиям прежних социальных движений на Подгалею». «Верхы» Т. 20 1950/51 (Янина Бенярж)	1038
Станислав Щотка: «Восстание крестьян под командой Костки Наперского». Варшава 1951 (Янина Бенярж)	1041
Юзеф Буршта: «Деревия и кабак». Варшава 1950 (Юзеф Гайек)	1044
Агнешка Добровольска: «Иконографические данные по западнословянской одежде». «Паментник Словяньски» II Краков 1951 (Юзеф Гайек)	1046
Крыстына Перадзка: «Замечания по бортевому пчеловодству на Лужицах». «Паментник Словяньски» I Краков 1949 (Анна Кутржеба)	1049
Владыслав Русиньски: «Льняное ткачество в Силезии до 1850 г.». «Пржеглэнд Заходни» № 11/12 Познань 1949 (Юзеф Буршта)	1049
Ян Жолна - Манугевич: «Польский народный костюм». «Ведза и Жыце» № 11, Варшава 1951 (Францишек Котуля)	1053
«Атлас Польских Строюв Людовых». «Струй шамотульски», Адам Гляпа. (Людвик Гомолец)	1056
Ответ на рецензию (Адам Гляпа)	1060
Владимир Голубович: «Деревенское гончарное производство в западных территориях Белоруссии». Праце гисторычне т. 3/4 Торунь 1950. (Ю. Гаек)	1068
Ксаверы Пивоцки: Исторический генезис польского народного искусства. Вроцлав 1953. Научные работы по истории польского искусства т. I. (Елена Пржеславска)	1070
«Польска Штука Людова» I—V. Изд. Госуд. Института Искусства. Варшава—Краков 1947/51 (Генрих Зволякевич)	1079
Рахмель Брандвайн: La langue et l'esthetique de Proudon W. T. N. Вроцлав 1952 (Станислав Гнядек)	1094
«Праце и Материалы Этнографичне» т. VII—IX. Лодзь—Люблин 1950/51 (Ян Щепаньски)	1096
Адольф Нап: Раннеисторические жернова. Польское Археолог. Общество Варшава—Вроцлав 1950 (Юрий Погоновски)	1104

III. Музеи.

Мария Франковска: Достижения советского этнографического музееведения	1106
Альфред Заремба: Замечания к Скандинавским музеям	1134
Ян Жолна Манугевич: Музей народных культур	1164
Янина Краевска: Отчёт по работам Этнографического Музея в Лодзи	1166
Мария Знамеровска - Прюфферова: Этнографическое Отделение Поморского Музея в Торуне	1171
Рышард Кукер: Выставка народных костюмов северной Польши в Поморском Музее в Торуне	1176

Станислав Блащик: Отчёт по работам Народного Музея в Познани (Отдел Народной Культуры и Народного Искусства)	1178
Альфред Ковальски: Отчёт по работам Музея в Мендзыржечу	1183
Францишек Котуля: Отчёт по работам Музея в Ржешове	1184
Януш Оптолович: Отчёт по работам Этнографического Отделения Люблинского Музея	1188
Казимеж Готтфрид: Ярославский Музей	1189
Кржиштоф Вольски: Музей в Пржемысли	1190
С. Стефаньски: Музей в Санке. Экспозиция: «Народное искусство Санокской области в Музее в Санке»	1192
Ян Пётр Дековски: Музей в Томашове Мазовецким	1195

IV. Хроника.

Казимеж Петкевич: Выставки и конкурсы народного искусства Министерства Культуры и Искусства в 1950, 1951 гг.	1198
Казимеж Петкевич: Выставки и конкурсы народного искусства в 1952 г.	1209
Конспект по протоколу XXV Общего Собрания Польского Этнографического Общества (О. Г.)	1216
Протокол XXVI Общего Собрания Польского Этногр. Об. в-а (О. Г.)	1219
Протокол XXVII Общего Собрания Польского Этногр. Об. в-а (О. Г.)	1225
Конспект по протоколу XXVIII Общего Собрания Польского Этнографического Общества (О. Г.)	1229
Отчёт по работам Краковского Отделения Польского Этнографического Общества (1943—1952 г.). (Анна Ковальска-Левицка)	1236
Отчёт по работам Краковского Отделения Польского Этнографического Общества I. VI. 1953 — I. VI. 1953 (А. К. Л.)	1242
Отчёт по работам Отделения Польского Этнографического Общества в Мшане Дольной (Себастьян Флизак)	1245
Отчёт по работам Судецкого Отделения Польского Этнографического Общества в Еленей Гурже 1953 (Северин Герстен)	1246
Отчёт по работам Отделения Польского Этнографического Общества в Силезии с 1953 г. (Мария Субочова)	1248
Отчёт по работам Вроцлавского Отделения Польского Этнографического Общества 1953 (Галина Биттнер)	1250
Отчёт по работам Познаньского Отделения Польского Этнографического Общества в 1949—1952 гг. (Елена Таиге)	1251
Отчёт по работам Познаньского Отделения Польского Этнографического Общества 1953 (С. Блащик)	1253
Отчёт по работам Отделения Польского Этнографического Общества в лодзи в 1953 г. (Казимира Завистович-Адамска)	1254
Отчёт по работам Люблинского Отделения Польского Этнографического Общества 1953 г. (Януш Свежи)	1255
Отчёт по работам Отделения Польского Этнографического Общества в Торуне 1953 г. (Галина Антонович)	1256
Отчёт по работам Архива Польского Этнографического Общества (Елена Пржеславска)	1259
Отчёт по полевым исследованиям Польского Этнографического Общества в 1952 г. (О. Г.)	1259

	стр.
Отчёт по конференции по делу исследования земледелия и скотоводства. (О. Г.)	1268
Отчёт по работам Польского Этнографического Атласа 1947—1953 гг. (Зофия Стащак)	1280
Отчёт по работам и деятельности Польской Академии Наук т. I, № 1, 1. Варшава 1953 (О. Г.)	1284
«Квартальник Истории Материальной Культуры» т. I, № 1, 2. Варшава 1953 (О. Г.)	1294
По делу юбилейной книги к возданию почести памяти Оскара Кольберга)	1285

V.

Résumé на русском языке	1287
„ на английском языке	1359
Указатель вещественный, этногеографический, авторов. Указатель научных учреждений, журналов и изданий, иллюстраций 41 т. «Люд» (О. Г.)	1423

ENGLISH SUMMARIES

I. ARTICLESSOVIET ETHNOGRAPHY AND THE PROBLEM OF ETHNOGENY
IN THE LIGHT OF STALIN'S WORK ON LINGUISTICS

by Tadeusz Wróblewski

The teaching of J. W. Stalin on historical development and the mixed origin of modern nations has provided Soviet ethnography with a basis for the study of the problems of ethnogeny. Stalin's pronouncements, first printed in „Pravda“ in 1950 and denouncing Marr's preposterous „new science of language“ has become a turning point not only for Soviet linguistics but also for various historical sciences. But doing away with „marrism“ in linguistic and related sciences has called forth the new need of redefining a correct scientific method in that field. In fact, this task, as far as the problems of ethnogeny are concerned, was undertaken at the conference of the Soviet scholars interested in the above problems. Among several papers read, the programme papers by S. A. Tokarev and N. N. Czeboksarova on the ethnographical method of the study of the problems of ethnogeny should receive the greatest attention.

Stalin's statement in the above mentioned work that linguistic development proceeds by stages: from a clan to a tribal language, from a tribal language to a popular language, and from a popular to a national language, is interpreted in the following way by the said scholars. The language originates and develops simultaneously with the society, and consequently the above mentioned stages in the linguistic development correspond to relevant ethnic groups, such as clans, tribes, peoples, and nations. The development and the transformations of these ethnic groups is achieved within the framework of given historical stages, known as social and economic formations (that of the primitive community, serfdom, feudalism, capitalism, and socialism).

Each group is also regarded as an *ethnos* which has a corresponding culture, created and handed down by it. At the present juncture the historical comparative method is the most suitable approach for the ethnographic and linguistic studies of culture. Looking at cultures spatially, the Soviet ethnographers distinguish economic and cultural areas, such as arctic, tropical, and so on. In addition to this, historical and cultural areas are specified, that is those areas which have a number of common cultural traits. Similarities of cultures of the peoples inhabiting such areas, as well as the differences with regard to outside peoples living in the neighbouring areas are conditioned by historical processes. It should be however stressed that the above defined concepts of „historical and cultural areas“ are quite different and bear no resemblance to the so-called *Kulturkreise* or *cultural cycles* and so on, evolved by Western ethnographers.

It is implied in the ethnogenic method that ethnography should include in a comparative manner also the archeological material as well as the cultures defined by the archeologists. Closer attention should also be paid to material contained in folk legends, myths, and stories, especially to those which refer to the origin of a given people. Also mediaeval chronicles and histories should be taken into account, as well as the works of classical and mediaeval literature, as all these may contain data which might be of value for ethnogenic studies.

It is stressed that ethnogenic studies cannot satisfactorily develop without a substantial share of ethnography. Also language and its relation to culture may contain some valuable data which should be creatively developed in any work on ethnogeny. Since popular cultures are the subject matter of ethnographic studies, ethnography should therefore occupy an important place in the study of ethnogeny.

THE THEORY OF MATRIARCHY IN THE WORK OF SOVIET ETHNOGRAPHERS AND ARCHEOLOGISTS

by Jerzy Kulczycki

Chapters I and II.

The first two chapters contain a discussion of several monographic papers by M. O. Koswen in which the eminent Soviet ethnographer deals with the problem of matriarchal order, and also a more systematic summary of his larger encyclopedic work: *Matriarchy — The History of the Problem* (Moscow—Leningrad, 1948).

Chapter III.

In this chapter the writer undertakes his own interpretation of Koswen's views on the role of matriarchy, stressing from the outset that the problem itself still contains many controversial points and unsolved questions. First of all, there is no full evidence of the existence of such an institution among certain modern primitive peoples, however low the level of their culture may be. And this somewhat undermines our belief in its universality as a stage in the history of evolution of human society. But even if on the strength of the above argument and the absence of factual evidence we would hesitate to accept the theory of the universal occurrence of the matriarchal stage in the development of social institutions, even then we would arrive at conclusions which would be contrary to the position which certain Western schools of ethnology have reached, namely that the passing through the stage of clearly marked periods of the matripotestal order is a peculiarity and privilege of the so-called „lower races“. To such a statement we would retort that matriarchal relics and survivals have been confirmed with the least doubt and uncertainty also among the highly civilized races of the old continent.

It should be stressed that the theory of matriarchy, even if posed with certain reservations as to the absolute universality of the matripotestal system of social organisation and its specific forms in concrete historical communities, at the level of primitive communism, yet does not lose its fundamental epistemological and methodological validity nor its deep ideological meaning.

In the next section the writer argues that the analysis of the matriarchal relics and survivals, historical legends and literary tales, folklore, irrefuted ethnographic facts and archeological evidence force the conclusion which can be formulated in the following way: at a given stage of historical development of the social organisation of almost all human societies there existed a very important stage in which the importance of women — granted a great diversity of kinship forms and their social and economic settings — was infinitely greater than throughout the long period of the subsequent depreciation and degradation of woman's status during the social order based on a patriarchal system, lasting in fact throughout the period of class systems.

Thus the theory of matriarchy, if put, in accordance with our present limited knowledge of the subject, in a fashion which is only tentative, and relativistic, yet can become of great value for the elucidation of the processes of social evolution.

The kinship factor, whether based on primitive horde, on extended family, clan, sib, or any other structure, plays in these early stages

of development of primitive communities a much greater role than it does at later stages with more developed societies. Thus the kinship structure is closely connected here with the productive process, with relations in production, and its organisational superstructures. This has been recently aptly put by the Soviet ethnographer I. I. Potiechin in these words: „The entire history of the collective system of primitive society is the history of the separation of productive relations from kinship relations“¹. Hence the problem: matriarchal organisation at certain stages of human evolution „patriarchy from the earliest beginnings“ is the crucial question of the history of the early development of man.

That these two antagonistic social theories have grown out of two different backgrounds and have different social motivation is obvious for a student of society.

The theory of „patriarchy from the beginning of time“ tends to become a complete justification and tacit approval of the state of male dominance in social life, existing in fact in most class societies, as well as its moral sanction. At the same time the doctrine of patriarchy professes the acceptance and moral approval of the existing social and economic order; based on an „age-old“ system of private ownership of the means of production, and the resulting privileged position of certain groups.

Hence this doctrine has been professed throughout the great era of class system, beginning with Plato and Aristotle and ending with several modern systems of philosophy, subservient to those classes which are interested in the maintenance of the existing social order.

The theory of primeval patriarchy is at the same time an expression of faith in absolute transcendental superiority of man over woman. This is its theoretical and ideological essence and that is why it is in its fundamental tenets unscientific, baffling the dialectic, evolutionary and historical problem contained here.

On the other hand, the theory of the matriarchy „has been accepted by the revolutionary science of the proletariat“ (Koswen), because it represents a theory which is based on an evolutionary and dialectical conception of the world. It brings forward the objective fact that a woman represents a full social potential which can be realised according to a given social and economic setting of human society. Such conditions in which female potential could find its full social realisation have, in fact, already existed in the history of the human race, namely at a state of pre-class communistic society. At the present time such

¹ Sovetskaya Etnografia. 2. 1952. p. 11.

full condition of the development of women and the social potential they represent are being created by modern classless society under scientific socialism and communism.

Chapter IV.

In Chapter IV the writer discusses the problem of origin of the matriarchy, taking, as a basis the work of the well — known Soviet archeologist, P. P. Efimenko's *Pervobytnoe Obschestvo* (3rd Edition, 1953) and devotes his analysis to the fundamental changes which have taken place in the position of women in the course of history.

In the first place the writer argues that in the early stages of the evolution of human society, when human beings relied for their wandering existence on food gathering and simple hunting there was hardly an economic foundation for the clearcut division of tasks between the sexes. Thus there was no reason why women should play a special or any more significant role in the social life of a community at such a very primitive stage of development. On the contrary, it is most likely that men were the predominant element, being superior to women in similar economic tasks, this being due to their greater physical strength and endurance.

Under these very primitive conditions there was nothing that would make women stand out from the rest of the community. Such facts as childbirth and maternity must have been accepted as a matter of course by these primitive endogamic human groups. Furthermore, such facts could not at these very early stages of human evolution give rise to any ideological or organisational superstructure which allots to womenfolk any special position, on account of their vital functions in society; after all, progeny must have been often regarded as more of a liability than an asset at these very early stages of seminomadic existence.

Moreover, the writer observes, within the then obtaining strong „animalistic individualism“ the respective division of biological physical strength must have been a decisive factor determining the then prevailing gregarious relation between the sexes. This relationship we can imagine as something resembling the relations we are apt to observe today between male and female among the contemporary hominids, among whom the supremacy of males is the rule.

It must be therefore assumed that it was at a somewhat later stage of social evolution, within the framework and under the protection of the developing food gathering and hunting collective in this early and primitive community, that the position of women underwent a farreaching change.

Koswen never formulated the problem of the origin of matriarchy. And there is nothing strange in this, since he seems to profess the theory of „matriarchy from the beginning of time“. According to Koswen it is very likely that already in the earliest human group „... a woman rather than a man was a leader. Contrary to the prevailing view, it is the female and not the male that assumes the role of leader in the animal world“². Yet it would be difficult to accept that general statement without qualification. For the reconstruction of the respective position of the sexes in most primitive human groups it is important in the first place to form a picture, however conjectural it may be of the actual conditions of existence of these groups, and in the second place to make comparisons between what must be regarded as the closest analogy of man, that is with the life of animals which are nearest to *homo sapiens*, that is the anthropoids, among whom, in fact, we observe a decided preponderance of male specimens.

What strikes us in the manner in which Koswen depicts the early stage of mother-right³ is the lack of sufficient emphasis on the epoch making role which the advanced hunting must have played in the process of the differentiation of woman. This method of highly organised hunting, associated with the seasonal migrations of the community and the laying out of camps, so characteristic of the early paleolithic period, must have been of vital importance in this respect. The important role of the economic factors, contained therein, has been duly stressed by Efimenko.

In the Mousterian horde one can assume that woman at least maintains a similar position to man. The growing needs, however, which become more and more complicated with the beginning of settled life must have worked towards the delimitation of men's and women's sphere of interest and work. The new tasks of women must have been manifested above all in the field connected with the collecting of food and various domestic activities such as the care of the dwelling, preparing of food, and making of clothes (*Pervobytnoye obschestvo*, p. 247). This differentiation of the tasks, chiefly in the economic sphere, which obtained in the life of the early collective community was greatly increased in the Aurignacian-Solutrean period. Whereas men are now engaged in the task of obtaining food it is the woman that looks after the collective domestic arrangements (op. cit. p. 400). In this way the

² Otcherki istorii pervobytnoy kultury, Moscow, 1953, p. 23.

³ O periodyzacii pervobytnoy istorii. Sovetskaya Etnografia 3, 1952 pp. 151—158.

basic economic foundations were laid for the subsequent raising of the female section of the primitive horde.

Another set of factors, which affected the new social status of women — factors stressed equally by Efimenko and Koswen — were new forms of social organisation, which began to grow out of the changed economic position. The previous sub-division of the primitive horde into small, endogamic wandering groups did not provide a favourable condition in which the position of women could gain in importance. On the other hand, the new situation in which these groups began to unite and merge into large exogamic communities strengthened the social prestige of women. The conscious process of the transformation of primitive promiscuity or group marriages into exogamic, biologically justified matrilineal clan, must have led to a high social status of women, and in some cases even might have brought about a cult of „women clan leaders“. (op. cit. p. 526). The fact of larger groupings of women in homesteads, their filiation to another clan; but, above all, the principle of the patrilineal marriage, must have secured a higher position for a woman. The connection between „law“ and the growing social status, of a woman, which could have already originated in an endogamic family, could only have fully developed in a larger exogamic family group — was, therefore, correctly stressed by Bachofen.

Apart from the arguments based on hypothetical reconstructions of social relations further evidence for the existence of matriarchal forms in the hunting stage of the paleolithic period is afforded, according to Efimenko, by little female statuettes, dating from the Aurignacian-Solutrean epoch. They are fairly commonly found over the large area of the old continent of Eurasia.

Whatever interpretation we offer of the primary function and direct aim of these statuettes and similar symbolic female representation (for example, for magical purposes), the fact that woman, and for that matter most probably a woman-mother, becomes at a certain stage of social evolution one of the most important subjects of the rising imaginary art points to the social interest taken in the question of maternity. Such an interest could have developed only at a certain stage of the development of the community and its social organisation, when the human beings were able to gain some perspective towards their social system and exogamic groups for which, however, a certain increase of economic activity and equal spread of wellbeing among the then leading larger human collectives must have been a preliminary condition of that development.

Thus, the conscious reaction of the primitive community towards the elementary social fact of procreation, a manifestation of which

was preserved in a concrete object of art, can also be regarded as an indication of the crystallization of a position of the woman within a group — that of woman-mother. This new position of woman will in the course of time find its institutional expression in the development of the principle of reckoning descent — through mothers such as we have in matrilineal clans.

The picture of hunting matriarchal conditions loses its sharpness in the Magdalenian period. The fact of the disappearance of the representations of woman Efimenko tries to explain by a number of causes, and among other things by the fact that in certain areas of Eurasia the beginning of a process can be noticed of the transformation of the old settled clan communities of the Aurignacian-Solutrean period into more mobile hordes which are known from the Magdalenian epoch (op. cit. p. 518). Under such circumstances a certain weakening of woman's position could have taken place. But the lack of such representation may, according to Efimenko, be of only imaginary character, and may be therefore, connected with the bone-made objects associated with certain regions. The representations of women mothers could, after, all, have been made out of wood. Also a *sui generis* style, obtaining in the Eastern Magdalenian art, could have imposed symbolic meaning on the abstract forms (op. cit. p. 527). In any case the fact that female statuettes still occurred and were found, though sporadically, prove that the type of such representations has not altogether disappeared.

In fact the totemic system and the matriarchal representations are for Efimenko parallel and interlinking phenomena (op. cit. p. 526).

When discussing the Aurignacian-Solutrean and Magdalenian periods Efimenko raises the problem why among certain most primitive modern communities, like the Australian Aborigines, Bushmen, Veddas, and some others, we find a patrilocal, individual family.

As he puts it: „it would be difficult to prove that they ever passed through the matriarchal stage or are now on the way to it“ (op. cit. p. 517). In their simple economy, based on food collecting and hunting, woman plays but a modest role, while in the wandering existence she has often to turn herself into a transport force acting on behalf of man hunters (op. cit. p. 517). Efimenko once again confirms the general regularity of historical development when he says that: „under the conditions of the wandering existence of hunters and food gatherers... the chief motivating factor which could work towards the alteration of the position of women was absent,

namely the gradual adoption of the sedentary mode of living by primitive horde“ (op. cit. p. 392, 393, emph. by the present writer J. K.).

In this problem, however, Koswen admits another possible explanation: (*Otcherki*, p. 117); to the present writer, however, it would seem that his thesis that the patriarchal system in Australia could have, originated under the influence of the colonising power is little convincing and cannot be maintained against the Australian position where the matriarchy seemed never to have reached a state of full development.

In conclusion, the factors can be briefly stated which affected adversely the march of women toward greater social prominence among the above-mentioned peoples.

1. The geophysical substratum with a warm or temperate climate, which does not force people to adopt a sedentary mode of life.
2. Absence of big game, and thus the lack of incentive to organise concerted hunting parties and to lay out big camping-settlements managed by women.
3. In effect, we get small nomadic groups with a corresponding economic organisation, where women are small scale food gatherers and transport agencies.

What according to the writer is particularly striking in the case of the Australian aborigines is an excessively grown superstructure of various customary forms and practices as well as mental and emotional representations, as contrasted to the completely primitive character of their economic institutions. This would point to a rather long period and gradual process of stratification of this superstructure. It may also be an indication to their arrested development and omitting of certain stages of development.

The centres of leading Aurignacian and Solutrean cultures must have developed under the influence of powerful external stimuli. Favourable natural conditions must have been present for the development of large scale hunting, for the merging into larger hordes, as well as the establishment of permanent or temporary large settlements; therefore social conditions existed enhancing the social importance of women. In the Magdalenian culture the highly advanced hunting pursuits and the necessity of using winter shelters point also to a higher stage of social and economic system than we find among modern primitive peoples. And this leads us to a conclusion that women must have reached a fairly advanced stage, though perhaps not so high as the peoples associated with Aurignacian and Solutrean civilisations.

Hence the writer concludes not the fact of matriarchy — as most bourgeois anthropologists hold — but, on the contrary, the supposed omission in the course of social evolution of developed matrilineal and

matriarchal kinship can be regarded as that specific feature of the people who have become arrested in their social development. On the other hand, the fact of going through under proper conditions the stage of matriarchy seems to be a manifestation of the regularity of development of all leading primitive cultures. This last observation agrees with Bachofen's conviction that matriarchy was an essentially progressive development at the time of its origin.

The early stage of soil cultivation based on the hoe which favored the process of permanent settlement of larger human groups must have made women a very important factor of production, and also must have at first greatly strengthened their social position, that is as long as hunting remained the main preoccupation of men. But the social consequences of hoe cultivation would undoubtedly work toward a further strengthening of the matriarchal system, towards crystallisation of its more advanced forms, by connecting it *inter alia* with vegetation cults. But it would be incorrect to regard hoe cultivation (cf. Koswen, *Otcherki*, p. 117) as the decisive factor in the genetic differentiation and shaping of the position of women. This in leading cultures must have taken place much earlier, probably already in the stage of large scale, organised hunting.

Such is the writer's interpretation of the present day views of the Soviet science as to the origin and meaning of matriarchy in the history of human evolution.

The actual stage of passing from the matriarchal forms to the new system of patriarchy has been extensively dealt with by Koswen. In this, Koswen relied on Engels. Thus, as a result of far-reaching economic and social changes which have taken place in primitive communities, a „historical defeat of women took place on a world scale“.

At this place the writer makes a digression touching a problem which, although to some extent a side issue, is nevertheless connected with the matriarchal question, that is the so-called problem of „Amazonism“. In this respect, although for Koswen the Bachofenian approach to this question is quite fantastic, yet in his view we do not possess so far any more satisfactory and fully acceptable explanation of this intricate problem (*Matriarchy*, p. 140).

The various versions of the legend, telling about female rule over a certain people, might be simply regarded as direct reminiscences of the matriarchal system. On the other hand, „the essential version“ of this, legend which refers to a community composed exclu-

sively of women — if we are to regard it as a reflection of social and political reality, though occurring only sporadically — suggests the conclusion that such female organisations could have come into being only during the period of the formation of patriarchate. In support of this contention it will be recollected that in mythology such developments are depicted as coexistent with father-right; the „patriarchal“ heroes fight the Amazons.

Women's response towards their starting exploitation by men, having an ideological backing in the still living matriarchal traditions, could have taken the shape of certain sporadically organised armed secessions, which could be regarded as the first manifestations of social movements parallel to the early revolts of patriarchal slaves. But it is also highly probable that in mythology such historical occurrences became greatly exaggerated, and that subsequently, when the patriarchal ideology became already a fully established social doctrine, they appeared to many as social curiosities.

Hence the connection between „the classical Amazonism“ and the theory of matriarchy should, in the writer's opinion, be reduced to a mere manifestation of previous tradition of the state of full feminine equality in public and domestic affairs. But even here the legends provide some argument for matriarchy.

Then the writer discusses how with the establishment of the patriarchal system of kinship and social organisation a new era began in social relations of the sexes — an era of decisive supremacy of men establishing themselves at the expense of women's position.

Beginning with that period and subsequently in the course of all later stages characterised by the system of private ownership and the class divisions, almost up to the present time, the isolated, individual household was the chief „sovereign“ domain of woman's work. Female, social authority in all class system was limited for the most part to that of mother of the individual family. On the other hand, throughout that era the exploitation of women, because of a decided supremacy of men, adopted different forms in different historical societies, among other forms in treating women as saleable labour, and in organised prostitution which met with the social approval of all class systems.

Throughout the era when the productive forces were based on primitive agriculture, stockbreeding, and handicrafts as well as in the then obtaining individualistic and class determined relations in production, despite all the local differences and individual cases, the cooperation between men and women in the eco-

nomic, professional, and organisational sphere meant for women the acceptance of a secondary position.

The next important change, on the largest historical scale, which affected the social position of women took place within the modern era of large scale mechanisation and motorisation of the productive forces.

An entirely novel setting of productive forces caused a fundamental change in the mutual arrangement of the sexes. It is, therefore, really the same factor which both Koswen and Efimenko have already accepted as underlying the process of rise in importance of women and subsequently of matriarchal order in the Aurignacian-Solutrean period; and also the same which, as Engels has shown, was responsible for the decline of female importance with the rising of the patriarchal system.

As we know from the mutual correlative connections between the productive forces and the relations in production we deduce certain „historical laws and regularities“. But if we adopt larger historical perspectives the dialectical relativity of the above connection becomes apparent. This relativity is also shown in its essential manifestation, that is the dependence of the relations in production on the newly arising productive forces in the case in question, the relations in production between the male and female sections.

Engels already stressed the relative character of the chain of cause and effect, when he discussed the passage from the hunting to pasturing economy: „the same cause“, he wrote, „which formerly secured to the woman influence at home, that is her limitation to the domestic affairs, has now secured male influence at home“⁴.

Similar causal relativity can be observed in further stages of development. The modern mechanisation and motorisation of the productive forces expresses the advances in production, advances on the scale similar to that which has already taken place in the neolithic period with the passing from collecting and hunting economy to that based on agriculture and stockbreeding. But whereas the former progressive change in production caused, among other things, the downfall of the social position of women, modern progress in production has started a sharp rise in the social importance of women, „has brought about female victory on a world scale“.

A similar position as far as social effects are concerned caused changes in the division of work. Sometime ago in the early hunting stage the progressing division of work between the sexes expressed itself in the strengthening of the position of women. On the other

hand under conditions of modern economic system the growth of the importance of women goes hand in hand with the rapid disappearance of the differences of the old division of work among the sexes, resulting from the mechanised and the motorised character of modern production.

It will thus be seen that the basically different character of the productive forces may impose directly adverse laws and regularities of the concrete shaping of the corresponding relations in production.

In accordance with the general law of historical development stating that the newly rising productive forces are utilised by the old relations in production, it followed that in capitalism, the new mechanised tools and implements should have at first resulted (as they in fact did) in an increased exploitation of women already in the early phases of capitalism. Also the weaker physical constitution of women rendered them very suitable for work with machines and power engines in most technological and administrative jobs. In capitalism, however, on the whole, parallelly to the development of modern productive forces the emancipation of women advanced. This was connected with the liberal outlook of the rising bourgeoisie which at that time strove to establish itself as a new ruling class. This progressive tendency however was inevitably hampered by various unprogressive tendencies and habits of a class society. In this connection it must be mentioned that it was very significant of fascism to deny equal rights for women, as fascism means reaction not only as far as the capitalist doctrine is concerned, but also it tends to revive certain aspects of older class structures, in this case that of feudalism and its outlook and practice concerning the position of women in society.

It is only with modern revolutionary changes in social system, that division of work between men and women has disappeared and is now reduced to those limitations which are dictated by biology. Women are taking part, on a large scale, in social production. As a result of this they have gained *de jure* and *de facto* a full social status. In socialist countries, where the first stages towards a new era of modern collectivism, based upon motorised production forces are being realised — the theory and practice of equal rights and complete emancipation for women has attained a full and consistent social state.

We observe a distinct dependence of the social position of women on the type of the basic production forces.

On the other hand the connection between the position of women and the basic type of the relations in production can be shown after a critical analysis of the evolutionary interdependence of the productive forces and the relations in production the disposal of a given society.

⁴ Origin of the Family, Polish Edition, Warsaw, 1948, p. 186.

The prominent position which women had had in the early type of society declined, this being caused by the development of the new productive forces, of agriculture and animal husbandry. This had taken place in the early collective community, that is in the period of the patriarchal system, though at that time there were already noticeable the first germs of the subsequent desintegration of the primitive collectivism, that is the germs of private ownership and class relations founded thereon. During the entire era of the developed class society the social position of women has been a second-rate one. Subsequently, the emancipation of women took place as a result of the mechanisation and motorisation of the productive forces. This was the position still within the era of class relations, though at its latest stage, consisting of developed capitalism within which the forces of the decline of class relations were already in operation. Full social equality for women has only just appeared in modern classless societies.

Consequently, the changes in the position of women on the largest historical scale can be also correlated with the transformations of the fundamental types of social and economic relations. The social degradation of women was on the whole connected with individualistic economic relations, based on privately owned means of production, whereas the growth of their position was connected, in principle, with the collective production system, which followed as an inevitable and final consequence of the epochmaking advances of productive forces, that the harmony between relations in production and new productive forces has been established. The mutual relation between the sexes is an integral part of these relations in production.

THE NEURI OF HERODOTUS

by Kazimierz Moszyński

The most important, and in fact the only valid source of our information about the ancient Neuri who lived in the VIth and Vth centuries B. C. is, as is well known, Herodotus. In addition to the name of these people, given by the Greek historian, as well as the information concerning their place of habitation, the remaining information transmitted by him can be summarised in the three following points:

1. The customs of the Neuri were similar to those of the Scythians,
2. Once a year every Neur turned for a few days into a wolf,
3. A generation before Darius' expedition against the Scythians, thus somewhere about 550 B. C., the Neuri had to leave their homeland because of the great increase of some kind of reptile

which Herodotus described by the word *ὁ ὄφις*, which means „a snake in general“, and in the secondary sense „an adder“.

After a thorough examination of the above data it can be safely concluded that none of them preclude us from considering the Neuri as the ancestors of the ancient Slavs though, it is equally true, that none entitle us to accept that fact conclusively).

On the other hand, all the information given by Herodotus concerning the places of habitation of the Neuri can be succinctly put into five points:

1. The Neuri lived northwards from the Scythians, the ploughmen, and like the latter they lived on the river Hypanis, that is the Boh, and to the west of Borystenes, that is the Dnieper.
2. The Neuriland was divided from the territories inhabited by the Scythians by a big lake, wherefrom the river Tyras, that is the Dniester, originated.
3. Northwards from the Ister, that is the (lower) Danube, inland „Scythia is enclosed“ by the Agatyrs (wherefrom the river Maris, that is Morosh flows, Herodotus IV, 48), then by the Neuri, and afterwards next to then Androphagi, and finally Melanchlaini.
4. A generation before Darius set out on his expedition the Neuri settled among the Budins.
5. The Scythians, withdrawing during the war with Darius, entered first the territory inhabited by the Melanchlaini, then that of the Androphagi, afterwards, reaching the land of the Neuri from where they came back, leaving the Agatyrs in peace.

In summing up all that can be inferred from points 1., 2., 3., and 5. of Herodotus' transmission we are entitled to locate the contemporary Neuri somewhere on the territories which today form the northern Podole and Volhynia (or even perhaps the adjacent Kiev province), that is, as a matter of fact, where they are usually located.

A thorough, manysided, and at the same time critical scrutiny of the information given under 4., confronted with the remaining data, and in particular with those given under 3., suggests the following interpretation: sometime earlier than a spell of the generation before Darius' expedition, that is about 550 B. C. the Neuri inhabited an unknown territory, unspecified by Herodotus except for his allusion to the empty places lying north of it and the plague of snakes or adders. From those territories the Neuri moved prior to 550 B. C. and came to live among or next to the Budins, who were a nomadic tribe living somewhere in the forests covering the territories on the upper Don in the basin of the river Oka and the middle Volga. But here they stayed for a short time, since in the time of Darius expedition.

and certainly during Herodotus' visit, they were already living on the territories to the west from the middle Dnieper.

Since the history of ancient and mediaeval north-eastern Europe provides us with a number of instances of migrations in the form of gradual or sudden, achieved by leaps, movements of peoples in one direction only, that is mainly from the East to the West, therefore, as far as the first point of the exodus of the Neuri is concerned, as the most plausible we should accept the hypothesis that they were situated, broadly speaking, to the East from the territories inhabited by the Budins. Thus, in the light of the above information, the migration of the Neuri would be *mutatis mutandis* similar to that of the Hungarians.

TRIBAL MENTALITY AND GRAMMATICAL CATEGORIES

(A study of the gender system in certain North American Indian languages)

by Tadeusz Milewski

Beginning with the assumption that the division of nouns into gender classes reflects the mentality of the community which has evolved them, the writer has made a study of the gender systems of the languages of certain North American Indian tribes (Koasati, Biloxi, Tsimshian, Nass, Chinook, Fox, Cherokee, Huron, Taos, Hupa, Apache, Tuskarora, Tunica). He has also examined in somewhat greater detail the more developed system of the Yuchi language (now in Oklahoma State, U.S.A.), described in the work of Günter Wagner, on *The Yuchi, Handbook of American Indian Languages*, ed. by Fr. Boas, Part III, 1935—8, p. 293—384. In the Yuchi language there are eight gender systems, that is: 1. a different one for pronominal prefixes of the predicate and a different one for the articles, 2. different for the plural and different for the singular, 3. different in the male language and still different in the female language. In the above three juxtapositions the first system is always simpler, and the second more involved. We get therefore a total of eight gender systems ($2 \times 2 \times 2 = 8$), of which the simplest is that of the predicate prefixes in the plural in the men's language and the most elaborate is that of the article in the singular of the women's language. Between these two extremes the remaining systems are contained.

The opposition of a group of co-tribesmen to the rest of the world is of the greatest importance in the Yuchi language, since it occurs in all eight systems. Then, the world outside the tribe is further subdivided, though in a less determined manner (in four systems only out

of the total of eight) into animate and inanimate sections. The latter group of inanimate objects is further differentiated, though even in a less decisive manner (in two systems against eight) into vertical objects, i. e. those whose vertical axis is longer than the horizontal, horizontal objects and the remainder of lifeless objects. Within the Yuchi tribe the most important line of division contrasts the older generation (that is older than the speaker) with the rest of the tribesmen. This distinction appears in various forms in six systems. Further distinctions within the group of tribesmen are made by reference to the sex of the speaker, and it is worthy of note that the classification of every sex group is always more detailed in the language of the opposite group than in its own language. Thus, in the men's language women are classified in greater detail, and so in the women's language are men. For each sex group its own group appears to be more uniform, and the opposite sex group much more differentiated in terms of the existing tribal and clan hierarchical order. In the systems for the singular in the male language the group of female relatives is differentiated, and among them, the female relatives of an older generation than the speaker, whereas the male relatives are not differentiated from the group comprising all tribesmen. On the other hand in the two systems used in the singular by women, we get a division of a group of tribesmen into male and female sections respectively, the classification being more detailed within the male group than in that of the females. The female group is divided into two classes, of which the first consists of the relatives of the speaker belonging to the generation older than the speaker, and the second of the remaining women of the Yuchi tribe. On the other hand, the male group is divided into three classes, of which the highest consists of the relatives of the speaker belonging to the generation older than the speaker, the second is the remainder of the relatives, and the third the remaining males of the Yuchi tribe. It can therefore be seen that the principle of division according to sex plays a more important role in the female language than in the male, for the opposition between the male and female class is only clearly marked in the language of women, as well as the opposition between male relatives and female relatives.

The thus constructed picture of the world can be regarded as representative of the tribal mentality, as an outlook upon the clan and the community, which is essentially subjective, and which reflects its hierarchical order and the preponderance of women in society. Its cornerstone is the fundamental opposition between tribesmen and strangers, that is all those who are outside the tribe. Within the groups

of tribesmen there is either the differentiation of all members of the old generation as the upper stratum, or else, which is even more frequent, the differentiation of one's own clan. Within the clan group males and females who are relatives of the older generation form the upper stratum. Thus, we get the hierarchical structure within which the relatives of the speaker, representing the older generation than the speaker, are looked upon as the most highly valued group. But the fact that the women, in making a detailed classification of men, differentiate their own relatives of the older generation, whereas men in making a detailed classification of women, fail to distinguish their own relatives, points to unequal treatment of the sexes, to the preponderance of women over men. Female relatives form a higher class in four systems, but male relatives only in two, which might be regarded as a proof of the priority of the matriarchal system over the patriarchal. If, however, such an outlook is hierarchical, and if its evaluations of rank and order are contained within the tribe, clan, or the matriarchal system, it is *ipso facto* subjective. In fact, a number of criteria of division, including those which are most characteristic for the Yuchi language, are associated with the speaker and consequently undergo changes with the speaker. This, above all, is clearly marked, in the contrasting of the generation older than the speaker with the remaining individuals, as well as in the contrasting of the relatives of the speaker with the remaining section of tribesmen. In the centre of the world are older relatives, but, above all, older female relatives of the speaker, „my relatives“ in reference to the speaker, which gives to his entire outlook a highly egocentric character.

SYNTHETIC SKETCHES OF V. KIPARSKY

by Jan Czekanowski

The synthetic summary of the views of the Finnish scholars on the problems of ethnogeny of the Ugro-Finnish and Baltic peoples, given by Valentine Kiparsky (1939), is supplemented here by a commentary which is based on the results of Polish anthropological investigations (J. Czekanowski, 1938). In this way the distinct character of the oldest Lapp stratum has been made apparent. This stratum, perhaps reaching back to the middle paleolithic culture (the Solutrean epoch), and having Samoyed anthropological affinities, is quite distinct from the much younger Neolithic, Finnish stratum, having, as most recent anthropological investigations have shown, some affinities with the „Fatyanovo“ culture of the Soviet archeologists.

Moreover, the hypothesis that the Eastern Balts may be the continuation of the mysterious Neuri, mentioned by Herodotus, becomes now more and more plausible in the light of the above discoveries. It would thus appear that the Neuri, having bypassed the Polesie marshes from the South, settled on the fringes of the Dnieper and Wolga basin, where Casimir Buga localised their aboriginal habitat.

It is highly probable that the differentiation of the Latvians took place as a consequence of neighbourly contacts with the Finns, whereas the anthropological changes of the Lithuanians were caused by the influence of their Slavonic neighbours. It should also be mentioned that the later investigations of V. Kiparsky (1952) brought linguistic evidence supporting the contention of an earlier shift of the predecessors of the Northern Great Russians from the Vistula basin to the Western Dvina and the Lake Ilmen region, perhaps before the Eastern Balts were able to reach the shores of the Baltic. This would provide further evidence for Czekanowski's opinion that the Finns, mentioned by Ptolemaios, and identified by V. Kiparsky with the Lapps, should be located on the empty fringe dividing the Eastern Balts from the Western Balts in the region of the Lower Niemen. Apparently, in their retreating movement from the South they were driven back there by the Eastern Balts who were moving northwards, and later turning towards the Baltic. V. Kiparsky strongly opposes the attempts of J. M. Rozwadowski and T. Lehr-Splawiński who by means of toponomastic evidence have tried to find traces of the Finns on Polish land.

RETROSPECTIVE METHOD IN POLISH ETHNOGRAPHY

(A contribution to the history of ethnographic thought in Poland)

by Józef Gajek

Eighty years ago a book was published by Tadeusz Wojciechowski, *Chrobacza: An Inquiry into Slavonic Antiquities*, Cracow, 1873. The introductory part of the work which was called by the author „The method of the investigation of Slavonic antiquities“ forms a compact whole, embracing 117 pages of a small 8vo, and contains the gist of his very interesting methodological argument. Strangely enough, this book despite its originality and great scientific merits remained practically unnoticed. Throughout the eighty years which have elapsed since the date of its publication it was never properly analysed, nor even competently reviewed, either by the historians or by ethnographers. Whatever its cause, the omission on the part of

the students of ethnography is significant. In consequence, the name of Tadeusz Wojciechowski never entered into the history of ethnographic thought in Poland, while his work, so original, grown out of the native stock of thought, and in many respects pioneering as a contribution to historical ethnography, never exerted the influence which it ought to have done. It is not the place in this short address to analyse all the causes of this sad state of affairs, but it should perhaps be observed that Polish ethnography, submerged at that time in pointless collectioneering, without a proper theoretical guidance (for in the field of theory it was then only a faint reflection of the methodological contentions of West European ethnology), was perhaps, just as was the contemporary Western ethnography, not mature enough to put into practice theoretical tasks which at that time Wojciechowski was postulating in his pioneering essay *On method*.

Despite the fact that Wojciechowski's programme remained in its fundamentals unfulfilled, yet it had some influence on the work of historians of eminence, such as Piekosiński, Balzer, Potkański, Bujak, Abraham, and Dąbkowski. In their work one can clearly trace the echo of the retrogressive method, or, as it was called by Wojciechowski, reverse method. It is evidenced, above all, in the methodological principle of going down to ethnographical sources in any argument or reconstructive discourse on the origin of Polish culture, or the origin of the Polish nation and State, which, after all, is nothing else but the problem of ethnogeny, nowadays so much spoken about and occupying such an important place in any historical ethnographic analysis. What place seventy years ago took this quite original principle of the retrogressive historical study whose foundations are contained in the work of Jan Potocki, and Surowiecki, and which matured in Wojciechowski under the influence of contemporary works of Miklosich and Pott, was perhaps most aptly summarised in the words by Stanisław Zakrzewski: „Chrobacja constituted in the history of our science an important step forward. It should be regretted that it was never completed, and it is also a great pity that even in the state in which it was presented to the Polish public it was never translated into any foreign language“. (*Historical Sketches*, p. XX). It was in its own field a truly pioneering work, not only in Polish science, but also in world science. It extended the field of historical source and analysis, by adding to it new sources provided by ethnography. But it also taught us to look at them in a new and proper perspective, to interpret them more broadly and more correctly. But the battle has not been completely won, even today, for some students of history are still not prepared to accept fully the body of ethnographic sources.

And it is because of that alone, not considering even other shortcomings, that we are likely to find much with which we must today disagree, and dismiss as errors in the work of such eminent historians of the older generations as Piekosiński, Bujak, and Potkański.

CRYSTALLOMANCY

by Ryszard Gansiniec

The Ladislas Prayerbook, dated about 1480, contains the only preserved treatise of crystallo-mancy written in Latin. This divination, known in the classical antiquity, is related to catoptromancy, hydro-mancy, and a number of other methods of revealing hidden knowledge by means of producing optical or acoustic hallucinations. It appeared in Europe in the XIVth century in a somewhat rudimentary form as a result of the Renaissance, being influenced more by its Hellenistic than Arabic trend, and became more established in the second half of the XVth century. It was first mentioned in the writings of the Decretists and Moralists. About the middle of the XVth century we find crystallo-mancy in a technically fairly advanced stage, well established in the court of the Grand Duke of Bavaria, where the court physician J. Hartlieb compiled in 1456 an encyclopaedia of magic and divination. In the eighties of that century it was already widespread among the nobility and the intellectuals of Southern Germany, especially in Nürnberg. Apart from the legendary Faustus (in the works attributed to him we find several systems of crystal gazing), of particular importance are the statements of Paracelsus, who, none the less, was at that time the only scholar who tried to give a scientific explanation of the phenomena connected with crystallo-mancy. Earlier Arabic interpretations which were undisputedly its first rationalistic explanations, were not known to him. If today Paracelsus' theories possess for us a more historical value as interesting ideas and suggestions which can shed light upon his mind and the period in which he lived, which produced such ideas, it is due to the fact that Paracelsus took as his starting point unverified beliefs and popular stories which he assumed to have foundation in facts. Herein lies the cause of his failure of not being able to free himself from primitive animism and crude astrological schematism, which were then overwhelming, which by re-shuffling the cosmic forces and the hierarchical order, regarded the stars as their ultimate source emanating by means of radiation specific forces. The spiritual entities *flaga*, specified by Paracelsus, closely resemble similar entities known in the English crystal-

lomancy, with which the German scholar must have been familiar. Moreover, Paracelsus also testifies to the fact that in his time, wherever he moved, crystallo-mancy became already developed into a popular practice. This is not shown clearly enough in the witchcraft court records, and the questioning of the judges and the extorted answers of the victims do not as a rule go outside the old-established canonical routine, holding that the devil, identified with the *spiritus familiaris* of the Renaissance, stands behind that divination.

In France crystallo-mancy appeared late and only sporadically; the related divination methods such as lecanomancy and catoptromancy were much more common, while the court astrology was, apart from the so-called geomancy, the dominating practice. The situation was different in England, where this divination was the first among European countries to be mentioned in literary works, such as Robert de Brunne *Handlyng Synne* (1303) and in the *Registrum Radulphi Baldock* (1311). But divination must have been reduced there to an underground existence, since the earliest court records of 1467 mention crystallo-mancy as a popular country practice and quote some of its handbooks. England is the only country to have in its public libraries manuscripts from the XVth and XVIth centuries with actual divination practices, though, as a matter of fact, they do not differ much from similar practices known from Italy and Germany. Yet their elaborate legendary setting and the prayers connected with them testify to their long previous history on the English territory. It is a *fairy* which is responsible for the augury, though, unlike the word itself, it is not derived from the popular Roman *fata*, (fate and fairy woman) but probably it is connected with the Celtic *side* (a fairy woman) who lived in the mounds and hills. In England, to a much greater extent than in other countries, crystallo-mancy gained popularity in political and scientific circles during the classical XVIth century. John Dee (1527—1608), the reputed scholar, became one of its patrons who from the study of optics turned to the crystals and became one of the leading practitioners in crystallo-mancy. Deeply convinced of the objective character of these visions, he set out on a journey paying visits to the courts of influential European monarchs in order to put forward a political programme of world reform, but returned disappointed with poor results in his reformatory mission. He left 23 folios with crystallo-mantic records covering the period between 1581—1588, as well as some crystals which were said to have been used by him for his experiments. At the time when Dee was at the height of his fame, the judge Reginald Scot fought against divination, not only in the court but also in a very learned treatise on *The Discoverie of Witchcraft* (1584), which

subsequently became a gospel of deism in England and also on the Continent, chiefly owing to the rationalistic explanations contained there.

In the XVIth century crystallo-mancy reached the peak of its popularity. Afterwards it began to fade from public life and when the looking-glass replaced the rather expensive crystal it disappeared completely. Its revival again took place in England, where Francis Barrett in his *Magus* (1801) devoted some space to this type of divination. The Romantic Movement took up the subject which it found attractive and introduced it into literary works (Goethe, Hoffmann, Hebbel, Ludwig, and others). Science sought to explain the Old Testament oracle of *urim* and *thummim* in terms of crystallo-mancy, which accounted for the fact that it was regarded for some time as holy by the Roman Catholics.

A survey of information referring to crystallo-mancy among non-European peoples closes the work.

HOUSING AND MOVABLE PROPERTY ON THE ESTATES BELONGING TO THE POZNAŃ DIOCESE IN THE XVIIth AND XVIIIth CENTURIES

by Walerian Sobisiak

This is an essay in historical ethnography based on such material as records of inventories and inspections carried out on the estates belonging to the diocese of Poznań between 1604 and 1796. The writer collected carefully all the facts and details which, directly or indirectly, refer to various items of material culture such as housing, including living quarters and all types of farm building, and the buildings for various industrial, processing, and trading purposes. He is interested in the constructional detail, material used for building, type of roofing, and interior furnishing of these buildings, in fact, every detail which could be found in the records. The writer makes here also a thorough study of agricultural tools and implements used in connection with soil cultivation and gardening and also preservation and processing of food and other farm produce (distilleries and breweries, grain mills, cloth mills etc.). Of special interest is his chapter on the inn, its material furnishing and social functions.

Publications of this type are rare in Polish ethnography so it is to the writer's credit that the present study fills an important gap in this respect. It should be added that he does not treat his material

as scattered and not connected facts but tries wherever it is possible to project them against the type of then prevailing feudal economy and farming system, i. e. extensive and predominantly grain producing farming system.

THE PROBLEM OF *NAWSIE* IN THE VILLAGE SETTLEMENT

by Józef Burszta

In the first place, the writer tries to give an answer to the question of what *nawsie* is; having done this, he is concerned with its history and place in the pattern of village settlement.

The role of *nawsie* in the village settlement has not yet been satisfactorily explained in the Polish scientific literature. Until not long ago only scattered notices about it could be found. Nor does the work of Docent J. Gerlach provide a satisfactory explanation as to the meaning and place of *nawsie* in the early mode of village settlement, since his method is confined to historical and juridical approach. Yet *nawsie* is a broader problem which can only be solved by combining two lines of research, which are usually applied in the study of the rural settlement, that is the historical and the geographical approach. The writer decided to adopt that combined method.

Passing now to the discussion of the main types of village in Poland and their spatial lay-out, the writer has noticed that *nawsie* appears regularly in certain types of compact villages (which he enumerates), that it may appear in certain less densely built villages (like those built along main roads or along several roads), but, as a rule, it never occurs in scattered settlements. As an element of settlement *nawsie* is of mediæval origin and is determined by the then prevailing methods of agricultural husbandry and the mode of land utilization. As to the position of *nawsie* in the spatial lay-out of the village settlement, the writer has discovered that *nawsie* consisted equally of the central village square as well as of the long space along the settlement's highway; and also that the *nawsie* constituted the village common grounds, not so much on account of the type of the soil found there as some have maintained, but because of its position within the village lay-out, and because of the role it played in the life of the community.

Nawsie in mediæval Poland was also known under the name *wagrody*, which form however was found exclusively in Mazowsze.

It was widespread in Southern Poland, also in Bohemia (where it appeared under a similar name, *nawes*), Silesia, Brandenburg, and Pomerania (where it was known as *Anger* or *Aue*).

In Chapter V the writer discusses the historical development of *nawsie* as a form of communal ownership. He describes cases of appropriation of *nawsie* by the bailiffs and the landlords and the opposition of the villagers defending themselves against such an action. It appears that despite various attempts at appropriation of its parts, the *nawsie* remained on Polish lands the common property of the community until recent times. The position was different in Silesia and in Germany, where *nawsie* were annexed by landlords and became their exclusive property.

Next, the writer gives an account of some interesting cases of the colonisation of *nawsie*. Thus he shows that from the earliest time the poorer sections of the village population (the landless peasants and labourers) were accommodated on the *nawsie*. We know from early documents referring to land settlement that bailiffs had the right to settle there their craftsmen and labourers. Later on, with the progressing impoverishment of the villages, the landless proletariat as a rule settled there. In certain provinces, as in Lower Silesia, in central Galicia, special weavers' settlements were founded in the *nawsie*. In the vicinity of industrial centres *nawsie* grouped workers who every day journeyed to their factories. The latter *nawsie* settlements soon acquired the character of urban settlements, whereas the remaining part of the village never changed its rural character. *Nawsie* thus played this singular role that it made possible the flow of the rural population and its settlement within a locality without profoundly altering its original topographical character.

Finally, the writer gives an example of the rôle of *nawsie* in modern settlement, describing the case of the village Grodzisko in the district of Łańcut. *Nawsie* there has all the typical features, that is the position along the village highway, the character of its population originally formed from the village poor and craftsmen providing services to the entire village — out of which subsequently a small town developed. The writer shows how the impoverished village population settled there during the period of class differentiation of the villages. It appears that apart from the *nawsie* the village peripheries were the only places where the poor settled. Thus the social fact of class differentiation of the village population finds also its reflection in the spatial categories.

SMALL TOWNS IN THE DISTRICT OF OPOCZNO, CENTRAL POLAND, IN THE PAST

by J. P. Dekowski

The present work is devoted to the study of life in the past in small towns in the district of Opoczno in Central Poland. It is based on historical records, although the writer stresses that the archive material he had at his disposal was scanty and incomplete, this being chiefly due to devastations caused by several wars in the past but above all the two last world wars.

In describing the social and economic institutions of such small towns, beginning with the XVIth century, the writer stresses their predominantly agricultural character. Despite the fact that a certain number of craftsmen and traders lived in these towns agricultural interests predominated and the great majority of the population was engaged in the cultivation of the soil. A typical town household had many features of the country farm. Thus, in addition to the house, it had its barn, byre, pig-sty, stable, cart and wagon shed, woodshed, granary, and in some cases its own distillery, mangle, and some craft workshops. Next the writer discusses the outside appearance of a house in these towns; built of wood, its construction, roof cover, number of rooms with the richer and poorer people, as well as the manner in which the interior of the house was furnished are described.

The writer was able to find some interesting material referring to the dress of the inhabitants of these little towns. Dress was on the whole elaborate, rich, and ornamental, using, in addition to the locally made materials, a fair number of costly imported materials. In the XVIIIth century imported material predominated both in men's and women's dress.

In conclusion the writer stresses that the study of the form of life in these small towns is important also for the students of the countryside as much that happened there directly affected the subsequent development and the status of the country people and their culture which to a great extent developed under the influence of these urban patterns.

„PATRYJA“ — A NOTE ON SOME METHODS OF PASSING NEWS OVER DISTANCE

by Wojciech Hejnosz

Starting with an assumption that sometimes even a slight detail noted may be of importance in ethnographic research, the writer

reports on his findings concerning the passing of news over distance in former times. Though his information is not complete, yet the subject, despite its obvious importance, has received little attention in Polish ethnography.

One way of passing information over distance is by means of beacon fires, lit on hills, though detailed information is lacking on how this is done. The writer succeeded in collecting some information on the subject. Thus, his attention was drawn to the fact that, in certain areas, as e. g. in Grodzisko, the district of Łańcut, certain hills are known under the name *patryja*. This word seems to be etymologically connected with the Polish word *patrzyć* — to look at, watch, thus suggesting some connection between the names of hills and signalling arrangements in the past.

This hypothesis finds a further confirmation in the dictionary definition of the word *patryja*, which is associated there with surveying beacons. It is obvious, however, that the surveying is of modern origin, whereas the word *patryja* refers to a much older period. Similar signalling arrangements by means of beacon fires have been reported from Switzerland, where they still seem to live in oral tradition.

THE FOREST BADGE IN THE IŁŻA DISTRICT, THE PROVINCE OF KIELCE

by Zygmunt Kolankowski

Primitive forest beekeeping, as a form of simple natural husbandry was widespread in ancient Poland. Information concerning it can be found in a number of early historical records, beginning with the oldest known record coming from Ibrahim ibn Jacob and dating from the second half of the Xth century. The owners of the *barcie*, that is the forest bee-hives, marked their property with special signs or badges, consisting of cuts made with an axe on the trunk of the tree where the bee-hive was. The signs were similar to those with which farm animals were marked, as well as the houses, fishing tackle, pottery and so forth.

The study of the bee-hive badges from the Kurpie Forest in Mazowsze made by L. Krzywicki in 1892 showed that they were of great antiquity, some of them reaching back as far as the period of community ownership. The investigations by B. Namysłowski carried out between 1925 and 1929 convinced him that the ancient property badges have become the foundation for the heraldic ensigns of the knights of the feudal period.

The collection of bee-hive badges described in the present article comes from the Ilża district, the area of Central Poland (the Province of Kielce), where such antiquities were so far not known. It should, however, be added that this district has a developed folk-pottery production with rich ornamental designs.

The analysis of the forest bee-hive badges, which in our case date from the end of the XVIIIth century, fully confirmed the results previously obtained by L. Krzywicki, thus making possible the stating of the similarity in the form of badges according to the clan bonds of their owners. The examination of the records of the inspection made in the Ilża estate in 1789, containing „The Specification of the bee-hives in the Ilża forests“ allows us to state that there existed at that time interesting connections between the rather primitive forest bee-hiving and its higher form the cottage bee-hiving. Thus beekeeping husbandry was practised at that time in 27 villages, whereas forest bee-hives in 11 villages, of which 9 villages were inhabited both by forest beekeepers and cottage beekeepers. The total number of bee-hives was 270, of those in the forests 419. In the villages jointly inhabited by two groups of beekeepers there were 130 bee-hives. There were 55 forest beekeepers and 72 cottage beekeepers. The identity of names was established in 7 cases, uncertain in 7 cases. The latter group owned between them 91 forest and 46 cottage hives.

Finally, the tables of „specification“ which have now been published enabled the writer to correct one mistake made by B. Namysłowski who was convinced that the forest badges had exclusively linear decorative motifs, this being accounted for by the fact that they came from cuts made with an axe. Our table of „specification“ makes it now quite clear that wavy lines appear also in the bee-hive badges.

THE FOREST BADGE FROM THE AREA OF WYSZKÓW

by Józef Burszta

The writer adds 62 new forest badges from the Wyszaków forest, situated at the confluence of the rivers Bug and Narew. Only a small number of these discerning emblems, associated with forest bee-hives, have been known so far. The new specimens come from 1650, i. e. from the year the inspection of the forest was carried out. The records are now in the Archives of the Polish Ethnographical Society, and come from the collection of the well-known Polish ethnographer, the late Jan Witort.

Analysing the above forest badges, the writer briefly discusses three problems: that of their origin, morphology, and function. In line

with L. Krzywicki's and B. Namysłowski's theories, he stresses their practical and polyphyletic origin. Being at first clan emblems, they became in the course of time ordinary discerning badges, used when the forest property had to be marked, whether it was the area of a „full forest“, „half-forest“ or only a „bee-hive section of the forest“.

Comparing the Wyszaków badges with other emblems known from different forests, the writer stresses the fact that some of them differ in their morphology. Some of the Wyszaków badges seem to be much more elaborate (e. g. badges Nos. 29, 48, 26). The writer is of the opinion that the forest badges must have been simple at first, and such are, as a matter of fact, the oldest so far known badges from the XVIth century, quoted by St. Kutrzeba. Then, they tend to develop towards much greater complexity in form. This complexity is the result of the subdivision of the bigger forest areas into smaller units or even of the sale or transfer of the smallest units (bee-hive sections) in which process additional discerning signs had to be added. Hence the greater complexity of the badge, the longer and more complex the history of a particular forest unit. Some morphological features of the badges point to the strong influence of Christianity and church culture, though the possibility of the personal influence of a particular scribe should also not be left out of account.

SHEEPOWNERS' COURTS IN WESTERN POLAND AT THE END OF THE XVIIIth CENTURY

by Bohdan Baranowski

The problem of village jurisdiction in old Poland contains still many unsolved questions. Among such problems, very little is known about the methods of administering justice by certain occupational groups such as bee-keepers, raftsmen, or sheepowners. The specific conditions of life and work of their members have undoubtedly accounted for the fact that almost until the end of the XVIIIth century they preserved a measure of professional and local autonomy, one of the chief manifestations of this being the power of administering justice within their respective professional or trade groups. As, however, most of such legal courts had not literate scribes on them we have, unfortunately, little trace of their sometimes lively activities.

One such occupational group which preserved a measure of independence in settling its own legal disputes, though limited strictly to professional matters, was that of the sheepowners who formed such a professional body. Unfortunately very little material exists which could shed light on their activities. So far, only one transaction

of the sheepowners' court has been published, namely one which sat in the village of Czewujewo, near Żnin in Western Poland, in the year 1693 in order to hear the case of two shepherds accused of stealing sheep. We also possess some fragmentary notes taken from the orders issued to the Pomeranian villagers forbidding them to hold sheepowners' courts.

Finally the writer refers to the document found in the State Archives in Łódź, containing the minutiae of the sentence passed by the sheepowners' court which sat in Western Poland in the year 1787. Thus, the sheepowners' court met in the village of Chrośnica, near Zbąszyń. It was composed of four sheepowners from the neighbouring villages and sat with the object of trying the case of sheep stealing by a few shepherd's assistants. The accused were found guilty and the sentence passed involved the payment of high money fines to be handed to the local landlord and parish church as well as to the court. The sentence also involved the disqualification of a few shepherds who by virtue of the decision of the court were deemed unworthy to continue in their profession. Despite the sentence the rather involved matter as to how the indemnification was to be paid remained in suspension and was not finally settled until 1794. The text of the pronouncement of the Court, published in the present article, deserves special attention on account of its rich factual material.

SHEEPOWNERS' COURT AT PŁOCK, MASOVIA

(End of 18th Century)

by Zygmunt Kolankowski

In the General Archives of Ancient Documents in Warsaw there are among the municipal registers of the city of Płock some interesting legal records concerning the organisation of the so-called Sheepowners' Courts. They originate from the period of Poland's partition and refer to the lawsuit of Walenty Szymański, a shepherd in the royal domains of Biała and Maszewo which were at that time taken on lease by Jakub Miszewski, master of the hunt at Przasnysz and administrated by Józef Chiemliński.

The above mentioned were indicted by Walenty Szymański for refusing to hand over to him the confiscated sheep and convoking a lawless Sheepowners' Court the action of which did him much harm. But the feudal tenants shrewdly turned to their advantage the home-ruled institution of the Sheepowners' Court as an instrument of repression against Szymański, though the court really ought to have done justice to him. Thus on 17-th October 1789 the sentence was passed.

Unfortunately we do not know its wording, but it was said by the noblemen to be „mild“. Szymański, however, in his appeal of March 14th 1791 complained that the Court had been lawless and the sentence unjust.

We become acquainted with the beginning of the lawsuit from the documents Nos. 1 and 4 — quoted here complete, the further three (Nos. 2, 3, 5) being less important, only in notes.

SOME CASE STUDIES OF THE SHEEPOWNERS' COURT ACTIVITY IN THE XVIIth AND XVIIIth CENTURIES

by Adam Kaletka

This article should be read jointly with the study by Prof. B. Baranowski on the *Sheepowners' Courts in Western Poland at the end of the XVIIIth century*, (p. 538. English Summary p. 1387) which provides a wider setting out of the legal activities of such professional groups. Here two cases of the sitting of sheepowners' courts are described, on the basis of unpublished historical records which the writer discovered and utilized in the present study.

PEASANT SAW-MILLS IN THE ŻYWIEC REGION IN THE XVIIth AND XVIIIth CENTURIES

by Józef Broda

The area of Żywiec Beskid, like the entire ridge of the Carpathian mountains, was formerly covered with compact groups of primeval forest — the natural riches of that hilly country. Beginning with the middle of the XVth century, forestry products, and timber in particular, steadily gained in economic importance, and with the establishment of the system of estate farming, occupied a paramount place in the exports of that region. Timber was sent by water to Cracow, which was for Żywiec the nearest marketing centre. With the development of the timber trade not only unshaped timber was exported but also squared or dressed pieces of wood. The first information about the mechanical shaping of timber in local saw-mills dates back to the beginning of the XVIth century. A hundred years later there were 8 such timber mills in the area of Żywiec which cut shaped timber. Inventories of land property, made in the years 1667 and 1712, registered also a similar number of industrial establishments.

The construction of the saw-mill was very simple: the basic building material was wood, of which almost all the parts of the machinery were made (apart from a few most indispensable parts and fixtures which were made of iron). The Żywiec saw-mills were two-storied; in the lower, ground level, part of the barn, built of thick logs, there were wheels and rollers which transmitted the water power to the sawing machinery proper, placed on the floor above.

The construction of the Żywiec saw-mills was at that time more primitive in comparison with those of Podhale. The drawings included in the text (constituting an attempt at reconstruction on the basis of their descriptions contained in the sources in the middle of the XVIIth and XVIIIth centuries) and the explanations contained in the text, fully account for the above differences in the constructional level.

COUNTRY MILLS IN WESTERN KUJAWY FROM THE XVth CENTURY UP TO THE PRESENT TIME

by Czesław Łuczak

The earliest record mentioning the existence of water-mills in Western Kujawy come from the XIIIth century, whereas wind-mills are for the first time recorded as late as the XVIth century.

All mills were at that time and also later owned by the King, the Church, and by big landowners, who settled millers in them who were mostly recruited from the peasants. The status of the miller and his duties towards the owner of the mill differed, though in most cases he was obliged to pay rent, either in kind (grain) or in cash. In addition to this, the tenant had to make other contributions to the landlord (e. g. feeding a certain number of pigs, giving technical help to other establishments run by the estate and so forth). Between 1760 and 1773 most contributions in kind were commuted into money rents, this being connected with the general commercialisation of economy. Broadly speaking, such conditions lasted in the village milling industry till about the middle of the nineteenth century.

After 1823 during the regulation of the land problem there were few cases of agreements made between the millers and the landlords, by virtue of which former peasants acquired the right of ownership of wind-mills, for which however they paid.

In this way the first peasant owned wind-mills in Kujawy came into existence after 1823, though, in fact, there were only a few of them until 1845—1851, when they increased substantially. This was largely due to the bill of February 9th, 1849, providing that every owner or

manager of an industrial establishment should have full professional qualifications. In consequence, big landowners faced the necessity of undergoing professional examination. After a few years of unsuccessful negotiations with the Prussian authorities who were adamant on this point and would not agree to any compromising solution, the general selling out of the water- and wind-mills to the peasants began. In consequence, the state of peasant ownership in the village mills greatly increased, reaching its peak between 1870 and 1890. In the same period, however, the steadily progressing capitalisation in the industry began to threaten the establishments which were technically less developed. The village mills and wind-mills were overwhelmed in the uneven struggle and had to yield to technically better equipped urban milling plants. From that time the number of mills in the country steadily diminished.

Among various milling establishments known in Western Kujawy, which were either driven by human muscular power (hand-mills), animal power, or wind- and water-power, the most common were wind-mills. On the other hand the technically most advanced of all were water-mills. They had both undershot wheels and also those in which the water was shot over the top of the wheel setting it in motion in this way.

The writer then proceeds to discuss the technical equipment of these mills, describing their mechanism, and paying special attention to the ethnographic nomenclature of various parts of their machinery. It appears that, with regard to technical advancement, not much progress was attained until 1772, even that being mostly minor improvements often introduced by local millers.

The Industrial Revolution of the XIXth century with its stupendous technical advances hardly touched the milling industry on the territory under investigation. Thus, for instance, no steam-engine was introduced during the XIXth century into the milling industry in the Kujawy region. The greatest change throughout this period consisted in the building of a few Dutch wind-mills. The changes which were made in the machinery of water- and wind-mills were only minor technical improvements (e. g. certain wooden parts were replaced by metal, silk bolters were introduced in the place of linen ones, the apparatus for turning wind-mills were perfected etc.). The first steam or motor mills appeared in the Kujawy villages in the period between 1918 and 1939 but they were due to urban initiation or that of the big landowners rather than that of the local people.

The village milling industry which in the feudal period was represented by a fair number of water-, animal-, and wind-operated mills suffered many setbacks of depression already at the beginning of the

capitalist era. This was chiefly due to the technical backwardness of the village mills which could not compete with the urban power mills, where many technical appliances were introduced. The further development of capitalism even more aggravated the position, since modern and efficient milling establishments came into being in the towns, representing landowners' or commercial capital, and these have practically ousted the old type of peasant owned mill.

Nowadays, water-mills in the Kujawy region exist no more, and of a small number of wind-mills still active 80% are engaged in rough-grinding corn solely for the use of the local population.

LAND MEASURES AT URZĘDÓW

by Michał Pękalski

Among many interesting relics of olden times are the local names of the old measures of land, which can still be found occasionally in some parts of Poland. They can still be found in the country town of Urzędów, and the local population uses them yet in everyday life. It should be stressed that although the same names are used in every suburb of the town they do not denote the same area of land. This should be accounted for by the fact that, although the original *łany* (Early English hide, ploughland) were of the same width, their length differed from 3—8 kilometres.

It is possible that sad events are associated with the origin of the land measures at Urzędów. According to local traditions, confirmed by the records contained in municipal books, the „black death“ visited Urzędów in the XVIIth century and ravaged with such force that few people remained alive in the town. The surviving inhabitants and new settlers took possession of the deserted land which they divided in such a way that every strip of land allotted, though it was as a rule of the same width, could be of different length, since the latter was fixed by the boundary of the neighbouring village. Hence, the position was such that, though the names remained the same, the actual plots differed in size considerably. As for instance a *łan* (hide, ploughland) at the Ranków suburb amounted to 48 *morgi*, in Tereczyn it was 64. The most characteristic names are: *półzagonki*, *zagonki*, *półcwiartki* (*pućcwiartki*), *kiełbasy*, and *półłanki* (*pułanki*), all signifying different land measures.

CLOTH PRINTING IN SILESIA

by Leon Malicki

The writer stresses the antiquity of the popular technique of cloth printing which came from the East and developed in the Middle Ages in Germany, and later in the Netherlands and in England. They became the centres which improved the technique of cloth printing and developed new ornamental patterns which later played an important role in the history of these textiles.

Then the writer describes briefly the oldest techniques of cloth printing by means of matrices (carved wood blocks). By this means the pattern was printed directly on the material. Since the XVIIth century a new improved technique was introduced which consisted in covering the block with a coating of wax and afterwards stamping the waxed design on the fabric, dyeing it, and afterwards removing the wax. The latter technique became very widespread in Europe.

The writer then describes briefly the cloth printing centres which originated in small Silesian towns such as: Cieszyn, Jabłonków, Koźle, Racibórz, Leśnica, pow. Strzelce Opolskie, Biała, pow. Prudnik, and Siemianowice pow. Stalinogród (formerly Katowice). Most of them were as late as the second half of the XIXth century still printing cloth for the countryside of which peasants' skirts, aprons, shawls, and tablecloths were made. The writer gives the characteristic features of each centre in so far as material is available.

A number of the matrices from the above mentioned printing centres are now preserved in the regional museums in Bytom, Cieszyn, Bielsko, Gliwice, Opole, and Racibórz.

Then the writer gives descriptions of the wooden printing matrices which are mostly rectangular in shape or often with a square frame and for side motifs take a straight line, and often also a curved line. Older matrices have the ornamental motifs carved in the wood, on more modern ones they consist of metal bars and pins, very neatly fixed. Combined motifs, consisting both of carvings and pins are frequent. The most frequent ornamental motifs are small spots or large ones arranged in a strip, flowers, bouquets, large flowers, flowering twigs and climbing intertwining plants. Less frequently met are geometrical ornaments or geometrical and plant designs combined. The similarity of certain motifs with embroidery design is striking.

The writer goes on to describe the processes of dyeing and printing of cotton fabric practised in the years 1868—79 in Siemianowice which still retained its old and primitive character, that is it consisted of direct printing of the cotton fabric. However the majority of cotton

printers in Upper Silesia had already adopted an improved technique, resembling that of batik.

The article is illustrated with 5 photographs and 21 reprints showing ornamental motifs of Silesian matrices.

THE LINEN DEALERS OF ORAVA

by Marian Gotkiewicz

The people of Upper Orava were traditionally engaged in linen production, which they used partly for the satisfaction of their own needs and partly for the payment of the dues which under feudalism they owed to the castle overlords, to whom they were compelled to give one ninth of their crop of flax and hemp. In the second half of the XVIIIth century certain Orava peasants were known to obtain marketable surpluses which they transported and sold in Hungary, under whose political rule they were at that time. During the reign of Maria Theresa there must have been quite a number of these linen dealers (called *plócienniki*), since a special patent guaranteed their right to pursue the linen trade.

The writer then describes the means of transport used by these linen dealers; at first they carried their goods on their backs, but later they began to use carts as a means of transport. About the middle of the XVIIIth century, when they succeeded in extending their markets over the entire territory of Hungary, they also bought linen over a much wider area, not only in Orava but also in the neighbouring Galician villages, and especially in the markets in Czarny Dunajec and Rabka. Having dyed and mangled the linen they sold it in more distant provinces of the country.

The collection of such large quantities of linen, its dyeing and processing, naturally required a large capital outlay which only certain dealers could mobilise. Under the circumstances, social and economic cleavages became inevitably more and more pronounced, dividing the richer linen dealers (called *gazda*) who were able to buy large stocks of goods from poorer dealers (*kupcy*). The latter had to accept a subordinate position in relation to the powerful *gazdas* and agree to the terms imposed on them, limiting their role to the distribution of goods which they took in smaller quantities to various local markets where the linen could be sold. But here the chain of exploitation did not end, for the *kupcy*, though they were themselves at the mercy of the powerful *gazdas*, became themselves exploiters, even perhaps more ruthless, of their subordinates, that is labourers

hired for a meagre payment, who either supplied their own transport or looked after carts and horses provided by somebody else, and who had also to perform various minor services. The latter were known as the *nagończy*.

Under such circumstances many a *kupiec* or *nagończy* lost his small savings and often his health, while only a few succeeded in gaining their economic independence. More often, after a few years of co-operation with the rich *gazdas*, they fell victim to their usury and returned to their original position of poor peasant. On the other hand, *gazdas*, as a rule, enriched themselves, adopting a new way of living which found its expression in better housing, a new style of dressing, and living which made them different from the rest of the villagers.

It should be added that most *gazdas* came from the Slovak part of Orava, whereas the Oravian villages inhabited by the Polish population supplied mainly the poorer dealers and their attendants.

In order to avoid competition the linen dealers from Orava divided Hungary into separate spheres of influence. Thus, for instance, the linen dealers from Bobrowa used to sell their linen in Bachka and in Slavonia, the dealers from Zubrohlava went with their goods to Transylvania, at that time known as Siebenbürgen, and the dealers from Osada to the country near Zagreb.

In the second half of the XIXth century the number of Orava linen dealers rose to 800. In 1884 they decided to found their own trade association, which engaged a certain number of weaving specialists from Bohemia who taught the people of Orava improved methods of linen making. A similar improvement in the methods of dyeing and mangling took place. In 1890 the Hungarian Government forbade all dealing in linen except by those who were professional merchants. This naturally undermined the existence of the old Orava *plócienniki* thus forcing the country for many years into a state of economic setback.

THE LINEN INDUSTRY AND TRADE IN CHOCHOŁÓW

by Marian Gotkiewicz

The writer describes the cottage linen industry and trade which existed into the XIXth century in the mountain village of Chochołów, situated in the foothills of the Western Tatras. The linen makers, called *knapowie*, produced on their cottage looms linen which they sold in the neighbouring markets, chiefly in Czarny Dunajec. A fairly large quantity of linen was sold in Hungary, or in the neighbouring

province of Orava, where it was dyed and processed. In return *knapowie*, known also as *plócienniki*, brought a number of articles from Orava (chiefly consumption goods such as leather, boots, some clothing, and earthenware pots) which they sold at a profit in their own and the neighbouring villages. Some produce, such as, for instance, eggs, bought in Orava from special women eggdealers (called *wojcarki*) were taken as far as Cracow. It is thus interesting to note how long and often complicated were these peasant trade routes, although as a rule their means of transport was very simple and limited.

INFORMATION ON PEASANT DRESS IN OLD TAILOR'S GUILD BOOKS

by Adam Glapa

The writer reports that when researching in the archives in connection with preparing a volume for the collection „Atlas of Peasant Costumes“ he came across a few old tailor's guild books from the XVIth to XVIIIth centuries which contained valuable information concerning the old peasant costumology and also threw light upon the factors influencing the peasant dress in former times. Among other data, the writer found in these books technical designs and details of the cut, explaining the manner of making tents and dress for different social groups. In addition to the drawings, usually the name of the drawn part of dress was given, information as to who was to wear it, the measurements of individual parts of dress, the quantity of material needed for it, the quality of material, and sometimes even the place where it was produced. Among the descriptions of the lay and liturgical dress, there were also usually appended at the end of the book drawings and data referring to peasant dress. This is shown in Figs. 1, 2, 3, and the following.

In the concluding part the writer expresses the opinion that greater attention should be paid to such historical sources, which so far have not been sufficiently perused, either in connection with the series „Atlas of Peasant Costumes“ or in general works on costumology.

ETHNOGRAPHIC ICONOGRAPHY

by Tadeusz Seweryn

This is the continuation of Polish iconographic material, published by the author in „Lud“, vols. 37, 38 and 39.

- P. 604 The master's supper, woodcut, 1567.
- P. 605 Under a green twig, woodcut, 1655.
- P. 606 Trap with two lids, etching, 1760.
- P. 607 Possessed by the devil, woodcut, 1693.
- P. 608 Tricorn ox, engraving, 1755.
- P. 609 Working on a farmstead, woodcut, 1655.
- P. 610 Letters written with Lord's own hand, etching, 1684.
- P. 611 Czumaki-peasants' carts, oil-painting, undated.
- P. 612 Twardowski's magical mirror, woodcut, 1871.
- P. 613 Centipede and bear's cub, woodcut, 1534.
- P. 614 Kirgis, woodcut, 1837.
- P. 615 Sea-spider (*Aranea marina*), woodcut, 1534.
- P. 616 Harvest wreath with cock, lithograph, 1841.
- P. 617 Mandrake and goddess, woodcut, 1575.
- P. 618 Dragon fighting a salamander, woodcut, 1575.
- P. 619 Peasant costume from 16th century, woodcut, 16th or beginning of 17th century
- P. 620 The peasant and the devil, lithograph, 1838.
- P. 621 Jumping through a bonfire called „sobótka“, woodcut, 1864.
- P. 622 Denudation (a form of penalty), woodcut, 1526.
- P. 623 Stratagem of the legendary Leszek, woodcut, 1564.

WHEN DID THE HORIZONTAL LOOM APPEAR IN POLAND?

by Józef Kostrzewski

Archeological findings on Polish territory reveal a fairly large number of clay weights of pyramidal or conical shape with a little hole in the top part, which are generally regarded as weights for the warp threads of the vertically framed loom. Contrary to the view of Kimakowicz-Winnicki (Note 4) who regards these weights merely as a device for undoing threads from the spindle, placed, according to him, in the holes of the above mentioned weights, the present writer maintains that in the great majority of cases, and especially when these weights appear in groups and are possibly arranged in two rows, their essential function was that of weaving weights. It is further pointed out that the writer cited above is mistaken (Note 6) in maintaining that looms with weights are not known to primitive peoples or to civilised races for they were not long ago still in use in Scandinavia (Notes 7 and 8) and in Iceland. On the Polish territory similar clay weights had been known from the neolithic times up to the Vth century A. D. (Notes 9—26). but in the following centuries they were not found on our territory, although

they still occurred in the early Middle Ages among Western and Eastern Slavs (Notes 40 and 41). It should however be added that they were at that time still in use on Germanic territories as, for instance, in Western Germany (Notes 31, 32) and North Western Germany (Notes 33, 34), in Denmark (Notes 35, 36), in Norway (Note 37) and the British Isles (Note 38). We do not know, of course, whether such early going out of use of the loom weights in Poland coincided with the adoption of horizontally framed looms. The available linguistic data, that is the names of the parts of the horizontal loom, which are common to Western, Eastern, and Southern Slavs, would rather indicate that this type of loom had been very early among the Slavs, in fact at a time before they split and left their original place of habitation, that is somewhere before the IVth or Vth century A. D. The oldest archeological evidence testifying to the existence of horizontal looms from the territory of Poland dates from the XIIth century A. D. and comes from the excavations at Gdańsk and Opole. From other European countries we possess only iconographic data, confirming the knowledge of horizontally arranged looms beginning from the early XIVth century (Notes 48—51). As a further proof of the use of vertical looms in Poland, possibly equipped with two warp beams (hence not requiring the weights), might be regarded the fact that wooden weaving swords were discovered in Gdańsk and Niestronno in uncovered settlements dating from the Xth to the XIIth century.

THE GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION OF VERTICAL AND HORIZONTAL LOOMS

by Tadeusz Wróblewski

The view prevailing among archeologists and ethnographers is that the vertically mounted looms are of much greater antiquity on the European cultural area than the horizontal looms. In support of this view such archeological findings are quoted as clay weights which are used to keep the thread of the warp drawn as well as the so-called weaving swords. Also certain iconographical data are interpreted in such a way as to support the above hypothesis. Lately it found its way into recent research in material culture of the ancient Slavs, namely in an attempt at a more precise determination of the period in which horizontal looms appeared in our territory.

The world ethnographical material does not seem to confirm this hypothesis without any qualification. Many backward peoples still use

for weaving horizontal looms which are hung without any framework or, for the most part, with somewhat provisionally constructed frames. These looms are of very simple construction with any destruction resisting elements, such as clay weights, being markedly absent. Also weaving swords are used in the looms of this type, similarly as in the horizontal looms. Moreover, the horizontal looms are more efficient as far as work is concerned and are more easily adapted to any improvement.

In the world perspective, horizontal looms are more frequent and widespread than the vertical ones, a fact which can be easily seen from the mapping out of their respective distribution areas. The apparently peripheral occurrence of vertical looms in the above cartogram seems to be rather connected with economic and cultural characteristics prevailing in the areas in question.

On the other hand, any attempt at interpretation of the above fact as representing a wider phenomenon according to which archaic cultural traits tend to maintain themselves longer in cultural peripheries than in the central areas, should be treated with great caution. Moreover, the cartographic representation of the occurrence of the two types of loom within the world perspective show that the vertical looms occur in a much more scattered manner.

The examination of the ethnographical material makes the assumption plausible that vertical looms have been used for special purposes such as the making of tapestry, kilims, blankets, and so on, in other words, in the case of woven fabric with a variegated pattern. It should also be added that the size of the woven fabric, its thickness, as well as the quality of the yarn from which a given type of textile is made, have also to be taken into account.

However, the origin and the diffusion of Indian vertical cotton looms still remains an open question. There is evidence that testifies to their great antiquity.

The specialisation in the employment of looms appears to reach back to the distant past. As early as 2000 B. C. the textile industry developed in Egypt which used horizontally mounted looms, though the vertical looms were also known. Evidence is lacking whether horizontal looms were used in ancient Greece. The paintings on Greek vases, representing women engaged in weaving with vertical looms may refer to the making of decorative tapestry. The interpretation of the classical and mediaeval econographic material in this respect has been onesided and uncertain.

Practical experience as well as the study of the place of weaving and the function of looms in the cultures of agricultural tribes convince us that horizontal looms were a much more efficient tool and better

satisfied the quickly rising needs for textiles. This would provide the explanation for their rapid spread as well as the relatively high level of constructional advancement. Can these facts be regarded as a sufficient proof of the greater antiquity of the horizontal loom? Hardly so. Equally we have no evidence to prove the greater antiquity of the vertical loom, not even on European territory. Moreover, the tablet loom and the weaver's board, the uses of which on our territory are confirmed by archeology, imply the horizontal stretching of the yarn of the warp, therefore a process associated with vertical looms.

Hence, the writer's conclusion is that the theory of the greater antiquity of the vertical loom cannot be maintained as certain in the light of the existing ethnographical material.

TRADITIONS OF THE OPEN HEARTH IN PEASANT BUILDING IN SOUTHERN POLAND

by Roman Reinfuss

On the basis of archeological data one can conclude that a stove replacing an open hearth in the peasant cottage appeared in Polish territory as late as the XIth or even perhaps in the XIIth century.

The disappearance of the open hearth took place, above all, in permanently inhabited dwellings, since in the shepherds' chalets in the mountains, used for a part of the year only, open fireplaces are common today.

In the territories, bordering with Poland from the North, East, and South, even in the present century, cottages could be found which, though permanently inhabited, had inside open fireplaces laid on the floor (Lithuania, Latvia, White Russia, Northern Slovakia). In Poland such a hearth was recorded only once in one mountain village situated in the vicinity of Myślenice.

However, field studies conducted in Poland at the end of the inter-war period and also investigations carried out after the war showed the tradition of the existence of living-rooms with open hearths in peasant cottages on the territories of Southern Poland and for that matter over a fairly large geographical area. Memories of such fires in living quarters were recorded in the vicinity of the towns of Staszów, Bochnia, Tarnów, Dąbrowa Tarnowska, Brzesko, Myślenice, and Tarnobrzeg.

Thus, the information collected in the field indicates that as late as the end of the last century these very primitive firemaking arrangements existed in the territory of Southern Poland, representing,

as far as the level of development is concerned, an early mediæval stage of cultural advancement.

Stories told by the oldest informants indicate that there were two different types of open hearth. The first consisted of a hearth made of stones, joined together by means of clay, which were laid on the level of the floor, while the second type, which was less common, consisted of hearths elevated some 0,5 m above floor level and built round on the outside with wood. Both types of open fire were usually placed in the middle of the living room, and less frequently in a corner of the room.

Towards the end of the XIXth century huts with open fires, replacing stoves, were very rare and could only be found among the poorest section of the population.

TRADITIONAL FOOD OF THE PODHALE PEOPLE

by Wanda Jostowa

The article discusses the diet of the Podhale people in the second half of the XIXth century, that is in the period of early capitalism in that part of Poland, taking into account also the rôle of Podhale as a holiday district and region of tourist traffic. On the basis of his own interviews as well as available literature, the writer describes the traditional diet of the Podhale people. The diet described had at that time a simple, somewhat archaic character in comparison with other provinces of Poland. This the writer associates with the stage of economic development, when the peasants had just started producing for the market and when their farming was still to a large extent self-sufficient, both with regard to agricultural and animal production, and could not satisfy their growing needs. Taking the edible produce as his starting point, oats, barley, potatoes, cabbage, turnips, dairy produce, lard, and seldom eaten meat, the writer stresses the preponderance of foods of plant origin in the peasant diet.

It is pointed out that the Podhale diet, though monotonous and subject to little seasonal variations as well as very simple in the manner of preparation, reflected nevertheless the social differences in the village life. The insufficiency of foodstuffs, produced on largely self-supporting peasant farms, was expressed in „hungry months“ before harvest and other seasonal shortages during which the population returned to the traditional practice of food collection.

The article is a general survey of the problem, with the main stress laid on the utilization of edible produce.

SURNAMES OF THE SZCZAWNICA HIGHLANDERS

by Krystyna Tokarz

The surnames collected come from the territory of Upper Szczawnica, Lower Szczawnica and from the mountains lying in the vicinity. Surnames are very common in the Szczawnica region. They became necessary at that moment when the oldest local families, such as the Węglarze, Wierciochy, Ciesieliki, Zachwieje, Malinowscy, and Mastalscy had grown and expanded laterally to such an extent that an additional element of identification had to be adopted. The Szczawnica surnames are characterised by a great variety, both lexical and genetic. Among them, taking as a basis their origin, the following groups can be distinguished:

1. surnames derived from personal names,
2. surnames derived from family names,
3. surnames derived from the name of the house (certain houses in Szczawnica have little boards with paintings and names on them),
4. surnames noted by occupation,
5. surnames stressing a certain characteristic feature of man,
6. surnames noted by situation,
7. topographical surnames.

A list of surnames has been given in the paper. It is arranged alphabetically according to official names, with its second criterion being the surname, and, where information was available, providing also the explanation of its origin.

THE MEETING GROUND OF THE NATURALIST AND THE ETHNOGRAPHER

1. Symbiotic hunting by wild birds of prey and man
2. The employment of tools by animals.

by Kazimierz Moszyński

1.

In 1927 a Serbian ethnographer, St. Tarnović, reported a very interesting case of hunting by men in co-operation with birds which he observed in his home country in the vicinity of the settlement Gjevgjeli on the lower course of the river Wardar. It referred to the method of catching small birds by the local shepherd boys which they did in co-operation with wild birds of prey, called there *re lo* (probably the sparrow-hawk *Accipiter nisus*). The hunting was carried out in this

way: as soon as the boys spotted the *re lo* they called him by uttering certain special sounds, and when it came and started circling over the scrub they entered it, killing small birds which they found there and which were scared to fly away with the hawk overhead. But also the hawk took a share in the spoil, since ultimately a few small birds would be forced to fly up and one of them at least would be caught by the hawk, despite the presence of people armed with sticks.

What makes the case and the interpretation, as given above, particularly interesting is that similar combined hunting with wild birds of prey and, what is more, taking place in the same regions, had been already reported as a local curiosity by classical writers such as Aristotle, Philo, and Pliny. Presumably such a co-operation between wild birds of prey and human beings started at the moment when the birds discovered that when accompanying the human beings hunting small birds and scaring them away out of the bushes they could also get their share of the food. The thus acquired experience was then transferred from generation to generation by the sheer process of imitation. On the other hand it is not quite clear and yet very significant why this symbiotic hunting existed in antiquity and is practised today only on a small section of the Balkan Peninsula, that is only in the country situated north to the Chalcidice peninsula.

2.

The cases known so far of a spontaneous acquisition of the use of tools (in the broadest sense of the word) by animals are, except in the case of the primates, very scanty. They extend only to the most developed Arthropoda: Hymenoptera, such as *Ammophila urnaria*, *Ammophila Heydeni*, *Oecophylla smaragdina*, the most developed vertebrates (birds: *Camarhynchus pallidus* and probably *Haliaetus vocifer*), and mammals (various species of the ape). All the cases of the employment of tools described in the paper can be divided (except that of the ant *Oecophylla*) into the following classes:

1. striking with a heavy object resembling the action of beating or crushing,
2. hitting or beating with a stick,
3. scratching the soil with a stick,
4. frightening (or perhaps pricking) with a thorn or a twig,
5. hooking by means of various objects,
7. throwing objects.

A great variety of actions indeed, especially when we consider the relatively small number of cases. It is due, above all, to the monkeys who take the lion's share.

Here is another way of grouping our material, taking different criteria as a basis of our classification:

1. A primitive support of one's own body by means of a tool (the employment of a stone by wasps of the genus *Ammophila* could also be interpreted as a primitive substitution of a part of one's own body with a tool, since these wasps beat the ground or the sand, doing it also with their own heads).

2. primitive extension of an organ of a body (beak or paw) by means of a tool.

3. primitive working by means of a tool over larger distances by a) simply dropping it from above, b) by throwing it.

Some of these attainments have been undoubtedly due to certain more elementary habits. Then, as was already mentioned, the wasps of the *Ammophila* genus beat the sand or the soil also with their heads. The eagles described by Monfreid (most likely *Haliaeetus vocifer*) which drop stones on men who are approaching their nests also crush the molluscs on which they feed by dropping them from rocks and so on.

It is worth remembering that not only human tools find their simple counterparts in the animal world but also various instruments, artefacts and building constructions made and used by men. These are well known cases, so it is enough to mention, in the way of example, the variegated cobwebs spun by spiders, beavers' constructions and so on.

Finally, a point worth stressing: just as the employment of a tool by an animal may be co-extensive with the use of a part of its body (the wasps of the *Ammophila* genus beating sand or soil with a stone held between the jaws or with their heads), so also the use of some other „external“ construction of an animal may co-exist with the analogous use of a part of its body. Thus, for instance, certain spiders (for example *Neuresia meridionalis*), construct a separate door with which they close their ground holes, while others (like *Cyclosomia truncata*) use as door a part of their abdomen which has been correspondingly shaped for the purpose.

THE IRON HOE IN PODLASIE — THE DISCOVERY OF A NEW PLOUGHING IMPLEMENT

by P. Burchard and L. Dzięgiel

The writers, while members of the Ethnographic Expedition organised by the State Institute of Art and led by Dr. R. Reinfuss which conducted field studies in Western Podlasie in the summer of 1952,

discovered a new, previously not recorded ploughing implement — the iron hoe.

Two basic types of this hoe were found to be in existence. The older type (Figs. 1, 2, 3) which differed from the more modern type (Figs. 5, 6, 7) in that its metal shape (frog) (a) and handles (b) formed one whole. Moreover, the regulator of the depth of furrow (Fig. 4) is placed in the new type horizontally, and the so-called „sheet-iron“ (Fig. 7, 1) has been added here in order to prevent the sliding of the soil during ploughing. It was found that individual specimens of this hoe, produced in various localities by two generations, differ in some minor constructional details.

The area over which these iron hoes have been intensively used has sandy soils, and has many wet, marshy spots. In certain respects the iron hoes are preferable to the factory made ploughs which have been known here for some time. Thus they offer less resistance in ploughing, and attain better speed, estimated to be 1½ times greater than that of the ordinary plough, and also they break up and pulverise the soil more adequately. They are unrivalled in ploughing soil infested with couch grass or virgin land, and are handy in keeping the furrow straight. It should be added that the above evaluation is not the outcome of the conservative outlook of its users, since modern farm implements have been known for some time on that area.

Historically speaking, the territory of the origin and use of the iron hoe is contained within the former compact area of occurrence of the old wooden hoe which went out of use shortly before the 1914—1918 war. Modern ploughs, scanty at first, and made only partially of iron, began to appear in the last decades of the XIXth century.

It is thus probable that the iron hoe originated by the crossing of the old wooden hoe with the early blacksmith's iron plough, though nothing is known about the circumstances of this development. It seems that the ploughs with cut mouldboard, known from the Kurpie territory and East Prussia, had no influence upon the development of the iron hoe. Also it is quite certain that the so-called Foltyn's mouldboard (Fig. 10) did not have any effect in this respect, which in fact was constructed in the period between the two world wars.

The writers were able to discover that the first iron hoes had appeared prior to 1900, most likely in the village of Sadowne and its closest neighbourhood. The local German blacksmith colonists were regarded for some time as being the most skilled makers of them, though the Polish blacksmiths were said to make them too. Their diffusion was associated with the migrations of the blacksmiths who moved to new places, but they were also spread by the apprentices

who learned to make the hoes with their original producers, and afterwards opened their own workshops in new localities.

Thus the process of the expansion of the iron hoe was relatively slow, in fact, it is still taking place, especially over the territories where the particular soil conditions and the necessity of ploughing wet soil make its employment almost indispensable. The iron hoes were found to be in use not so much with the richest peasants but mostly with those who were the keenest agriculturalists. Cases are also on record that the owners of ordinary iron ploughs asked the local blacksmith to remake them into iron hoes.

It was thus seen that the local producers combined here all the best features of the old wooden hoe with the new constructional elements of the factory made tool. It is to be hoped that these popular experiences, obtained locally, will become, after due technical studies and trials, of some avail in the factory production of this new farm implement.

HOW TO ARRANGE FOLK-POETRY FOR PUBLICATION

(Suggestions for fixing the spelling)

by Zenon Sobierajski

Folklore material, such as folk-songs and poetry, legends, tales, and various stories connected with the countryside should be published in their original country language. It would be impossible to speak about the authentic country language unless due attention had been given to its phonological features, since it is the pronunciation that most strikes all those who are accustomed to the standard Polish. It is, however, difficult to achieve this by using only the letters of the general alphabet, as in several dialects there are sounds which do not appear in the literary language and therefore there is no letter for them in the alphabet. This is chiefly the case of nasal vowels, that is nasal *a*, *u*, *y*, *i*, which do not occur in the literary Polish which only has nasal *o*, written *o*, and nasal *e*, written *e*.

In fixing the principles of an adjusted phonetic spelling for wider use, the following general guiding principles should be observed:

1. The consideration of living phonological tendencies of the Polish language,
2. The possibility of application of such a transcription to all Polish dialects,
3. The preservation of the continuity with the tradition of Polish spelling,

4. The popularisation of the folk-language among the widest masses of readers.

Thus the postulate stated under 1. was, for example, taken into account by choosing a small *“* to denote the labial element present in the pronunciation of vowels, as, for instance, in the words *“oko*, (eye) *“ucho*, (ear), *pto“k* (bird). For the spelling *łoko*, *łucho*, *ptółk*, it is argued, would be impractical since in the standard and somewhat elaborate stage-pronunciation *ł* is pronounced as a front dental consonant. Further reason why the letter *ł* should not be used to denote a labial sound is contained in 2., since the spelling *łoko*, *łucho*, *ptółk* could only be applied in those dialects where the front dental *ł* does not occur.

The postulate expressed under 3., which referred to the preservation of the traditional link with the older Polish spelling habit, led the writer to adopt special diacritical marks *q*, *u*, *i*, *y* to express nasalisation of the vowels in question. Under the circumstances the introduction of letter combinations consisting of an open vowel + nasal consonant as, e. g. *a* + *n* (*kans* = *kęs* (a bite, morsel)), *u* + *n* *gunska* = *gaska* (little goose) would disagree with Polish spelling habits which since the XIVth century uses special orthographic symbols to denote nasalisation.

The fourth principle, postulating the widest possible popularisation of folklore among the masses, is realised in adopting the simplest possible system of phonetic transcription, even at the expense of certain phonological subtleties. It follows, therefore, that the spelling of the literary Polish, however phonetically imperfect, should be adopted in all those cases when the popular pronunciation does not substantially differ from that of the standard Polish. Thus, for example, we should write *dąb*, *dębu*, though we all pronounce *domp*, *dembu*, or again *trzeba*, *babka*, etc. though we pronounce them equally in standard Polish as in dialect *tszeba*, *bapka*, and so forth. Folk literature should be simple and comprehensible to all. It should not be too elaborate in stressing the articulation habit peculiar to a given regional dialect, in order not to discourage the general reader who is, after all, accustomed to standard literary spelling.

The article „How to arrange folk-poetry for publication“ represents the first attempt of its kind in Poland and suggests a new method of the introduction of such a compromised phonetic spelling which could embrace all dialectic varieties. It is meant not so much for professional linguists, but, above all, for students of ethnography, folklore, and musicology, that is all those who are interested in collecting folk art and literature, and also it may become useful for professional writers.

INDEXING INSTRUCTIONS FOR PERIODICALS AND MORE IMPORTANT ETHNOGRAPHIC WORKS

by Józef Gajek

The Polish Ethnographical Society, initiating investigations concerning the Polish Ethnographical Atlas and regional monographs which are in some measure intended to be a modern reedition of Oskar Kolberg's works, has to face a lot of difficulties in gathering systematically the scattered data concerning folk culture. Because of the very imperfect ethnographic bibliographies and the lack of indexes in ethnographic, topographic and regional periodicals containing ethnographical materials, there arise numerous difficulties in giving a synthetic elaboration of Polish Ethnography. This gap is partly filled out by J. Karłowicz's Dictionary of Polish Provincialisms, but it is far from being sufficient for the purpose of Ethnography, as it does not contain the recent literature but only lexical material, i. e. strictly expressional words, and it takes no care of those facts which have no lexical cover.

Taking this situation into account, the Polish Ethnographical Society began indexing periodicals and more important ethnographic works, the list of which is to be found in Chapter III. The performance of this action being an introductory work for the preparation of an Encyclopedia of Polish Folk Culture.

Several centres have been charged with the task of preparing the index, which makes us fear that the work will be done in different ways according to the conviction and understanding of the respective authors. These divergences may be partly, avoided by:

1-a common frame-work instruction,

2-a choice of suitable persons as officially responsible authors of the index.

The instruction contains the following chapters: Chapter I. Introduction. Chapter II. Organisation principles of indexing. Chapter III. Scheme of the index. Chapter IV. Introductory works for index — first phase. Chapter V. Second phase — arrangement of material. Chapter VI. Third phase — the composing of collective cards. Chapter VII. Synthetic words and their list. Chapter VIII. Organisation of the ethnographic part of the index. Chapter IX. Index of names. Chapter X. Index of authors. Chapter XI. Index of periodicals. Chapter XII. List of scientific institutions. Chapter XIII. List of illustrations. Chapter XIV. List of the most important periodicals and ethnographic works destined to be indexed. Chapter XV. Abbreviations of names, periodicals and scientific institutions.

THE MONOGRAPHS OF PEASANT COSTUME — SOME POINTS OF THEORY AND METHOD.

by Józef Gajek

With the experience gained after the publication of the first six volumes of *Monographs of Peasant Costume in Poland (Atlas Strojów Ludowych)* the writer, who is the editor-in-chief of the series, summarises briefly past achievements and also points out the inadequacies and shortcomings of the already published monographs. He urges the necessity of broadening the so far accepted plan of such a monograph, by showing in greater detail what was specific in a peasant costume, what made it different from similar costumes of the neighbouring groups, both in the past and, where the peasant dress is still in use, at present. He also urges the paying of greater attention to the social side of the dress, by pushing the investigations in the field to the type of dress and the occasion on which it was worn (festive dress, ceremonial, representative, work dress, seasonal, etc.). It is necessary to include to a greater degree than was done by most writers the social background of the community where the dress was in use, stressing the social stratification and the class aspects of the costume worn by various groups within a village. Such an analysis must always be historical which is a condition *sine qua* of any truly scientific analysis.

THE TASKS OF ETHNOGRAPHICAL ATLAS

by Gerard Labuda

In connection with the preparation of the Polish Ethnographical Atlas a discussion was recently started the aim of which was to review the basic epistemological and methodological objectives of such a publication. The article is the writer's contribution to it (he refers in particular to the papers of J. Gajek and M. Frankowska), in which he raises some methodological questions resulting from the application of the geographical (cartographic) method to social history in general and the history of material culture in particular.

The geographical method was for the first time introduced to ethnography by F. Ratzel. But Ratzel went no further than to establish spatial relations between ethnographic facts distributed over wide territories and to specify these facts from wider territorial complexes against the background of larger territorial units. It was left to W. Pessler, and A. Hettner to make the important step forward of urging that every phenomenon should be not only examined spa-

tially, but also in close connection with its geophysical setting. As Pessler put it, „no distribution is possible without being strongly affected by the earth on which it takes place“. And this relationship Pessler viewed deterministically.

In examining critically Pessler's view the writer stresses that the spatial character is one of the geographical features but by no means an essential one. For, as he argues, a spatial distribution of a phenomenon does not necessarily mean the fixing of its connection with a geophysical or sociogeographical setting. Hence it is necessary to distinguish the cartographic method from the geographical method. The first places facts in space, the second, in addition, also points out and interprets their connection with the geographical environment.

Passing now to the discussion of the ethnographical atlas, the writer stresses that the methods used in a standard geographical atlas, that is the mere application of the cartographic method, would not be sufficient for the examination of ethnographic facts, since a mere spatial distribution of data does not provide a wide enough basis for a further interpretation. It would, as he puts it, place the process of scientific analysis in mid-air before it could reach the final point of scientific synthesis, which in this case consists of a causal and dialectical explanation of every ethnographic fact against the full process of social development. Also the geographical method, which seeks to establish relations between ethnographic facts and the geographical environment, cannot be nowadays regarded as sufficient. It must be supported by the postulate that ethnographic facts should be at the same time treated historically. With reference to the ethnographic atlas this method can be described as *historico-geographical*. This method, if realised, will supply the student with material necessary for the interpretation of the ethnographic facts against the background of the full social process. In the following parts of his work the writer elaborates the general principles on which the ethnographical atlas should be based.

Ethnography, according to the writer, does not embrace the entirety of human life. In order to examine in a correct way the origin, development and decay of any ethnographic fact it must draw information from other sciences of society and its material culture. Had it been the aim of an ethnographical atlas to develop a full documental basis in line with the above scheme of research, such an atlas would have to include other aspects such as the geographical setting, technology, production, demography, transport and communication, and trade. Moreover, it would have also to include a number of most important social and political facts (such as the origin and development

of property, political frontiers) as well as cultural and spiritual entities. The realisation of such a concept of an ethnographical atlas would neither be practical nor possible. Hence the necessity of a narrower conception of an atlas which would aim at securing a closer co-operation between the linguists and geographers and various specialists of the historical sciences. Finally, the writer urges that it is necessary to evolve as quickly as possible a conception of an atlas acceptable to the representatives of the above mentioned scientific disciplines.

THE USE OF QUESTIONNAIRES IN SWEDISH ETHNOGRAPHY

by Alfred Zaręba

The article discusses the methods of collecting ethnographic material in Sweden by means of questionnaires despatched to amateur investigators recruited from the local country population. Nowadays this method is widely applied by the Folk Culture Archives, attached to certain museums (*Nordiska Museet* in Stockholm) and to the principal universities (Lund, Uppsala, Göteborg).

Such methods of collecting material have been long established in Sweden and have their history¹. First attempts of obtaining information directly from people had already been made in the XVth century and they were henceforward gradually extended and perfected. For some time they gave no satisfactory results owing to the lack of adequately compiled questionnaires (at first general proclamations to the population were used). But even after the first proper questionnaires had been invented and applied by Lefrén in the beginning of the XIXth century, by Mannhardt in the second half of the XIXth century, and by Hammarstedt in the early XXth century) no satisfactory results were obtained. This, as is now known, was primarily due to the application of a wrong system of addressing the intermediary groups (such as the clergy, state administrators, teachers) instead of the people direct. This mistake was corrected towards the end of the XIXth century when direct contacts were established with the local population, and among them, with the amateur ethnographers in the first place, which made the results obtained much more satisfactory.

Since the beginning of the XXth century the methods of this work became more precise and its organization was greatly improved. The

¹ Described by M. Rehnberg. *Forskarna bland folket*, Fataburen, 1947, Stockholm.

work is now conducted centrally covering the whole territory of Sweden by the Archives attached to the *Nordiska Museet* along the following three main lines:

1. The compilation of easy, clearly arranged and not overburdened questionnaires (here the important methodological principle is the division of large problems or groups of problems into several separate questionnaires instead of putting them into one bulky questionnaire and the proper balancing of problems by splitting them into main and subsidiary questions, the latter being always of a more concrete character).

2. The proper selection of permanent informants, of which there are at present over 400 all over the country, representing various occupations (the largest group being agriculturalists), and age groups (from roughly 30 to 85 and over).

3. The maintenance of close contact between the popular investigators by providing them regularly with questionnaires, paying honoraria, arranging meetings and short training courses in the capital, and forwarding to them regularly monthly bulletins containing summaries of the latest results of ethnographic investigations (*Meddelanden från Etnologiska undersköningen*), and also containing news and reports on current events, activities of the Nordic Museum, and also including practical advice as to how to collect and take down the data in the field.

Independently of the action of collecting ethnographic materials by means of regular correspondents, as described above, the Nordic Museum also conducts research on a mass scale by arranging popular prize contests through the medium of the radio. In one of these prize contests which referred to children's games and toys, some 1500 children from all over the territory of Sweden participated.

The action of collecting ethnographic material by questionnaires sent away into the field, if well organised and systematically carried out, can yield very good results; it is estimated that the materials so far collected by the Stockholm Archives amount to over a million pages of descriptions, several thousands of drawings, and some three hundred thousand photographs, constituting the largest ethnographic collection of its kind in Europe.

Other Swedish archives (local archives in Lund, Upsala, Göteborg) conduct similar investigations and also report good results.

The collection of ethnographic material by correspondence is also carried out in other Scandinavian countries, in Denmark, Norway, and Finland.

II. REVIEWS AND REPORTS

(For the List of Book and Articles reviewed in this Volume see Polish Contents p. 2)

III. MUSEUMS

ACHIEVEMENTS OF SOVIET MUSEOLOGY

by Maria Frankowska

In the opening part of the paper the writer discusses the basic assumptions of Soviet museology. She stresses in particular the fundamental problem of the museum, the Marxist type of exhibition, its character, and peculiarities. By specially organised exhibitions, proper exposition of their exhibits, and their correct interpretation, Soviet museums meet the most topical problems and social requirements, sharing in the great work of building socialism in the country.

Next the writer discusses the history of the main ethnographical museums in the U. S. S. R., which have their centre in Leningrad — the Miklucho-Maklay Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences USSR, and the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR.

Special attention has been paid to the changes and transformation resulting from the Great October Revolution. This was expressed in the complete reshuffling of the collections, reorganisation of the museum departments, a tendency towards frequent opening of temporary exhibitions concerned with special questions, as well as in the creation of wider service of educational work for the masses and in the adopting of new lines of truly scientific research. In discussing these questions the writer shows how these new progressive aims and methods of work have gone hand in hand with the reorganisation and new objectives of Soviet Ethnography after the October Revolution.

The assumptions and achievements of Soviet Ethnography have always found their reflection in the theoretical formulations of the

leading Soviet museologists and ethnographers, such as, above all, E. Nilshteyn and L. Potapov, as well as in the museum practice. Thus, during various ethnographic conferences much attention was paid to museum problems, especially to their new role in a socialist community. In these two main postulates of modern Soviet ethnography clearly emerged: the necessity of placing full stress not so much on relict forms but on the study of present day cultural realities and the life of the contemporary village: and in the second place, the adopting of a new approach to the question of colonial peoples.

This new attitude, as far the museums are concerned, should find its expression in the correct interpretation of contemporary realities of the culture of a given people and their emancipatory movements, and not only indulge in primitivism. In this, it is urged, the Soviet museologists must follow the theoretical framework of the classical Marxist and Leninist works, and especially those of Stalin. In this they should find ideological guiding principles determining the manner of exposition.

Ethnography, according to the Soviet scholars, studies specific traits of the life of every people, and in particular those traits which distinguish one people from another and which, in Stalin's words, form „a contribution which every nation brings into the treasury of world culture, in this way completing and enriching that world culture“.

In line with the principle stated above the task of ethnographic exposition is to picture a culture and a mode of life of a given people, stressing its truly national characteristics which distinguish it from other peoples. And this must always be done within a full historical context.

Another principle generally observed in the Soviet ethnographic museography is, when dealing with the peoples inhabiting the territories of the USSR, to draw the line between their status in pre-revolutionary time and their present-day position of a socialist community, on the way toward a higher stage, that of communism.

It is also a rule strictly observed by the Soviet museography to stress class differences obtaining among the peoples inhabiting the pre-Revolution Russian Empire. This is achieved by a corresponding class determination of the exhibits as well as by properly selected textual and illustrative material.

The writer also draws attention to the importance of ethnographic exhibition in geographical and regional museums of which there are a good number in the USSR. Here the work of the museum represents

one of the methods of conducting extra-mural education for the masses — a line along which much is being done in the Soviet Union.

The article closes with a brief survey of the principal methods and media of achieving the above objectives. In this connection, some expositions have been discussed in greater detail, in particular those organised by the two leading Soviet ethnographic museums, such as the exhibition „Life and culture of the Ossetic peoples“, „The peoples of Northern Caucasus“, „The Volga peoples“, as well as the exhibition picturing the life of the peoples of the North — the Nence and Evenka peoples, organised by the State Museum of Ethnography of the Peoples of USSR.

Among the exhibitions organised by the Museum of Anthropology and Ethnography, the writer described somewhat more closely two expositions, „Life and culture of the peoples of India“, and the exhibition „Indonesia“.

SCANDINAVIAN MUSEUMS

by Alfred Zareba

The article, which deals with certain aspects of Scandinavian museums, has been divided into three parts. In Part 1. the writer discusses ethnographic museums, archives, general museums, and open-air museums; in Part 2. the problems of exhibition and popularisation of the collections; and in Part 3. the organisation of the Scandinavian museums.

1. It should be stressed that the archives and the scientific institutes attached to universities or museums collect material (not exhibits) referring to material culture and folklore. In this certain specialisation obtains, whether on a regional basis or on that of a special problem (for example, the *Folkliksarkivet* in Lund is preoccupied with the study of the material culture of Southern Sweden, *Folkminnesarkivet* in Goteborg of other than material aspects of the culture of South-western Sweden). The scope of specialisation and fields of research are centrally co-ordinated by all institutes. Research covering the entire territory of Sweden is conducted by the Archives attached to the *Nordiska Museet* in Stockholm. The material is collected either by research workers associated with the above Archives or by part-time workers interested in that field of research who are however given a special training by the Institute for this task. The

organisation of scientific research in the remaining Scandinavian countries is similar (e. g. *Norsk Etnologisk Gransking* in Oslo).

The Scandinavian countries have a great number of museums of various types, most of which were founded at the end of the XIXth and the beginning of the XXth centuries, with the avowed object of the preservation of folk-culture threatened by the progress of industrialisation. This action was conducted by various associations grouping all those who were attached to indigenous folk-culture and spiritual and moral values derived from it (e. g. the pan-Swedish *Hembygdsförening* which began to establish regional museums all over the country (today Sweden possesses 800 such museums).

Scandinavia is also the cradle of open-air museums (Swedish *friluftsmuseum*, Danish and Norwegian *frilandsmuseet*) which have originated here. The first large scale museum of this type was Skansen, forming a part of the *Nordiska Museet* in Stockholm. It was founded by A. Haselius in 1891. In order to provide a true illustration of folk-culture Haselius gradually collected objects from all over Sweden at Skansen. The buildings thus grouped at *Skansen* and in other museums of this type, e. g. in the North Swedish *Kulturen* (Lund), at Sorgenfri, near Copenhagen, or at Bygdy, in the vicinity of Oslo, are in most cases authentic objects, brought, together with their original interiors, often from remote parts of the country, to the museum grounds. Only a small proportion of the exhibits are reconstructions or replicas. Smaller regional museums have sometimes in their grounds original objects which have always stood on the spot (as, for instance, in the *Kulturen*, Lund). Scandinavian open-air museums are not only limited to the countryside and its culture, but often their exhibits depict the culture of the towns. Thus *Skansen* and the *Kulturen* have over their area special sections devoted to urban civilisation, while in Aarhus in Denmark there is a special town museum (*Den gamle By*).

One of the most important problems of the open-air museums is the preservation of the authentic, natural character of their exhibits, as well as their conservation. The principle obtains that the objects transferred to the museum grounds should not be reconstructed, and that all the natural and topographical characteristics should be preserved. When certain reconstruction works are necessary, special attention is paid so that the right material should be used and the authentic character of the exhibit not spoiled. The effect of naturalness is obtained by the grouping together of objects from the same regions, by the separation of the exhibited buildings with trees, by choosing the right plants and vegetation. The realistic character

of an open-air museum is further enhanced by the introduction of people, for instance the rural or urban craftsmen in local costumes who at their workshops produce objects of peasant art and craft. Also in the museum grounds various theatricals, shows, and folk dance festivals are organised as well as recitals of folk music, certain fêtes, such as e. g. one *midsommar*, Midsummer night on June 24th, are celebrated.

The principle of conservation is that buildings forming the exhibits, after previously being safeguarded against possible destruction by bark beetles and mould, are placed on raised foundations made of concrete while the maintenance of interiors consists in keeping even temperatures and other conserving practices.

2. The educational and popularisation work of the Scandinavian museums consists not only in securing the widest access to the museum treasures, by drafting informative yet clearly written captions and explanatory notes by experts, of organising scientific lectures by the museum staffs, but also in regular co-operation with schools. Larger Scandinavian museums have teachers on their staff who conduct regular classes for school children in the museums which are a regular feature of school curricula.

But the educational activities of museums are not limited to young people of school age. Interest in the exhibits, especially ethnographical, is also roused by systematic encouragement of village arts and crafts, as well as by means of the museum extension work among wider sections of the adult community. Here, an important factor is the general attractiveness of museums, especially of the Skansen type, which on the whole are well frequented.

3. Scandinavian museums are either private institutions (i. e. belonging to various voluntary societies), or are communally owned, or else they are institutions run by the State.

The museum workers of individual Scandinavian countries are associated in professional organisations of museum workers, which are separate in individual Scandinavian countries. Since 1913, however, a pan-Scandinavian Association of Museum Workers (*Skandinaviska Museiförbundet*) has been in existence, which groups Swedish, Danish, Norwegian, Icelandic and Finnish museum workers. The Association organises regular meetings of the delegates of each country, fixes programmes of action, publication of scientific papers, arrangement of the exhibitions and the like. It runs its own periodical *Nordens Museer* which gives a brief chronicle of the activities, attainments, and the plans of museums in particular countries.

(For the remaining accounts see English Contents p. 1420)

IV. CURRENT EVENTS

THE EXHIBITIONS OF FOLK ART IN POLAND, 1950—1952.

by K. Pietkiewicz

The article briefly summarises the activities of the Department of Folk Art of the Ministry of Culture and Art. Within the period under review the Department, aided by various local and territorial associations, organised in larger and smaller towns, and even in some cases in villages, 27 exhibitions of folk art, 8 travelling exhibitions, and 14 prize contests.

The writer stresses the considerable activation and development in this field in the new democratic Poland. Also the artistic level has improved, which is noticeable in such branches of popular art as pottery, weaving, embroidery, lace-making, paper-cuttings, painting, and sculpture. A resuscitation of peasant costumes took place, which are now more and more used by numerous folk song and dance teams. The aid of the State in the field of folk art increased, taking the form of bursaries, prizes, and providing trained instructors. In this way much of the latent talent could be discerned and directed for proper training. In 1950 alone 505 prizes were given from state funds at various exhibitions and prize contests.

In addition to exhibitions organised in the country, the exhibits of Polish popular art were shown in 1950—51 in Hungary, Austria, Denmark, Sweden, and Finland.

The problems connected with various aspects of popular art in Poland are discussed in a monthly „Polish Folk Art“, published by the State Institute of Art.

(For the remaining accounts see English Contents p. 1421)

CONTENTS OF THIS VOLUME

OBITUARY:

Professor Franciszek Bujak
Profesor Adolf Eustachy Chybiński
Jadwiga Chełmińska-Świątkowska

I. Articles

	Page
Tadeusz Wróblewski, Soviet ethnography and the problem of ethnogeny in the light of Stalin's work on linguistics	36
Jerzy Kulczycki, The theory of matriarchy in the work of Soviet ethnographers and archeologists	66
Kazimierz Moszyński, The Neuri of Herodotus	134
Tadeusz Milewski, Tribal mentality and grammatical categories. (A study of the gender system in certain North American Indian languages).	153
Jan Czekanowski, Synthetic sketches of V. Kiparsky	183
Józef Gajek, Retrospective method in Polish ethnography	242
Ryszard Gansiniec, Crystallomancy	257
Walerian Sobisiak, Housing and movable property on the estates belonging to the Poznań diocese in the XVII th and XVIII th centuries	340
Józef Burszta, The problem of „Nawsie“ in the village settlement	439
Jan Piotr Dekowski, Small towns in the district of Opoczno in the past	499
Wojciech Hejnosz, „Patrya“ — a note on some methods of passing news over distance	511
Zygmunt Kolankowski, The forest badge in the Hża district, the Province of Kielce	518
Józef Burszta, The forest badge from the area of Wyszaków	530
Bohdan Baranowski, Sheepowners' Courts in Western Poland at the end of the XVIII th century	538
Zygmunt Kolankowski, Sheepowners' Court in the Płock area at the end of the XVIII th century	546
Adam Henryk Kaletka, Some case studies of the Sheepowners' Court activity in the XVII th and XVIII th centuries	552
Józef Broda, Peasant sawmills in the Żywiec area in the XVII th and XVIII th centuries	555
Czesław Luczak, Country mills in Western Kujawy from the XVI th century up to the present time	583

	Page
Michał Pękalski, Land measures at Urzędów	611
Longin Malicki, Cloth printing in Silesia	613
Marian Gotkiewicz, The linen dealers of Orava	626
Marian Gotkiewicz, The linen industry and trade in Chochółów	635
Adam Glapa, Peasant costumes in tailors' guild books	639
Tadeusz Seweryn, Ethnographic iconography	647
Józef Kostrzewski, When did the horizontal loom appear in Poland?	667
Tadeusz Wróblewski, The geographical distribution of vertical and horizontal looms	677
Roman Reinfuss, Open hearth traditions in the peasant housing of Southern Poland	699
Wanda Jostowa, Traditional food of the Podhale people	703
Krystyna Tokarżówna, Surnames of the Szczawnica Highlanders	728
Kazimierz Moszyński, The meeting ground of the naturalist and the ethnographer	736
Przemysław Burchard and Leszek Dziegiel, The iron hoe in Podlasie — the discovery of a new ploughing implement	746
Zenon Sobierajski, How to arrange folk-poetry for publication. (Suggestions for fixing the spelling)	755
Józef Gajek, Instruction for indexing periodicals and more important ethnographic works	767
Józef Gajek, The monographs of peasant costume — some points of theory and method	797
Roman Reinfuss, Instruction concerning illustrative material for the Atlas of Peasant Costumes	806
Gerard Labuda, The tasks of an Ethnographical Atlas	808
Alfred Zaręba, The use of questionnaires in Swedish ethnography	823

II. Reviews and Reports

(for the List of Books and Articles reviewed in this Volume see Polish Contents p. 2).

III. Museums

Maria Frankowska, Achievements of Soviet Museology	1106
Alfred Zaręba, Scandinavian Museums	1134
Jan Manugiewicz, Folk Culture Museum, Warsaw	1164
Janina Krajewska, Report on activities of the Ethnographical Museum, Łódź	1166
Maria Znamierowska-Prüfferowa, Ethnographic Section of the Pommeranian Museum, Toruń	1171
Ryszard Kukier, Exhibition of Peasant Costumes from Northern Poland in the Pommeranian Museum in Toruń	1176
Stanisław Błaszczak, Report on the activity of the National Museum, Poznań, Section of Folk Art and Culture	1178
Alfons Kowalski, Report on the activity of the Museum in Międzyrzecz	1183

	Page
Franciszek Kotula, Report on the activity of the Museum in Rzeszów	1184
Janusz Optołowicz, Report on the activity of the Ethnographic Section of the Lublin Museum	1188
Kazimierz Gottfried, The Museum in Jarosław	1189
Krzysztof Wolski, The Museum in Przemyśl	1190
S. Stefański, The Museum in Sanok — the Exhibition of Folk Art of the Sanok Province	1193
Jan Piotr Dekowski, The Museum at Tomaszów Mazowiecki	1195

IV. Current Events

Kazimierz Pietkiewicz, Exhibitions and Prize Contests of Folk Art organised by the Ministry of Culture and Art in 1950, 1951	1198
Kazimierz Pietkiewicz, Exhibitions and Prize Contests of Folk Art organised by the Ministry of Culture and Art in 1952	1209
Extracts from the Minutes of the XXV th General Meeting of the P. T. L. (O. G.)	1216
Minutes of the XXVI th General Meeting of the P. T. L. (O. G.)	1219
Minutes of the XXVII th General Meeting of the P. T. L. (O. G.)	1225
Extracts from the Minutes of the XXVIII th General Meeting of the P. T. L. (O. G.)	1229
Report on the activities of the Cracow Branch of the P. T. L. (1948—1952). (Anna Kowalska-Lewicka)	1236
Report on the activities of the Cracow Branch of the P. T. L. June 1st 1953 — June 1st 1954. (Anna Kowalska-Lewicka)	1242
Report on the activities of the P. T. L. Branch at Mszana Dolna, 1953. (Sebastian Flizak)	1245
Report on the activities of the Sudeten Branch of the P. T. L. in Jelenia Góra, 1953. (Seweryn Gersten)	1246
Report on the activities of the Silesian Branch of the P. T. L. 1953. (Maria Suboczowa)	1248
Report on the activities of the Wrocław Branch of the P. T. L. 1953. (Halina Bittner)	1250
Report on the activities of the Poznań Branch of the P. T. L. 1949—1952. (Helena Taige)	1251
Report on the activities of the Poznań Branch of the P. T. L. 1953. (Stanisław Błaszczak)	1253
Report on the activities of the Łódź Branch of the P. T. L. 1953. (Kazimiera Zawistowicz-Adamska)	1254
Report on the activities of the Lublin Branch of the P. T. L. 1953. (Janusz Świeży)	1255
Report on the activities of the Toruń Branch of the P. T. L. 1953. (Kalina Antoniewiczowa)	1256
Report on work proceeding in the Archive Section of the P. T. L. (Helena Przestawska)	1258
Polish Ethnological Society (P. T. L.). Report on Field Studies in 1952 (O. G.)	1259
P. T. L., Report on a Conference on the methods of Field Studies of Agriculture and Animal Breeding held on May 9 th , and 10 th , 1953. (O. G.)	1268

	Page
Report on the work in progress on the Polish Ethnographical Atlas. 1947—1953. (<i>Zofia Staszczakówna</i>)	1280
„Polish Academy of Sciences (PAN), Report on Activities and Works“, I, 1—2, Warsaw 1953. (<i>O. G.</i>)	1284
„The Quarterly of the History of Material Culture“, I, 1—2, (In Polish with Russian and English Summaries), Warsaw 1953. (<i>O. G.</i>)	1284
Planned publication to celebrate the anniversary of the work of Oskar Kolberg	1285

V. Varia

Russian Summaries	1287
English Summaries	1359
Index — Subjects, Ethnographic Terms, Names, List of Scientific Institutions, Periodicals and Publications, Illustrations quoted in „LUD“, Vol. XLI. (<i>O. G.</i>)	1423

INDEKS RZECZOWY *

A

Ablos (j. gr.), flet 836
 Albańskie roboty ręczne 941—953
 Alkierz 421, 425
 Amazonki 80, 84, 85, 129
 Ameryk, narz. do orania 751, 752
Ammophila urnaria, osy 740—745
 Amulety 264, 271
 Analiza jęz. Indian półn. Am. 153—182
 Ankieta w spr. gier. lud. 34
 Animizm 838
 Antropogeneza 101, 118, 811, 838
 Antropologia 184, 833, 838, 873, 875, 940, 941
 — etniczna 1010, 1011
 Arba, wóz dwukółowy 838
 Archeologia 839
 Archiwa etnograficzne skandynawskie 1135—1137
 — szwedzkie 823—829
 Arenda, karczma 405
 Arfa do oczyszczania zboża 351
 Arithmomantia 271
 Astrologia 271
 Asymilacja językowa 42
 — kulturowa 56
 Atalykat 839, 867
 Aul 851
 Austerie 366, 419
 Austral. bębny, słupy, trąby 980, 981
 Awunkulat 66, 67, 73, 74, 75, 86, 107, 836
 Awesta 836

B

Baba Jaga 839
 Babka do klepania 350
 Babka ognia 853
Babie uszy, grzyby, piestrzenica, *Hevella* 717
 Badania antropologiczne 186, 193
 — ekonomiki gospodarstw chłop- skich 19
 — etnogenetyczne 37, 38, 41, 46, 243, 244, 252, 255, 851, 879
 — etnograficzne 34—37, 54, 243—249, 251, 555, 849, 881, 1259—1280
 — etn. angielskie 997
 — etn. czeskie 936, 937
 — etn. fińskie 183
 — etn. radzieckie 851, 871, 887, 888
 — etn. szwedzkie 823, 830
 — geneonimiczne 245
 — genetyczne 83
 — heraldyczne 259
 Badanie kultury 40
 Badania nad muzyką ludową 31
 — n. osadnictwem 439—498
 — n. sztuką lud. 746, 919, 920, 1070—1094
 — n. zabudowaniami 340—438
 Bajdary, łodzie 49
 Baje (j. turk.) władcy 839, 848
 Sałaban, instrument muz. 839
 Bałatajka, instrument muz. 839
 św. Barbara, opiek. rybaków 661
 Baré 519—524

* Kursywą oznaczono wyrazy gwarowe lub zaczerpnięte z jęz. obcych, wzgl. dokumentów.

Bardo, część krosna 672
 Barsc 707
 Bartnictwo 518—537
 — na Łużycach 1049
 Barwienie płótna 617—625
 Batik 841
 Batraki, robotnicy rolni 839
 Bęben 841
 Belladonna, odwar 647
 Beryl, wróżbiarstwo 265
 Beryllistica 278—283
 Bidły, bijadła, cz. warsztatu tkackiego 673
 Biedota wiejska 498, 840
 Biegun, kamień 596
 Bielenie płótna 631
 Blichy, bielarnie 631
 Bobry 144
 Bojowisko 379
 Bory bartne 533, 534
 Boże Narodzenie 142
 Bóg 705, 713
 Bóstwo irlandzkie Dagde 986
 Brachmanizm 841
 Bractwo krawieckie 640, 641
 Brajerzy, uhlarze Podhala 706
 Brat matki 69, 73, 91
 Brąz w sztuce 841
 Browary 341—438
 Bryja 707
 Bryndza 713
 Buddyzm 841
 Budownictwo Dagestanu 861, 862
 — śród. frankońskie 484
 — irańskie 856
 — jakuckie 908
 — kaukazkie 882
 — małopolskie 699—702
 — Murutów 993—4
 Budowle rolnicze 919
 — śródziemnomorskie 967, 968
 Budynki gorzelniane 411

Budynki gospodarcze 23, 342—438
 — mieszkalne 364, 462
 Budownictwo p. alkierz, badania nad zabudowaniami, budynki gospodarcze. mieszkalne, chałupa, chata, czuma (namiot), dach, dom, drzwi, dworki, dymnica, furtka, izba, kala, kalenica, kluki, koliby, komora, konstrukcja zrębu, koźliny, krycie dachu, kuny, kurloki, kurnica, lamusy, mieszkania.

Budownictwo gospodarcze i przemysłowe, p. arenda, browary, budynki przemysłowe. gorzelnie, gumna, holendry (młyny), karczma, kolnie wołowe, korzeczniki (młyny), kuźnie, łaźnie, mielcuchy, (browary), młyny, obory, saseki, serniki, sołki, spichrze, stajnie, stodoły, szopy, tartaki, wiatraki, wozownie.

Bud-wozy 138
 Budżet chłopca 18, 25
 Burtaki 841
 Bursztyn 220
 Buty 649
 Bylica 666
 Byliny 841
 Bydło 147, 347

C

Cabala, kabala 271
 Camarhyntus pallidus, ptak 741
 Cebula 348
 Cechy krawców 639—646
 Cegielnie 358, 416, 417
 Cepy 350
 Cepowiny (zwycz. weselny) 721
 Ceramika 1201—1213
 Cerkiew słowiańska 192
 Chałupa jednoizbowa 434

Chałupa kowalska 418
 — kurna 702
 — owczarska 433
 Chałupnicy 347, 360—438
 Chaty dymne 989
 Chiromancja 271
 Chleb 135, 709, 720
 Chlewy 391
 Chłop i diabeł 653
 Chłopi galicyjscy 11, 12
 — na półrolkach 705
 — Rosji feudalnej 844
 — turkmeńscy 849, 850
 Choroby na Podhalu 722
 Chronologia ludowa, od św. Wojciecha do św. Marcina 347
 Chronologizowanie faktów etn. 248, 251
 Choźdzenie (j. ros.) pielgrzymki 886
 Chów bydła na Podhalu 22, 705, 706
 Ciężarka gliniane u krosien 667—684
 Ciosek, ferula 713
 Ciosna bartników 531
 Connubia communa 80
 Cuculus indicator 738
 Cyclosomia truncata, (pajaki) 745
 Cykle kulturowe 50
 Czapka cz. wiatraka 606
 Czarnoksiężnicy 652
 Czarownice 647
 Czary 271
 Czótenko tkackie 673, 680
 Czółna 361
 — australijskie 994, 995
 Czuma, namiot 49
 Ćwierć, miara zboża 352, 611

D

Dach 371, 401, 434
 Definicja etnogenezy 37
 — etnografii 36, 40, 242
 — matriarchatu 69

Determinizm w etnografii 811
 Dialekty, por. języki
 Dom czeladny 431
 — saksoński 967, 968
 Drac, dragon, smok 648
 Druki na tkaninach 1203
 Drukowanie płócien 613—625
 Drukulki, kiecki 616
 Drwale podhalańscy 706
 Drzwi na biegunach 393
 Drzeworyty 647—666
 Drzeworytnictwo 613
 Duch ogniska 853
 Dudy 32, 917
 Dudziarze 917
 Dworki 422—427
 Dworiszcz (j. ros.) 852, 853
 Dywany Dagestanu 870
 Dymnica 702
 Dziecko we wróżbach 269
 Dziedziczenie 73
 Dziedzińce 437
 Dzieje osadnictwa małop. 20
 — uzbrojenia 15
 — wsi polskiej 22
 Dzieża 364
 Dzwony pasterskie 29, 31

E

Egzogamia 71—113, 901, 902
 Ekspozycja etnograficzna 847, 1118—1133
 Ekumena 43, 51
 Emigracja chłopów 497, 707
 Encyclopaedia Britannica 258
 — burżuazyjna 833
 — francuska 831
 — polskiej kultury ludowej 767
 — radziecka 831—847
 Endogamia 89
 Epoka matriarchatu 66—133
 Ehrntehahn 654

Etniczne zespoły 40—45
 Etnogenetyczne podania 61
 Etnogeneza 36—65, 851, 855, 879
 — Bułgarów 935, 936
 — Czuwaszów 851
 — ludów Syberii 48
 — Maryjów 866
 — narodów radzieckich 847
 — Oguzów 851
 — Tatarów Powołża 896
 — Tunguzów 851, 852
 — Turkmenów 888
 — ludów ZSRR 36, 37
 Etnografia 22—39, 833—847
 — albańska 941, 953
 — Azji pn.-wschodniej 891
 — belgijska 974—977
 — bułgarska 919
 — burżuazyjna 50, 68, 109, 898, 900, 901
 — czeska 914—929
 — europejska 242
 — francuska 953—967
 — marksistowska 250
 — polska 33, 38, 58, 242, 920
 — radziecka 36—133, 833—888
 — krajów ZSRR 1121—1123
 — współczesna 243—249
 Etnologia 98
 — amerykańska 104
 — angielska 104
 — anglo-amerykańska 871
 — francuska 106
 — niemiecka 105
 — rosyjska 106
 Etnonimika 61—63, 245, 851, 875
 Etnos 46, 53, 243—255
 Ewolucja rodziny 849
 — technik 953, 961
 Exodus Neurów 148

F

Fairies (j. ang.) wieszczki 301
 Farbiarnie na Orawie 628—632

Farbierz 615
 Ferula, ciasek 712
 Figurki kobiece 121, 124
 Flagun, Flaga, istoty mityczne 285, 287
 Folklor muzyczny 27—30
 — pszczelarski 919
 Folklorystyka radziecka 930—932
 Folwarki 343—438, 649
 Folusze 415
 — albańskie 948—951
 Fonograficzne wałki 29
 Formacja feudalna 40—45
 — kapitalistyczna 40—45
 — niewolnicza 40—44
 — socjalistyczna 40—45
 — wczesnoklasowa 40—43
 Fotografia w ludoznawstwie 919

G

Gadka o diable 653
 Garnce gdańskie 352
 — na zboże 352
 Garncarstwo białoruskie 1068—1070
 Gazdowie orawscy 628, 629
 Gąsiorka, Alchemilla, potrawa głodowa 724
 Geomancja 271
 Geneza gier ludowych 35
 — kultury polskiej 243
 — polskiej sztuki ludowej 1070, 1078
 — typów uprząży renów 47
 Gęś w wienku 654
 Gęśnik 393
 Glazur 844
 Głodowe lata por. potrawy głodowe 710—724

H

Hafty ludowe 1055
 — sieradzkie 1209
 — wielkopolskie 1212

Hafty Z.S.R.R. 843
 Hałuski, kluski 710
 Handel płótnem 626—634
 Harpuny Eskimosów 892
 Hawiarze, górnicy 706
 Hermandady, bractwo średniow. 843
 Heteryzm 84, 85, 93
 Historia badań Syberii 895
 — chłopów 920, 921
 — etnogr. pol. 242—256
 — kultury 91
 — osadnictwa 20—24
 — rodziny 78, 81
 — wsi 18, 22
 — tkactwa 613
 Historiografia społeczeństw pierwotnych 66—133
 Historyzm 102
 Hodowla 49, 72, 73, 131
 — konia 48
 — pszczoł leśnych 518—529
 — renów 48, 49, 51, 858, 859, 986, 987
 — wielbłądów 842
 Holendry, młyny 606
 Horda 89, 118, 123, 125
 Hurda, urda, śmietanica, spic 713
 Huty żelaza na Podhalu 706
 Hydromancja 260

I

Ikonografia etnogr. 647—666
 Imigracja Finów 183, 186, 191, 198
 Indeksowanie 767—797
 Indoeuropeistyka 186
 Inkwizycja 258, 259
 Instrukcja w sprawie zapisywania utworów ludowych 755—766
 — w sprawie ilustrowania Atlasu Pol. Strojów Lud. 807—808
 Instrumenty muzyczne 29, 31
 Instrumenty muzyczne por. ablos, australijskie bębny i trąbki,

balaban, balalajka, bęben, dudy, gong, kobza, rasp, wotynka (dudy)
 Inwentarze biskupstwa poznańskiego 340—438
 — biskupstwa wrocławskiego 584
 — tartaczne 560—582
 Iure valachico 626
 Ius vitae et necis 649
 Izba 428
 — drewniana 422
 — szynkowna 421
 w mielcuchu 408

J

Jarzemko 345
 Jazy 569
 Jatki 418, 422, 440
 Jeździec madarski 937
 Jęczmień 705
 Język(i) alabama 159
 — algonkiński 164
 — amcharski 840
 — apacje 165, 166
 — athapaskan 165
 — australijskie 836
 — awarski 838
 — aymara 963—967
 — azjanickie 837
 — bałtyjskie 183, 187, 839
 — bantu 155, 156, 839
 — baskijski 839
 — bellakula 162
 — berberyjski 840
 — birmański 840
 — buduchyjski 157
 — buszmeński 841
 — czeremiski 187
 — czynuk 162
 — dari, farski, nowoperski 851
 — delavare 164
 — ele 979
 — estoński 186, 187, 188

Język(i) fox 164
 — germańskie 186, 846
 — gockie 844
 — hitczy 159
 — hotentocki 176
 — hupa 165, 171
 — indoeuropejskie 182, 186
 — karelski 186
 — karelsko-olowiecki 187, 188
 — kobiet 158, 159
 — koasati 158
 — lapoński 187, 199
 — liwski 186—188, 192
 — litewsko-łotewski 183
 — łotewski 188
 — meriański 187
 — mężczyzn 158, 159
 — mikasuki 159
 — mongolskie 62
 — mordwiński 187
 — muskogi 158, 159
 — nama 176
 — nass 162
 — negryckie 155, 182
 — Nondugl (Nowa Gwineja) 983
 — ormiański 838
 — ostiacki 187
 — papuaskie 980
 — prabaltyjskie 189
 — prafiński 186—189, 192
 — prafińsko-wołżański 187
 — pragermański 189
 — pralapoński 187, 189
 — prastowiański 192
 — prauralski 187
 — prawołżański 187
 — rodowe i plemienne 40, 41, 42
 — romańskie 186
 — rosyjski 192
 — samojezdzie 187
 — seminole 159
 — semito-chamickie 182
 — (dialekty) Siouxów 159

Język(i) słowiańskie 187
 — tano 164
 — taos 164
 — tsimszian 162
 — tunguzo-mandżurskie 62
 — tunika 167—169
 — tuskarora 166—169
 — uralskie 183, 186, 187
 — ugrofińskie 187
 — walijski 842
 — wepski 187, 188, 191, 842
 — węgierski 187
 — wocki 186—188
 — wogulski 187
 — yana 159
 — yuczi 173—182
 — zyriański 187
 Juzyna (gwara gór.) 718

K

Kabała 330—332
 Kafar 367
 Kafle 425
 Kajaki 49
 Kala, *qua'a*, typ umocnionego osiedla 856
 Kalenica 649
Kalym 848
 Kamień polerowany 264
 Kamienie myńskie 355, 356
 Kamiennik orficki 263
 Kapela góralska 30
 — rorantystów wawelskich 27
Karman, *korman* (odzież) 494
 Karczma 366, 418—420, 1044, 1045
 Kaptur chłopski 641
 Kapusta 348, 705—710
 Karmniki 394
 Karpiele 705—713
 Kars — ptak olbrzym 890
 Katoptromancja 283, 294
 Kicak, tyczka 717

Kiczka 35
Kietbasy, miara, pola 611
 Kiermasz, *karmašnice* 921
 Kierunki w etnologii:
 Kierunki w etnologii: ewolucjonistyczny 83; kulturowo-historyczny 50, 108; dyfuzjonizm, funkcjonalny, psychoanalityczny, socjologiczno-psychologiczny, morfologiczny, strukturalno-neobiologiczny 100, 104
 Kierzenie, maślnice 362
 Kirgiz, ilustracja 658
 Klag, podpuszczka 712
 Klasztory 192
 Klejna 537
 Kleśki elementarne w Galicji 343, 722
 Klocki drukarskie 613—625
 Kluki 573
 Kluski 707
 Kłody 363
 Kłusownictwo podhalańskie 715, 716
 Kmiecie 649, 651, 705
 Kmin, *warmuz* 724
Knapy, płóciennicy 635—638
 Kobac, jastrząb 736
 Kobiernictwo 870
 Kobieta w społeczeństwie pierwotnym 66—133
 Kobiety arabskie 971, 972
 Kobza 934, 935
 Koczownictwo 907
 Koczownicy tureccy 876
 Kogutek w wieńcu dożynkowym 654
 Kolendy *přibramskie* 919
 Koliby pasterskie 699
 Koligacje, spółki płócienników 629
 Kolnie, wołownie 391
 Kolonizacja na prawie niemieckim 20
 — na prawie polskim, ruskim, wołoskim 24
 — średniowieczna 442
 Kolace z rybami 719
 Kołchozy 848, 851, 857
 — dargińskie 851
 — kazachskie 851
 — lwowskie 851
 — turkmeńskie 848
 Koło paleczne 594
 — podsięberne 579
 — pośrednie 579
 — tramowe 579
 — wodne 572
 — zamachowe 572
 Kołowe, podatek 586
 Kominek 425
 Komornicy 705
 Komora 376, 404, 421, 425
 Komunikacja wodna w Australii 994, 995
 Konopie 360
 Konstrukcja urządzeń tartacznych 568
 — zrębu 342, 405, 438
 Kopanki do zarabiania ciasta 363
 Kopienictwo 72, 73, 108, 128
 Koraliki afrykańskie 973
 Koronki 1201
 — wołogodskie 842
 Korzeczniki, młyny 593
 Kosy 349, 367
 Kośba 649
 Koszycek, płachta na ser 712
 Kowale 749—754
 Koźliny 649
 Kożuchy grodziskie 494
 Kółko karbne 581
 Kęgi kulturowe 87, 102, 254, 985
 Krogulec, *Accipiter nisus* 736
 Kronika bizantyńska 61, 151
 — Galla 197
 — Hipacego 235
 — ruskie 208
 Krosienka tabliczkowe 694
 Krosna 667—698

Krój 346, 640—646, 807
Król, gonitwa 659
 Królik w wieńcu dożynkowym 654
 Krycie dachów 341, 438
 Krystalomancja 257—339
 Kryształ 260
 — czarny 308
 Krytyka prądów burżuazyjnych 831
 — teorii Marra 38
 Ksantochroizm 146
 Księgi cechowe 639—646
 — grodzkie 8, 546—553, 584
 — magiczne 274
 — Manu 690
 — metrykalne 18
 — miejskie 811
 — sądowe 15
 — sądów bartnych 519
 — sądów grodzkie 552—554
 Księżyc (Kamerun) 981
 Kształty wsi 439—498
 Kubły, karmniki 395, 404
 Kuchnie 430
Kukielecki 720
 Kukurydza 713
Kulasa 707
 Kult psa 976
 — rodowy 890
 Kultura(y) arabska 838
 — białomorska 59
 — górników czeskich 933, 934
 — kopieniacko-ogrodnicze 49
 — leśno-stepowe 49
 — ludowa Podhala 30
 — ludowa Słowian 139, 343
 — łowców nadmorskich 49
 — materialna 340—438, 583, 584
 — myśliwska 49
 — pierwotna 70, 74
 — rybołówców 49
 — społeczna w Nowej Gwinei 996, 997
 — staropolska 22

Kultur zderzenie 705
 Kulturowe prowincje 59
 Kułactwo 26
Kuny 381
 Kupcy orawscy 628
 Kurche, bóstwo prusko-litewskie 8
 Kurczęta, żywe w wieńcu 654
 Kurhany 840, 844
 Kurie, budownictwo orawskie 629
Kurloki (j. czes.) 917
Kurnica, dymnica, chałupa z piecem chlebowym 702
 Kuwada 107
 Kuźnie 341, 438
Kwoki, karpiele 713
 Kwaszenie 710
Kwaśnica 707, 710
 Kwestionariusz do badań, por. ankiet 823—830, 888, 1260—1267, 1271—1280
 — Lefrena 825
 — Mannhardta 825
 — szwedzkie 824—830

L

Lada do rżnięcia 367
Lamka chłopska (odzież) 643, 644
 Lamusy 396, 397
 Laponoidalny element 184
Lebioda, łoboda, *Chenopodium album* 724
 Lecznictwo na *Walaszku* 918
 Leszek, legenda 659
 Legenda Lepchów o wieży 988
 Legendy ludowe 60, 61
 Lemiesz 346, 751
 Lekanomancja 260, 266
 Len, 348, 626—637, 705
 Leninizm 864
Leżak, kamień młyński 596
Liber Benefitorum 252
 Lichwiarz 650

Liczebnik sto, *satem*, *kentum* 188
Limba, *Pinus cembra* 145, 146
 Liny konopne, łykowe 599
Lisica, prasa na olej 716
 Listy niebieskie 663
 Loch 397
 Lud niebiesko-okli 146
 Ludowa poezja Słowian 901
 Ludoznawstwo 291
 Ludy kolonialne, por. indeks etnogeograf. 874
 — pierwotne 66—133
 Lusterka wróżbiarskie 283
 Lustracje 340—438
 Lychnomancja, *ars lucis* 283

Ł

Łan, miara pola 611
 Łańcuchówka 456—459
 Łaźnie uzbeckie 860
 Łodzie 49
 Łopaty 345
 Łosie 144, 145
Łotka, *łojko*, część pily 580
 Łowiectwo 736—745
 Łowy symbiotyczne 736—745
 Łuk i strzały 889

M

Magia biała 324
 — czarna 324
 — Indian 1008, 1009
 — Isnegów 983
Magiera, czapka 649
 Maglownie 630
 Magnetyt, wróżbiarstwo 263
Majbaum 654
Maliki, odzież 51
 Malowanki 1200—1218
Mała, brona turkmeńska 850
 Małżeństwo grupowe 71, 76, 80, 107
 — parzyste 71, 72, 76, 80

Małżeństwo pierwotne 89
 Mandragora 647
 Mapy 803
 — katastralne 20
 — ludów ZSRR 862, 863
 — Polskiego Atlasu Etnogr. 1282—1284
 — typów tkactwa 682
 Marksistowskie pojęcie narodu i kultury 23
 Marksizm 38—53, 97, 810, 832
 Marryzm 38, 39
 Masło, na Podhalu 712
 Materializm dialektyczny i historyczny 918
 — dziejowy 253, 254
 Matriarchat 66—133, 850, 902, 903
 Matrylinearność 68, 71, 79
 Matryce do drukowania płócien 614—625
 Maźnica 367
 Maże czumackie 665
 Mąka, owsiana, *jarcana*, *żytnia* 707
 Meble ludowe 365, 1215
 Medycyna ludowa 656
 Melodie ludowe 29—31
 Merki rybaków 525
Meszne 585
 Metoda badań starożytności słowiańskich 242—256
 — etnogeograficzna 251
 — historyczna 816
 — historyczno-geograficzna 816—823
 — historyczno-porównawcza 46, 47, 64, 84
 — geograficzna 809—823
 — indukcji i dedukcji 39
 — kartograficzna 813—823
 — konkretno-historyczna 255
 — Le Playa 18
 — materializmu dialektycznego i historycznego 832

- Metoda odwrotna, retrogresywna 242—256
- porównawcza 251
 - pracy nad monografią 16—19
 - progresywna 250, 820
 - retrogresywna 242—256, 820, 130, 1031
 - wróżbiarstwa 257, 339
 - zbierania melodii ludowych 28—31
- Metodologia badań etnogenetycznych 38—64
- badań etnograficznych 881
- Metody opracowywania strojów 798—806
- Mendel, miara 349
- Miary pola 611, 612
- Miecz we wróżbiarstwie 260
- Mielenie na kamieniach 709
- Mieluchy, browary 353, 405, 406
- Mieszkania Dagestanu 861
- ludów ZSRR 870
 - kolchozów obw. moskiew. 867
- Mięso zbójnickie 715
- Migracje 55
- ludów Indonezji 996
 - pasterskie na Podhalu 704—727
- Miód 519
- Mity 60
- Mlecz, *Taraxacum Officinale*, potrawa głodowa 724
- Mleczniki 399
- Mleczno, mleczywo 397
- Mleko na Podhalu 711
- Młocka 350, 649
- Młot na czwarownice, *malleus malleficarum* 271—273
- Młyn na Dobruśsku 918
- koński, *Rossmühle* 592, 602
 - korzeczný 593
 - na trzeciej mierze 585, 589
 - pływający na Warcie 414
- Młyn słodowy 414
- szklany 416
 - wietrzny 649
 - wodny 415, 592—598, 609
- Młynarstwo na Kujawach 583—610
- Młynek do oczyszczania zboża 351, 352
- Młynica 598
- Młynki kieratowe 414
- końskie 414
 - do produkcji oleju 602
- Młynne, podatek 586
- Młynów podział: czynszowe, dzierżawne, na miarach, parobczasne 585
- Młyny 341—438, 583—610
- Modlitewnik królewicza Aleksandra 258
- Władysława 257—339
- Modrodruki 613
- Modrzyńce, zapaski modre 614
- Monografia Bujaka 18—20
- etnograficzna 893
 - tańców ludowych 29
 - wsi 16—25
- Moskal, placki owsiane 707, 708
- Motyki 348
- Motywy zdobnicze 617—625
- Muchdu, bóstwo opiekuńcze Ewenków 853
- Muterrecht 85
- Muzea radzieckie 865, 866
- regionalne 8
- Muzeoznawstwo radzieckie 1106—1133
- Muzyka dawna 28
- góralska 29—31
 - ludowa 29, 30
 - na Hanej 918
 - podhalańska 30—32
 - polska 27
- Myślenie magiczne 981
- Myślistwo 49, 70, 72

- N**
- Nabiał 707
- Nagończy, pomocnik płócienników 628, 629
- Nalepa, ognisko otwarte w izbie 701, 702
- Naleśniki 710
- Namoty przewożne 138
- Napoje alkoholowe 717
- Narody arktyczne 838
- Narok 22
- Narty 49
- na Rusi 889
- Narzędzia kolne 1174, 1175
- kowalskie 358
 - do orki 746—754
 - do pracy 1172
 - rolnicze 342—438
 - rylcowe do orki 754
- Nauki etnograficzne 247
- Nawisko, nawsie 439—498
- Nawój u krosien 667, 672
- Nazwa(y) folwarków 422
- Neurów 137
 - miejscowe jako źródła do historii osadnictwa 20
 - pił 565, 566
 - Ukraińiec 1023, 1024
 - ryb 208
- Nekromancja 271, 273, 283
- Nemesia meridionalis, pająki 745
- Neurów etymologia 137, 138
- Nicielnice 670, 680—686
- Niedotykalni, kasta indyjska 868
- Niedźwiadek morski 656
- Noc umarłych 35
- O**
- Obnażanie 661
- Obory koliste, kwadratowe 389
- w kształcie litery L
- Obory w triangul 389
- Obróbka drewna 557
- włókna 360
 - żelaza w Afryce 994
- Obrusy, *chlebowniki* 615
- Odnalezienie rzeczy skradzionych 283
- Obrzędy pogrzebowe kirgiskie 658
- słowiańskie 35
- Obyczaje dzikich 77
- scytyjskie 138
- Odkładnica 751
- Odzież ludowa albańska 941, 953
- kirgiska 658
 - ludowa 642, 662, 803—805
 - Udmurtów 908—912
 - zachodnio-słowiańska 1046—1048
- Oecophylla smaragdina*, mrówki 741—745
- Ognisko otwarte 699—702
- Okólniki, podwórza 437
- Okkopirnis, bóstwo prusko-litewskie 8
- Okolnica 450
- Okrasa na Podhalu 716
- Okreżne 654
- Olej lniany 707, 716
- Olejarnie 716
- Ołędry, csady 452
- Omacz, socha turkmeńska 848
- Opętany 655
- Organizacja dualna 41, 71
- fraternalna 71
 - plemienna 42
- Orka 649, 750, 1172
- Orientalizacja kultury grecko-rzymskiej 261
- Ornament geometryczny 617
- hornacki 922
 - karelski 899
 - roślinny 617
- Orły polawiacze, *Abu kullab* 741
- Orzeszki limby 146
- Osadnictwo 7, 15

Osadnictwo górnej Orawy 626
 — Małopolski 7, 20—24
 — na Nawsiu 490
 — Podhala 445, 704
 — wiejskie 439—498
 — wołoskie 467
 — Wietługi (Zawołże) 866
 Osady jednodworcze 446
 — na prawie niemieckim, polskim, ruskim, wołoskim 24
 — wołoskie 626
 Oselki do ostrzenia 350
 Oset, *Cirsium oleraceum*, potrawa głodowa 723
 Oskard 596, 602, 609
 Ości na ryby 361—990—992
 Oszczypki 708—713
 Owalnice 453
 Owce 360
 Owczarnie 379, 392
 Owies 705, 707
 Ozd, ozdnicza, oznica, ozdowanie 405—412

P

Falenie ognia, telekomunikacja 511—515
 Palonka podhalańska, gorzałka 720
 Papiernie 416
 Pająk morski, ilustracja 657
 Pamiętniki historyczne 61
 Państwo Żywieckie 558
 Paproki, przezwisko kowali 754
 Papyrus demotyczny 264
 Pasternak 704
 Pasterstwo 74, 892
 Patria, patryja, patryla 512—517
 Patriarchat 70—85, 112, 115, 129, 904, 905
 Pączki 721
 Pecyzysze (j. ros.) 852, 853
 Periodyzacja archeolog. 985
 Periodyzacja historii pierwotnej 66—133
 Periodyzacja czechosł. kultury lud. 920
 — etnogr. radzieckiej i rosyjskiej 869
 Perlik, młot 603, 609
 Piec 425, 431, 699—702
 — chlebowy w komorze 363, 423
 — garncarski 844
 — do lnu 417
 — do wypalania cegły 417, 418
 Pieczywo B. N. 719
 Piekarnie 430
 Pieśń (pieśni) ludowa 28—31
 — bułg. żniwiarzy 884
 — czeskie 922
 — Ewenków 859, 860
 — radzieckie 876
 — rosyjskie 875, 876
 — ukraińskie 875, 876
 — ze Wzgórz Naga 983
 Pilarstwo 564
 Piła, pieta 559, 582
 Pisarze ludowi 25
 Piskvonc, Pfingstschwanz, zwyczaj wiosenny 918
 Pisownia utworów ludowych 755, 756
 Piwo 350, 707, 717
 Piwowarnice, browar 407
 Piwnice 397
 Pitangus sulphuratus, bentevi, ptak, 739
 Placek góralski 708, 709, 719
 Flatenice (j. słow.) 627
 Plecionkarstwo 679, 682, 683, 1173
 Plemię, plemiona, por. indeks etnogeograficzny 42—46, 71, 75, 243
 — ugrskie 55
 — wschodniosłowiańskie 48
 Placienicy 635—638
 Plachta 1055, 1058
 Plóciennicy orawscy, 626—634
 Płótna wyrób 360
 Płozy 345
 Pług 344—438

Pługi bez kół, drewniane 345, 751
 — kowalskie 751
 — pruskie 571
 Płuzyce 344—438, 746
 Pochodzenie Germanów 61
 — rodziny 43, 68, 72
 — Słowian 57, 61
 Pochówki, podwyżkowe 978
 Podania 60
 Podbielina, *Tussilago*, potrawa głodowa 724
 Podział rodowy 40, 41
 Podoski, metalowe obręcze 594
 Poezja ludowa 877
 Poezji ludowej zapis 755—766
 Pogosty (j. ros.) postoje 854
 Pokrzywa, potrawa głodowa 724
 Polaniarze na Podhalu 705
 Poliandria 79
 Polowanie pastuchów bałkańskich 736
 Połednina (gw. góral.) 718
 Pomieszczenia dla inwentarza żywego (chlewy, dojniki, obory, owczarnie, stajnie, wołownie) 385—398
 Pomoc wzajemna 999—1004, 1096—1104
 Popularyzacja etnografii 1153
 Porozumiewanie się na odległość, telekomunikacja 511—517
 Porywanie żon 142
 Posowy, pułapy 376, 422, 425
 Posty na Podhalu 718, 719
 Potrawy głodowe, por. *Alchemilla*, *hodryk*, *majki*, (mlecz) konieczyna, lebioda, szczaw, ognicha, *Raphanus Raphanistrum*, szypułki, zajęcza kapusta, moskal, perz, scyrbak, trawa, *Tussilago*, *Taraxacum* Of., *warmuz*, *ziomber*
 Potrawy kwaśne 710
 Powinności chłopów 22, 344—438
 Pożyczki pragermańskie 191

Pożyczki praruskie 192
 Pożywienie Podhala 703—727
 — głodowe 710—723
 — obrzędowe 721
 — roślinne 708—726
 — świąteczne 719, 720
 Półrolnicy 347
 Półślednicy 360
 Praludność Europy 184
 Prace Instytutu Etnografii ZSRR 872
 Prawa bartne 518—529
 — chłopów 843
 — czartowskie 652
 — germańskie 650
 — macierzyste 82—92
 — niemieckie 705
 — ojcowskie 85, 86
 — polskie 650
 — rozwoju zjawisk kulturowych 55
 — wołoskie 540
 Problematyka etnogenetyczna 263
 Promiskuityzm 76, 86, 91
 Proroctwa u Czechów 917
 Proso 350
 Prowadnica, część tartaku 575
 Przebieganie obrzędowe, w wilka 139—142
 Przechowywanie 363, 721
 Przedmioty błyszczące, wróżbiarstwo 260
 Przemysł fermentacyjny XVII w. 418
 — ludowy 1199, 1205, 1206
 — młynarski 418
 — tartaczny 555, 582
 Przebrazenia stosunków etnicznych Europy 183
 Przesuszanie się pieniędzy 8
 Przestęp 647
 Przeżytki 74
 — bartne 518
 — rodu macierzystego u Kwakiutłów 872
 Przyciesie 419, 426

Przydomki odimienne 729
 — określające cechy człowieka 730
 — od nazwy domu 729
 — topograficzne 730
 — sytuacyjne 730
 — zawodowe 729
 Przysiółki 446
 Przysłowia Senegalu 983
 Pszczelarstwo 519, 921
 Pszenica 155
 Puciera 713
Pućwiartki, miara pola 611
 Pułapy z tarcic 425
Putanek, miara pola 611
 Puzderek wyrób 972—974
 Pyromancja 269
 Pytel chłopski 598—606, 607

R

Rabacja galicyjska 513
Raczun, rozrachunek 628
 Radła, radlice 344—438, 746
 Radziecka szkoła etnograficzna 843, 864
 Rama tkacka 683, 687
 Relacja Ibrachima ibn. Jakuba 519
Rasp, instrument muzyczny typu pi-
 ły 983
 Rataj 344
 Rącznik 135
 Regale bartne 519, 536
 Religia Mongołów 984
 Relikty matriarchatu 112
Relo, jastrząb 736
 Reny 858, 859, 991
 Roboty ręczne albańskie 939—951
 Rodzina 72, 80, 92, 109
 Rolnictwo 18, 22, 49, 132, 746—754
 — w Czechach 916
 Rośliny uprawne na Podhalu 705
 Ród i plemię 41—46, 69—90, 850, 869
 Różga zielona 650

Róźdzka czarnodziejska 283
 Ruch ludowy 11, 15, 26
 Ruchy chłopskie 1038—1044
 Rudowłosi 146, 147
 Rzeka brzozowa, *Coiva* 195
 Ryby 647, 716
 Rybołówstwo 70, 72, 361, 716, 990
 Rytuał inicjacji 987
 Rzemiosła ludowe czeskie 919
 Rzepa, *gryzula*, *ziemniaki* 709, 713
 Rzepak 350
 Rzeźba w kości 842, 877, 912—914
 Rzeźalnie, sieczkarnie 402
 Rzędówka 542

S

Sadło niedźwiedzie 716
 Salamandra 648
 Sanie 369
*Sądk*i do gorzałki 366
 Sądy dawne 650
 — owczarskie 538—554
 — wiejskie 538
 Sąsieki 384
Scyrbak, *Cirsium Rivulare*, potrawa
 głodowa 723
 Serniki 399
 Sery 362
 — *syr* na Podhalu 712
Siabry, *sebra* (j. ros.) 852, 853
Siara 719
Side (j. irland.), wieszczki 300
 Sieczkarnie 402
 Siedziba Neurów 134—152
 Siemię lniane 351
 Sień 421, 425
 Sierzeń u wozu 369
 Siermięga, kaftan 649
 Sierpy 349
 Skansen 826
 Skarbce na przyciesiach 429, 430
 Sklep, piwnica 397

Skolopendra morska 256
Skrzep (gwara góralska), słonina 715
 Skrzypce, część warsztatu tkackiego 672
 Skrzyżowanie języków 41
 Skłodownia 405
 Słopiec, *clapiec* 664
 Słowian autochtonizm 141
 — dzieje 134—152
 — folklor 871
 Słowiańskie nazwy miejscowości 22
 — starożytności 242—256
 Słowniczek Togo 974
 Smok, p. *drac*, 648
 Smugi, rodzaj gleby 750
 Sobótka 666
 Socha 22, 344—438
 — części 746—750
 — dwupolicowa 751
 — litewska 751
 — podlaska 751
 — żelazna 746—754
 Socha i ślemię 701
Socharz 573
 Solenie potraw 710
Sołki 399
Sowiki, odzież 51
 Spichrz, spichlerz, szpicherek, szpich,
 spichrzyk, spichlerzyk 372—374
Spichlerz na scendarach 373
 Spizarnia 373
 Splaw drewna 558
 Spodnie płóciennne 649
 Społeczeństwa łowieckie 125
 — zbieracze 125
 Sprawa chłopska 11
 Sprzęt zbóż 349
 Sprzęty 342—438
 — domowe 966, 967
 — kuchenne 365
 Sprzężaj 368—371
Spuszczadnica dla cieląt 402
 Stajnia z chrustu 390, 438

Staciwa 693
Stado, w Ziel. Świątki 666
 Stado pierwotne 40 41, 68, 71
 Stadium macierzyste 97
 — ojcowskie 97
 Staje (150 m) 612
 Statki browarnicze 352
 — folwarkowe 364
 — gospodarcze 352
 — kowalskie 359
 — kuchenne 362
 — ogrodnicze 348
 — piwne 407
 — szynkowe 366
 — zbożowe 352
 Statystyka młynów wodnych 587
 Stępa 364, 415, 592
 Stodoły 349—438
 Stosunki piciowe 41
 — rodowe u Chakasów 907
 — społeczno-produkcyjne 73, 340—
 438
 Strawa 349
 Strój ludowy 23, 639—646, 649, 662,
 1053—1056, 1165, 1166, 1176, 1177,
 1202
 Strój, stroje ludowe zach.-słowiań-
 skie 1046—1058
 — dolnośląski 639, 798
 — dzierzacki, górali szczawnickich,
 krzconowski, kujawski, łowicki,
 spiski 798
 — szamotulski 798, 1058—1066
 — wielkopolskie 1064
 Strefy gosp.-kulturowe 49
 Studnie 403, 986
 Stypa 8
 Suknia chłopska 640, 645
 Suszenie grzybów 716
Sworznie, część tartaku 575
 Syderyt, wróżbiarstwo 262—264
 Sygnalizacja świetlna 511—517
 Sypanie 352, 371, 375

Synteza Niederlego 184
 — polska sławistyczna i antropologiczna 184
 — uralistyczna 186
Syrzynka (gwara góral.), płótno do dzieży 711
 System dwuklasowy 984
 — pańszczyźniany 1026—1029
 Systematyka narzędzi rybołówczych 990—992
 Systematyzacja polskich melodii ludowych 28
Szabatnik 425
Szamanizm 892
Szczepów bałtyckich genealogia 211
Szeregówka wieś 446
Szklanki, huty szkła 729
Szkoła bujakowska 24
 — ewolucyjno-psychiczna 249
 — historyczna 250—256
 — kulturowo-historyczna 68, 101
 — wiedeńska 254
Szkudły 371
Szmaciaki mazurskie 1200
Szopy 373, 401
Szorc, suknia 645
 Sztuczne nawadnianie 51
Sztuka ludowa 1079—1094, 1198—1216
 — dla mas, *Massenkunst* 660
 — drukowania płótna 613—625
 — na Horacku 917
 — podhalańska 1204
 — słowacka 866
 — śląska 1206
Szufel brandenburski 352
Szubienica 649
Szyski 145
Szyszkojady 135
Ściana, stena 138
Środką transportowe 368
Środowisko geograficzne 47, 49, 460
Świerk 135, 145
Święto pasterskie 917

T

Tabele osiadłości (źródła) 527
 Tańce czeskie 918
 — góralskie 32
 Targi na płótno 631
Tartaki 352, 415, 555—582
Tatarka 348
Taźbierek, gorsze piwo 717
Technika orki 750—754
Technika uprawy roli 21
Thesaurinella, poszukiwanie skar-bów 283
Telekomunikacja 511—517
Telenget, lud węży 141
Teoria celto-słowiańska 184
 — gramatycznych rodzajów 156—158
 — kolonialna 21
 — kręgów kulturowych 50
 — Marra 37, 46, 47
 — matriarchatu 66—133
 — patriarchatu 78—94
 — pochodzenia religii 932, 933
 — teoria runiczna 531—533
 — sakralnego pochodzenia władzy 68, 76
Teza fińskiej praludności 185
 — samojedzkiej praludności 186
Tezy leninowskie 849
 — Morgana 90
Tkactwo 677—698, 1049, 1173, 1213
Totemizm 71, 79, 104
Toponomastyka 248
Thuczenie ziarna 709, 716
Tragi do noszenia piwa 355.
Transport płótna 627—633, 655, 858
Transport i komunikacja
 p. *arba, bajdary* (łódzie), bud-wozy, czółna, jarzemka, kajaki.
 komunikacja wodna, łódzie, *maže*,
 namioty przewożne, narty, *patry-*
ja, reny, sanie, spław, *sprzężaj*,
 sygnalizacja, *środką transportowe*.

uprząż, konia, rena, telekomunika-
 cja, *tragi*, transport płótna, wiel-
 błądy, wozy, zaprząg rena.
Typy kultur 49—51
 — osiedli 20, 854
 — stroju 789
 — tkactwa 682

U

Ubiory chłopskie, 639—646, 959
Ucieczka Neurów 139
Udoje, grudy, bundz, brusy, ser 712
Uhlarze 706
Układ gruntów w średniowieczu 445
Ule 362, 527, 528
Ulicówki 447—450
Uprawa lnu na Podhalu 666
 — motykowa 56
 — sprzężajna 73
Uprząż konia, rena 47—49, 370
Ustrój gruntowy 445
 — niewolniczy 44, 45
 — plemienny 45
 — Podhala 75
 — rodowy 119

V

Višapy, wyobrażenia ryb w Kauka-
 zie 842

W

Warsztat tkacki 667—676
Wągrada 462—466
Wendeta 842
Wertep, teatr kukielkowy 842
Węborki wielkopolskie 363, 404
Wędrowniki ludów 15, 43
 — drelicharzy andrychowskich 633,
 634
 — płócienników orawskich 633, 634
Węgiel 263, 426

Węże 137, 138
Wiadra z drzewa 363
Wiatraki 412, 583—610
 — holenderskie 606, 607
 — do tarcia tabaki 602
Widły 348—350
Wiece wielkopolskie 14
Wiecerza, (gw. góral.) 718
Wielbłądy 973
Wielka trójka, (Bachofen, Mc Len-
 nan Morgan) 91
Wielkanoc w Łowickiem 35
Wielodroznice 451, 452
Wieniec dożynekowy 654
Wiertel, (leszczyński, lwowiecki,
 międzyrzecki) 348, 352
Wiś, (wsi) kołchoźnicze ZSRR 857
 — łąnów leśnych 487
 — olęderskie 446
 — małopolskie 17—22, 488
Wiśniacy za Piastów 15, 21
Więcierze 361
Wić grzędzielną 344, 438
Wigilia na Podhalu 719
Wigwam 844
Wilki 138—142
Wilkierze 540
Wilkołactwo 138—142
Winnice w browarach 407
Włodarz 434
Woda we wróżbach 250
Wół trzyrożny 660
Wołownie 391
Woły 347, 649
Wotynka, dudy 843
Wóz bosi 368
 — dwukonny 22
 — jednokonny z *duhą* 22
Wozu części 369
Wozownie 400
Wrażda 8
Wrota 435
 — z tarcia na biegunach 384

Wrózenie 262, 843
 Wróżba z ognia 269
 — z ołowiu 283
 — z patyczków i kostek 262
 — z paznokci 280
 — z ptaków 262
 — ze szkła 289
 Wróżbiarstwo 257—339
 Wspólnota etniczna 45
 — gminna 24
 — językowa 42, 192
 — pierwotna 43, 44, 49
 — rodowa 44, 66, 883
 — ugrska 55
 — ugrofińska 188
 Wycinanki 35, 1199, 1201, 1203, 1207
 Wydry 144, 145
 Wykładnia snów 283
 Wypiekanie chleba 969
 Wyposażenie gospodarstwa 367
 Wyrocznie helleńskie 262
 Wyrób piwa 717
 — sera 712

X

Xiphomantia 260

Z

Zabawy i gry 828
 Zagadnienia agrarne 837
 — Neurów 183, 221
 Zagon (1.5 morgi) 612
 Zagrodnicy 705
 Zaklęcia Czeremisów 985
 Zapaski 1202
 Zapożyczenia bałtyjskie 190
 — ugrofińskie 183
 Zaprząg rena 47—51
 Zasady zapisu utworów ludowych 755
 765
 Zasięg j. bałtyjskich 215
 — krosien 667—698

Zasięg limby 145
 — sochy żelaznej 753
 — tkactwa 691
 Zbieractwo 70
 Zbieranie melodii ludowych 29—32
 Zbiory etnograficzne 1180
 Zboże 135
 Zbożojady 135
 Zbójnicy podhalańscy 715
 Zespoły rodowe 41, 42, 62
 Zdobiny 806
 Zgaszenie świecy, wróżba 285
 Ziemie żytnio-olszowe 750
 Ziemianki 49
 Ziemniaki 707, 709
 Znależenie rzeczy zgubionej, *abscondita invenire* 283
 Znamiona bartne 518—537
 Znaki własnościowe 526
 Znaki bartnicze, herbowe, pasterskie, rybackie 531
 Ziarna oczyszczanie 1173
 Ziomber, dziomber, poziewnik, *Galeopsis*, potrawa głodowa 724
 Zręby chałup 433—435
 — na przyciesiach 433
 — lepianki 433
 — w słupy i regle 433
 Zróżnicowanie j. indoeuropejskich 187
 — j. ugrofińskich 183, 186
 Zwarnica, zentyca 713
 Związek(i) języka z kulturą 153
 — męskie 897
 Związowiny, zwycz. weselny 708
 Zwierciadło czarodziejskie 260, 652
 — saskie 1114—1119
 — Twardowskiego 652
 — weneckie 266
 Zwyczaje B. N. 917
 — doroczne i rodzinne 35
 — kantonu la Grave 968—971

Zwyczaje pogrzebowe Ruanda 977, 978
 — spadkowe 25
 — tybetańskie 89
 — żniwarskie 654
 Z
 Żarna 1104, 1105
 Żelazo 438
 Żiwopis woskowoja, (j. ros.) technika malowania 843
 Żniwa 349
 Zółć niedźwiadka morskiego, med. 656
 Żur, zur 707
 Żuraw na sierdzeniu u studni 403
 Życiorysy chłopów 11
 Żyntycy 713
 Żyto 705
 Z
 Źródła etnograficzne 61, 242—256
 — greckie i łacińskie 134—152

INDEKS ETNOGEOGRAFICZNY

CZĘŚCI ŚWIATA, KRAJE, PAŃSTWA

A f r y k a

Afryka 155, 841
 Afryka środkowa 50
 Afryka połud. zach. 45
 Afryka pñ. 973—976
 Afryka pñ.-wsch. 986
 Afryka Zachodnia i Centralna 108
 Alger 840
 Asanti (Sudan) 841
 Bantu 841
 Batuto (Bantu) 841
 Banin, państwo w Afryce Zach. 842
 Egipt 263, 685
 Gambia Afr. 845
 Kongo Belg. 976
 Kraj Basków 841
 Madagaskar 339
 Sudan 839, 974, 975, 999

A m e r y k a

Alaska 79, 840
 Ameryka 104, 840
 Ameryka połud. 50, 963—967, 1006—1010
 Ameryka półn. 49, 153—182
 Argentyna 840
 Arizona 165
 Brazylia 843, 980
 Chihuahua (prow. Meks.) 165
 Columbia 162

Guaiana 845
 Gwatemala 845
 Kalifornia 165
 Kolumbia Braz. 162
 jez. Titicaca 1010
 Venezuela 844
 Zat. Meksykańska 160
 Ziemia Bafina 159

Australia i Melanezja

Australia 102, 838, 871
 Australia pñ. 990
 Australczycy 79
 Borneo 842
 Filipiny 980
 N. Gwinea 985, 998
 Haiti 845
 Hawaika 60
 Indonezja 45
 Karoliny 990
 Marbial, pñd. Haiti 1001, 1002
 Melanezja 50, 991
 Nowa Gwinea 984

A z j a

Abchaskaja A. S. S. R. 838
 Adygejskaja A. O. 839
 Adżarskaja A. S. S. R. 839

Afganistan 841
 Alma-Atinskaja Oblast 840
 Amurskaja Obl. 840
 Armiańska SRR 835, 836
 Azerbajdżańska SRR 835, 836, 839
 Azja 839, 838
 Azja pñd. wsch. 55
 Azja pñ. i śr. 49, 980
 Azja środkowa 51, 62

Babilonia, Babylonia 260, 843
 Baszkirska A. S. R. R. 842
 Bachły (Indie Śr.) 843
 Bichari 842
 Binne 842
 Bosforskie państwo 843
 Bucharra 843

Ceylon 14
 Chiny 44, 686, 982
 Chiny zach. 50

Chorezm 890
 Czukotka 48

Dagestan 61, 839
 Morze Dankara 853

Eurazja 48

Górno-aitajska Oblast 846

Indie 44, 686
 Indie Zachodnie 844

Indochiny 55
 Indonezja 686

Iran 44

Jakucka A. S. R. R. 861

Kama 145
 Kaukaz 857, 858
 Kazachstan 840
 Kraj Zakaukaski 836
 Krasnojarsk 140
 Mohendjo-Daro 862

Oka 145

Peczora 145
 Perm 145
 Pogórze Altajo-Sajańskie 48
 Śiedmiorzecze 50
 Syberia 48, 51, 62, 840
 Syberia zach. 55
 Sybir, Syberia 59, 853, 854, 860
 (Szi-Czi) Sym-Cjanja 61
 Syr-Daria 877
 Syrtia 60
 Tybet 79, 990, 878
 Uralo-Sybir 55
 Ural 145, 146, 147, 148
 Vietnam 55, 845
 Woroneż 671
 Zabajkału rejon 48

E u r o p a

Aesti 183, 185, 191, 225
 Amphipolis (Bałk.) 737
 Albania 836, 840, 943—955
 Anglia 297, 671
 Atelkur 203
 Baczka k. Subotni 633
 Bałtyk 29, 32
 Banat 633
 Białoruskaja SSR 836
 Biała Chrobacja 244
 Białoruska SRR 842
 Białoruś 1070—1071
 Biskupin 842
 Borscewo wieś n. Donem 843
 Budapeszt 635
 Bułgaria 836, 842
 Chorwacja 633
 Chrobacja 21, 242—256
 Dania 67
 Delfinat 970—973
 Estonia 191, 192, 193
 Europa 15

Europa śr. 184
 Europa pn-wsch. 59
 Europa wsch. 183, 189

 la Ferte sous Jouarre 604
 Finlandia 190, 191, 194
 Francja 293

 Gjevgjelija Bałkany 736, 737
 Göteborg 824, 826, 831
 Gran Chaco 846
 Grecja 78, 135, 684, 685, 838
 Grenlandia 847

 Hamburg 671
 Hangö 200
 Harkabuz 626
 Helsingfors 200
 Hornacko 924
 Hucinsko CSR 923

 Imperium Romanum 56, 44
 Infanty 142, 194
 Ingermanlandia 194
 Islandia 668
 Istr 143

 Kaukaz 51, 151
 Kijowszczyzna 144
 Kokenhusen 196
 Koldynga, Goldinges 198
 Kraje nadbałtyckie 51
 Kurlandia 194, 197, 198

 Letgale 196
 Libawa 197
 Lipsk 20
 Litwa 142
 Lund, Szwecja 824, 827
 Luptów, Spisz, Orawa 636
 Lwów 30, 31, 32, 27, 12, 18, 21,
 22, 24
 Łotysze 193, 197
 Łużyce 1048—1051

Majotis (M. Azow.) 144
 Mitawa 197
 Moskwa 67, 188, 189, 198

 Neuryda 141
 Niemy 270
 Nizina Zadunajska 633
 Norwegia 194, 668, 671
 Nowogród W-ki 190, 196, 203, 206,
 208
 Norymberga 271, 275

 Obszar Nadamurski 51
 Orania 636

 Państwo Bizant. 140
 Pepenie pow. Szawle 700
 Petersburg 194
 Podnieprze 137
 Podole 149
 Polesie 34, 139, 143, 144, 219
 Polska (p. str. 1445) 15, 21, 22, 23, 139
 Portugalczycy 56
 Prusy 142
 Psków 198

 Rosja środkowa p. ZSRR. 189
 Rumunia 633
 Ryga 183
 Rzym 684, 685

 Saragossa 256
 Scytia 141, 143, 135, 136, 148, 150,
 151
 Selencia 197
 Siedmiogród 143, 203, 633
 Skandynawia 48, 204, 211, 1136—1166
 Słanica G. O. 628, 629, 630, 632
 Slavonia 633
 Słowacja 514, 626—634, 1048—1050
 Słowiańszczyzna 247, 678
 Spisz 633
 Strażnicko 924
 Sudety 484
 Szlezwik 671
 Sztokholm 824—831

Szwajcaria 209
 Szwecja 824—831

Toropiec 198
 Tracja 737
 Treblinka 753
 Turcja 878
 Twer 189

Ukraińska SRR 835
 Ukraina 137, 138, 200
 Upsala 824, 826, 831

Villafranca del Panades, Katalonia
 648

Westrup w Westfalii 667, 670
 Węgry 626, 627, 633, 836
 Wielka Chrobacja 244
 Włochy 20
 Wołyń 144, 149, 665
 Wyler, wieś Szwajc. 648

Zemgale 196
 ZSRR 45, 51, 833—849, 1109—1135
 Zubrohlawa 628, 632
 Żelazny Ujazd CSR 462
 Żmudź 139, 197, 656

Polska

Andrychów 627, 629, 634
 Babki 345
 Baczków k. Bochni 12
 Bańsko 636
 Bębynek W. 478
 Bęczyn przedm. w Urzędowie 611,
 612
 Biadoliny Szlacheckie 449
 Biała wieś, pow. Płock 548
 Biała p. Prudnik 614, 615
 Biecz 8, 15, 22
 Bielczarowo, Sąddeckie 467
 Bielowa Pilzn. 474
 Biskupice 362
 Biskupin pow. Żnin 667, 668, 669

Bobrów 628, 629, 632
 Bochnia 10, 12, 700, 706
 Bogusza, Sąddeckie 467
 Bronisław k. Strzelna 588
 Brwilno pow. Płock 550, 548, 549
 Brzesko 16
 Brzezie 345
 Brzozowski klucz 342
 Budrów pow. Wadowice 701
 Buk Wkpl. 342—438
 Bukowina 626, 703—727
 Bydgoszcz 552—554
 Bystra 566
 Bystre Stare 632
 Bystrowice Przeworskie 469

 Chełpowo pow. Płock 549
 Chochółów 635—638, 703—727
 Chorzów 616, 617
 Chrobrze 564
 Chrośnica, Zbąszyń 541, 542, 543
 Chrosno k. Kruszwicy 592, 599, 603,
 605, 608
 Chrzanowski pow. 20
 Chumietki 364
 Chyżna 632
 Ciążen Wkpl. 342—438
 Ciche 703—727
 Cieszyn 614, 619—625
 Czarny Dunajec 627, 703—727
 Czechnica obok Wrocławia 449
 Czerwieniec 561
 Czewujewo wieś w Wkpl. 539
 Czukiew, Czystki 488

 Dawidek W. 462, 479
 Dąbrowa Tarn. 700
 Dąbrowice woj. Lubelskie 474
 Dąbsko 349
 Dobieżyn 344
 Dolsk Wkpl. 324—438
 Dożyca Sanockie 467
 Domaniewo 344
 Działisz Podh. 632

Dziedzice 364, 382
 Duszniki 344
 Dzwonina Pilzn. 474
 Faściszowa n. Dunajcem 702
 Gać 488
 Gdańsk 517, 678
 Giecz 669
 Glinik pow. Jasło 467, 472
 Główno 345, 416
 Głuszyna 344
 Gniezno 699
 Gorcze wieś 35
 Goszczewo pow. Nieszawa 550
 Góry przedm. Urzędowa 611
 Grabiny 753
 Grębków 420
 Grodzisko pow. Łańcut 512, 513, 516
 Grodzisk Dolny 485, 492
 Grodzisk G. 495
 Grodzisko miasteczko 493
 Gubałówka 704
 Gwizdary gm. Łochów 752, 753
 Hamry 633
 Handzlówka, Husów 488
 Iłża 518—529
 Inowrocław pow. 584
 Jabłonka 631, 632
 Jabłonków Bes. 441, 614—625
 Jaczew 753, 754
 Jankowice pow. Oławski 669
 Jedlnia 519
 Jeleśnia pow. Żywiec 560—582
 Jemielno 384
 Kalisz 669
 Kamień Pom. 517
 Kaszów wieś krak. 473
 Kąty 364
 Kieleckie 31, 701
 Kielczew 753
 Klin 632, 633
 Kobieliów Ż. 562
 Kobierniki pow. Płock 548
 Kobyle pow. jasielski 467
 Kokoszczyń 349
 Kolczyno płockie 549
 Kombornia 25, 487
 Komborska Wola 474
 Komorniki 347, 419
 Komorowo pow. Szamot. 668, 669
 Konojad 344, 345, 385
 Koprzywnica 467
 Kosina 488
 Kossowo 349
 Koszanowo 344
 Kotowo 382
 Kotunia 398
 Koziegłowy 349
 Kozłów Biskupi 354
 Koźle S. 614, 615
 Kraków 7, 8, 12, 14, 16, 17, 18, 21,
 20, 22, 27, 637
 Krauszów Podhale 448
 Krerów 347
 Krobia Wkpl. 342—438
 Krościenko Wyżne 515
 Kruszwica 591
 Kukały 399
 Kulkowo Podlaskie 753
 Kuźnice 706
 Laskowo 345
 Leszno Wkpl. 459 642
 Leśnica pow. Lubliniec 669
 Leśnica pow. Strzelce opolskie 614,
 615, 616
 Leśnagóra 420
 Leżajskie Starostwo 519
 Limanowa 7, 17, 20
 Lipki 753, 754
 Lipnica 628, 630, 631, 632
 Lisice 398
 Lubcza pow. pilzneński 472

Łapczyce k. Bochni 12
 Łaskarzew 344
 Łętownia 515
 Łojewo pow. Inowr. 589
 Łojki 753
 Łowień 350
 Łowicz 8, 23, 34
 Maniowy 706
 Markowa 488
 Maruszyna
 Maszkienice pow. brzeski 7, 8, 16,
 17, 19, 22
 Mikuszevskie przedm. 611
 Milówka 560
 Minikowo k. Poznania 348
 Młodziejewo Wkpl. 342—438
 Młynkowo 363
 Mogileński pow. 584
 Morzyczyn 753
 Mrozowa Wola 753
 Mrowino 345
 Namiestów 626, 630, 632
 Nawsie wieś 440, 441, 483
 Niedźwiedź 445
 Nowosielce pow. Przeworsk 513
 Nowy Targ 635—638, 706—727
 Ociężta Podh. 752, 753
 Okonin pow. ropczycki 12, 478
 Olbrachtwice pow. wrocł. 669
 Opole 614, 670, 678, 699
 Orawa G. 626—634, 703—727
 Orawka G. O. 628, 632
 Osada 632
 Ostrów Szl. k. Bochni 70, 702
 Ostrów Tumski 348
 Oświęcim 563
 Pabianice 1037, 1040
 Pantalowice 469
 Pcim k. Myślenic 700, 702, 475
 Perla 449
 Pietrzykowie 560
 Pięczkowo 349
 Pilczyn 360
 Pilsko 630
 Płatkownica, Podlasie 752, 753
 Płock 547, 549, 550
 Płóciennikówka rola 631
 Podrzewie 347, 420
 Podwierzbie 346
 Podwilk, G. O. 626
 Pogwizdów k. Bochni 12
 Polanowice pow. Gubin 669
 Ponikiew 563
 Porąbka pow. Żywiec 557
 Poznań 27, 29, 31, 342—438, 667, 669
 Prawda 344
 Prostyn pow. Węgrów 747, 748, 752,
 753, 754
 Przeginia pow. Olkusz 701, 702
 Przybroda 345
 Pszczew 342—438
 Ptaszkowa 474
 Puńców, Cieszyńskie 480
 Racibórz 614, 615, 616, 617
 Radom 519, 520
 Radziechowy 560
 Rankowskie przedm. Urzędowa 611
 Ratoszyn 612
 Rawa 342—438
 Relowa pow. Brzesko 702
 Rybniki pow. Brzeski Śląsk 669
 Sadoleś, Sadowne 752, 753
 Samarzewo 416
 Sandomierz 520, 654
 Santok 699
 Sereźnice Bliższe, wieś 527
 Sękowo 347
 Siemianowice 614, 616—625
 Siłna 350

Słotowa star. pilzn. 474
 Sarna 626
 Skandle pow. Busko 701
 Skalne Podhale 703—727
 Skarboszewo 345
 Sobienie 346, 350
 Scchaczew 342—438
 Sójków 753
 Sokółów 753
 Sokółka 753
 Solec 368
 Sosnowiec pow. Srem 669
 Stara wieś 448
Na Starym, huta 729
 Stepanów 632, 633
 Stoczek 752, 753
 Stoki 350
 Stołuń 362
 Strzegocice st. pilzn. 474
 Strzeliński pow. 584
 Strzelno 602
 Sucha 475
 Szaflary 706
 Szamotuły 1058—1060
 Szarlej Śląsk 669
 Szczawnica Wy.na, Niżna 728—735
 Szczecin 605
 Szczonowa pow. Jarocin 669
 Szczytniki k. Krakowa 468
 Szumecza 453
 Ścinawa, pow. Wołów 6, 24
 Ślesin 348
 Śmiłowska Rzeka wieś Śl. Cieszyń-
 ski 480
 Świder 415
 Tarnów 8, 344
 Tarnowo 345
 Toruń 26, 512, 513
 Trzebiechów 350
 Trześniowa 473
 Tuczępy Małop. 702

Ujsoły 567
 Umienino pow. Płock 548
 Urzędów 611—612
 Uście 626, 632—633
 Ustrzyki Dolne 514
 Wadowice 563
 Wawreczko W. 632, 633
 Wędrynia, Beskid 480
 Węgierska Górka 560, 565
 Węgrów Podlaski 652, 746—754
 Wielgie-Topór, Podhale 752, 753
 Wielki Sławsk 585
 Wierzbocice 364, 418
 Wilczyna 366
 Winnagóra 342—438
 Witowo 347
 Wolin Pom. 517
 Wólka Łaskarzewska 357
 Wólka Pozn. 411
 Wrocław 379, 382
 Wrocław 26, 669
 Wtunek Wkpl. 462
 Wyszaków 753
 Zabłocie pow. Żywiec 558
 Zajezerze 438
 Zakopane 15, 30, 440, 703, 706, 707—
 727
 Zakościelne 611
 Zalipie pow. Dąbrowa Tarn. 700, 702
 Ząb 702
 Złaków Kościelny 34
 Złotki Podl. 752, 753
 Złotniki Kujawskie 593, 597
 Zubrzyca G. Podhale 703—727
 Zubsuche 706
 Zbików Mazow. 348
 Zmłaca 7, 17, 18, 19, 20, 440, 477
 Żołynia 490
 Żywiec 627
 Żywiec Stary 560

ELEMENTY FIZJOGRAFICZNE

Góry

Karpaty 20, 202
 Kaukaz 200, 203
 Kotlina Spisko-liptowska 704
 Ural 202, 203

Azowskie M. 203
 Bałtyk 190, 191
 Białe M. 208
 Czudskoje Oзеро 193
 Ładoga 210
 Michigan 164
 Onega 191
 Pejpus 192
 Pont 151
 Pskowskie 192
 Wielkie Jez. 164, 165

Rzeki, oceany, zatoki,
wyspy

Abawa 198
 Amur 48
 Boh 143, 145
 Borystenes Dniepr 136, 143, 151
 Bug 136, 137
 Cisa 202
 Dniepr 136, 137, 143, 144, 148, 150,
 203, 207, 208
 Dniestr 143, 154, 148, 150, 203
 Don 145, 147, 148
 Dunaj 143, 149, 202
 Dźwina 195, 196, 197, 208

Hiwasee 169
 Hypanis-Boh 143, 148, 150
 Jenisej 140, 205
 Jowa 164
 Kama 51, 203
 Maris, Marosz 143
 Missisipi 162, 164
 Missuori 162
 Nass 162
 Niemen 184, 194
 Nur 137
 Odra 141
 Oka 205
 Pieczora, Peczora 51, 63, 203
 Porotwa 217
 Prypeć 136, 137
 Skeens 162
 Tanais-Don 144
 Tenessee 169
 Tyras 143, 150
 Wenta 198
 Wołga 51, 144, 145, 151, 188, 189
 Ocean Atlantyczny 164, 166
 Oceania 102
 Zalew Kuroński 198
 Zatoka Fińska 193, 194, 195
 Zatoka Hudsona 164
 Zatoka Kandalax 204
 Zatoka Ryska 101
 Wyspy Aleuty 840
 Wyspy Andamańskie 840
 Wyspy Triobrand 104
 Wyspa Faröer 668
 Wyspa Ozylia, Oesel 188
 Wyspa Runö 191, 209

ELEMENTY FIZJOGRAFICZNE W POLSCE

Rzeki

Bug, Narew 531
 Bzura 415

Dunajec 32
 Noteć 593
 Odra 449
 San 24

Sola 558
Warta 414, 531
Wisła 448, 22, 141
Wisłok 515

Góry, doliny, puszcze
Babia Góra 630
Beskid 514, 626, 704
Beskid Żywiecki 555—582
Góra Jarmunt 729
Marynkowe Wzgórze n. Wisłokiem 515
Patria, wzgórze 515
Rohacze 514
Staszowa Góra 729
Tatry 29, 32, 514

Dolina Nowotarska 704
Dolina Raby 626
Dolina Sanu, Wisłoka 512
Dolina Skawy 626
Dolina Soły 626
Dolina Warty, Wisły i Sanu 700
Kotlina Orawsko-nowotarska 704
Lasy Iłżeckie 521
Pojezierze Mazurskie 136
Pole „miastowe” 612
Puszcze karpackie 556
Puszcza Kozienicka 519, 520
Puszcza Kurpiowska 519, 530, 535
Puszcza Radomska 519
Puszcza Wyszowska 530—537

GRUPY I PODGRUPY ETNICZNE

Szczepy, plemiona, ludy, narody

Abaziny 836
Abińcy 836
Abipony 836
Abchazowie 836, 867, 868
Adygejcy 837
Adżarcy 837
Agartysowie 143, 148
Aguly 837
Ajnowie 889
Alanowie 151, 203
Albańczycy 838, 941—953
Aleuci 49, 79
Alidzonowie 143
Altajcy 62, 838
Anchetowie 150
Andamańczycy 838
Androfagowie 143, 148
Antowie 838
Amchary 838
Apacze 838
Arabowie 886, 971
Araukańczycy 838

Arowie, Arinowie 140, 141
Aryjczycy 838
Atapaskowie 839
Australczycy 42, 125, 126, 994
Awarowie 43, 203, 836, 903
Aymara 961—965, 1008, 1009
Arawakowie 838
Azerbajdżańcy 837
Azande 837
Aztekowie 839
Baganda 839
Bagirmi 838
Bagulaly 839
Bakairi 839
Balunda 839
Bałtyjskie szczepy 183, 839
Bałtowie 142, 183—241
Bantu, Semi-Bantu 156, 839, 982
Barongo 839
Barotse 839
Baskowie 839

Baszkirzy 203, 840
Bečuani 840
Beduini 840
Bengalowie 840
Berberowie 840
Besermianie 840, 890
Białochorwaci 840
Białokraincy 840
Białorusini 840
Birmańczycy 55
Bizarini 840
Bizantyjczycy 140
Bobrowianie 633
Boikin 985
Bororo 978—979
Botokudzi 841
Bretończycy 841
Brytowie 841
Budinowie 134—148
Bułgarzy 43, 202—206, 840, 884, 901
Burgundczycy 841
Buriaci 45, 49, 841, 903, 906
Burowie 841
Burtasy 841
Buszmeni 825, 841, 992
Chakasowie 49, 907
Chantowie 55
Chorwaci 63
Celtoligurowie 140
Celtowie 15, 44, 80, 94, 673
Celtoliberowie 140
Cyganie 61
Czeremisi 191, 204, 985
Czerkiesi 839, 856
Czudowie 208
Czucze 45—60, 906
Czuwasze 202, 204, 851, 890
Damarowie 844
Dieri 979
Dołganowie 907
Dragowicze, Dregowicze 63, 206

Drewlanie 142
Dunganie 50
Emi, Em 63
Eskimosi 59, 159, 202, 906, 907, 908
Estowie 51, 142
Estończycy 185, 192—195, 209
Etruskowie 44, 54
Ewenkowie - Tunguzi 851, 853—859, 901, 906, 907, 908
Finowie, Fenni, Finnoi, 185—196, 142—148
— nadbałtyccy, 183—241
— nadwołżańscy 189
Gagauzowie 843
Gajda 843
Gajduki 843
Gallowie 843
Gandza 843
Gaučo 843
Gebry 843
Gelonowie 145
Gendy 846
Germanie 15, 44, 189, 192, 844
Germinoni 61
Gilacy, Niwchowowie 844
Goci 196, 844
Goldowie 844
Gołędzinowie 217
Grecy 44, 137, 140, 246, 946
Grenlandczycy 49
Hanacy 843
Hawajczycy 843
Hellenowie 261
Hiszpanie 140
Holendrzy 844
Hunowie 43, 61, 203
Huronii 77
Ilirowie 56

- Indianie 43, 962—965, 985, 986, 1004, 1008
 Indogermanie 100
 Ingewoni 61
 Inkowie 1008
 Irokezi 43, 77, 164—166, 868
 Isnegowie 978 983
 Istewoni 61
 Italikowie 56
 Itelmeni 906
 Jadźwingowie 197, 217, 228
 Jakuci 45, 49, 56, 60, 851, 859, 907
 Jazgulemcy 878
 Juczi 169—182

 Kabardyńcy 862
 Karakałpacy 62, 848, 888, 897, 898
 Karaja 978, 979
 Karelczycy, Karełowie 187, 190, 899
 Karowie, Karejczycy 80
 Kazacy 62, 844
 Kirgizi 62
 Komi 45, 59, 63
 Komizemcy 51
 Koreańczycy 906
 Koriacy 49, 60, 906
 Kozacy 62
 Krywicze 195, 206
 Kubaczyńcy 61, 896, 897
 Kumandyńcy 890
 Kurowie, Cori 197, 217
 Kurykanie 852

 Lachy 8
 Lapończycy 183, 201, 668, 986
 Lamuci 906
 Lepchowie 988
 Litwini 51, 139, 198, 209, 213
 Liwowie 51, 187—198
 Lud Boikin, — Wawaek 985
 — Bororo 978—79
 — Wilkane 983

 Ludność Unii Pol.-Afrykańskiej 884, 885
 Ludy fińskie 184
 — irańskie 189
 — Kaukazu 1124—1127
 — Khasi 981
 — nadwołżańskie 1124—1127
 — samojedzkie 48
 — słowiańskie 57
 — Syberii 45—49
 — tiurskie 48, 56
 — tunguskie 47, 48
 — ugrofińskie 185
 — Wołgo-Kamia 48
 Lykijczycy 78, 86

 Lotysze 51, 142, 209, 217, 234

 Madziarzy 43
 Mantowie 49
 Mansi 49, 55
 Maryjcy 866
 Melanchlajnowie 143, 148, 204, 205
 Merianie, Mehrens 188
 Meszczeriaczy 205
 Mikulaszanie 636
 Mołdawianie 56, 867
 Mongołowie 204
 Mon-Khmer 55
 Mordwini, Mordens 188—205

 Nanajcy 49
Narody ZSRR 843, 847
 Nawaje 59
 Neńcy, p. Samojedzi 51, 59, 60, 851, 907
 Neurowie 134—152, 183, 207
 Nerwiowie 136, 150
 Nganasanowie, 906, 907
 Niwchowie, p. Gilacy 49

 Oestrymnijczycy 140
 Oguzy 851

- Omogoja 60
 Orawiaczy 629
 Ormianie 840
 Ostiaczy 202

 Papuasi 42
 Permiacy 63, 204
 Persowie 144
 Pieczyngowie, Peczeniegi 140, 149, 202, 203, 851, 875
 Pima 59
 Plemiona: Bamangwato 860—861
 — chamickie 80
 — Dul-Dol 852
 — Dzelalawand 878
 — Hupa 165
 — Huron 165
 — Indian 153, 182
 — Kilen, Kimo-Kima, Kure 852
 — Mohawk 165
 — Onondaga 165
 — Seneca 165
 Polanie 63
 Polinezyjczycy 60
 Połowcy 140
 Połtawianie 206
 Protosłowianie 141
 Prusowie 185, 209, 905

 Quiche 855

 Romanie 15
 Rosjanie 196
 Rzymianie 43, 56, 137, 246, 262

 Sagalibowie 146
 Samojedzi, p. Neńcy 47, 201—204
 Sardyniczycy 56
 Sartowie 60
 Sauromaci 144, 148
 Scytowie 138, 143—148, 189
 Sefes 140
 Sele, Seleni, Selenowie. 196, 217

 Serbowie 139, 141, 151
 Siewierzanie 63, 142
 Siuxowie 159—162
 Słaniczanie 633
 Słowacy 626—634
 Słowianie 15, 57, 134—152, 188, 191, 196, 242—256, 1014—1019
 Słowienie nowogrodzcy 195
 Sojoci 205, 890
 Suomi 186—188
 Szczep Amuesha 1003
 — Ba-Yaka 987
 — Bikom'994
 — Campa 1003
 — Mailu 996
 — Murutow 993
 — Koita 996
 — Nuer 996
 Szeklerzy 203
 Szorcowie 56, 851, 890
 Szwedzi 209

 Tadżykowie, Tadżyki 844, 848
 Tagusy 60
 Tai 55
 Tatarzy 515, 516, 890, 896, 907
 Taurowie 148
 Teleuci 890
 Trakowie 56
 Trstenianie 636
 Tuaregowie 973
 Tubalarzy 890
 Tuje 980
 Tunguzi 851, 852, 907
 Tupi 978, 979
 Turcy 56
 Turkmeni 56, 62, 848
 Tuwińcy 48, 56
 Tybetańczycy 876
 Twerycze 190—210

 Udmurtowie, Udmurci 48, 840, 898, 908—912

Ugrofinowie 185
Uzbegy 62, 848, 860
Uzowie 140

Vachancy, Tadżycy 842
Venetowie 137

Wagry 841
Walijczycy 842
Walonowie 56
Wałasi 841
Wandalowie 842
Waregowie 842
Weddowie 14, 112, 125

Wenedowie 842
Węgrzy 202, 842
Wiatycze 843
Wielkorusi 139, 142, 195, 196, 842
Wikingowie 191, 197
Wizygoci 842
Wogułowice, Woguli 202, 842
Wołyniacy, Wołynianie 206, 843
Wotiacy, Wotiaki 139, 146, 147, 203, 204, 843
Wotowie 194
Zyrianie 146, 147, 202—204
Zubrohławcy 633
Żydzi 17, 877 878

Polskie grupy etnograficzne i regiony

Górale 8
Górale Szczawnicki 728—735
Górale Tatrzańscy 31
Górale Żywieccy 627
Łasowiacy 1056—1058
Lipniczanie 633
Podhalanie 714
Rzeszowiacy 1056—1058
Galicja 10, 17, 18, 20, 22, 24
Kieleckie 654
Kujawy 583—610, 1176—1178
Kurpie 11, 519
Lubelskie 457
Łowickie 821
Małopolska 7, 15, 18, 20, 242, 256, 445, 448, 457
Mazowsze 24, 340—438, 462, 519, 527
Mazowsze Północne 546—551
Orawa 29

Podhale 12, 29—32, 79, 81, 83, 627, 632, 635—638, 703—727, 1038—1041
Podhale Skalne 29, 32
Podlasie Zachodnie 746—754
Pomorze Zach. 821
Rzeszowskie 654
Sandomierszczyzna 701
Śląsk 454, 462, 613—625, 670, 1049—1053
Wielkopolska 22, 24, 340—438, 642, 645, 1056—1068
Ziemia Chełmińska 24
Ziemia Lubuska 453
Ziemia Łowicka 35
Ziemia Odzyskana 22
Żywiecczyzna 555—582

INDEKS OSOBOWY

NAZWISKA LUDOWE, MIESZCZAŃSKIE I INNE *

Adamczyk W., chłop 730	Kalorczykowie, drelicharze 630
Baca Wiktorina, inform. 701	Kamiński Wojciech, chłop 589
Bernasiuk W., rolnik 748	Kapłon Maria 706, 714
Borowski, kowal 752	Kawalec Józef, chłop 527
Buczków rodzina 630	Kępa W., drukarz 616
Byrtek Jan, chłop 627	Kleczał Antoni, chłop 529
Cholewka drelicharz 630	Klinowscy, rodz. 630
Ciesielki 728	Kłos 729
Dafczykowie, kupcy 633	Kohuthów, rodzina 630
Dobosz Mateusz 527	Kompanikowie, rodz. 630
Dzierlatka, Antoni, Jakub, Józef.	Konwa Stach — kurp. 11
Wawrzyniec 526	Kościółpowie, rodz. 630
Dziubkowie, blicharze 631	Kozak Ignacy 631
Galasów rodzina 630	Kubicowscy, rodz. 633
Galasowscy, kupcy 633	Kula Tomasz, góral 722
Gazda (Gwiżdż Feliks) 726	Kupczyk Adam i Ignacy 631
Giądło, blicharz 631	Kurek Błażej i Paweł 526, 527
Gozdół Marcin, chłop 611	Lipowski, blicharz 631
Gralec Adam, chłop 527	Liska Stanisław 637
Hajcar, Shomer Somer 729, 730	Machajcok Jan 636
Herma, drelicharz 630	Majoreczkowie, rodz. 728
Jałowiec przyd. 728	Malinowscy, rodz. 728
Jan, owczarz z Malic 554	Mańkowski A. 540
Janoszek Grzegorz 627	Marek Kizimierz 526
Jura Albin 627, 633	Marek Tomasz, chłop 526
Jura, drelicharz 630	Masny Wojtek, góral 637
	Mastalscy, rodz. 728
	Michał, owczarz z Rozpędka 554
	Michał, owczarz z Dobieszewa 554
	Michniok Józef 636, 637

* Zestawienie przydomków górali szczawnickich — na str. 730—735

Mikuł 798
 Misiaga (Salomon) 728
 Moskwa Wojciech, chłop 536
 Mrugała Maria 706, 714, 723, 724
 Murin Antoni, Maciej, kupcy 630

Napierski-Kostka 1040—1046
 Nieuczyk Sebastian, chłop 527

Obrochta Bartuś 30, 31
 Obrochta Jacenty 635
 Odrobiniacy, rodz. 630

Pacek Feliks, chłop 526
 Pawelec Kazimierz inf. 711
 Piecyk 729
 Pielche Michał 543, 545
 Pilchowa Wanda inf. 631
 Piotr, owczarz z Siernik 554
 Piotrowski, drelcharz 630
 Pojtków rodz. 630
 Podgórna 729
 Prebicz Johan, młynarz 543
 Pryciak Wojciech, chłop 527
 Przewoźny Piotr 749
 Pypla, przyd. 728

Sabsa Adolf, kowal 752
 Sakulczykowscy, kupcy 633
 Serwatowski, kowal 752
 Siwiec Walenty, Adrian, chłop. 526
 Skarpetowski Lucjan i Tadeusz 748, 749, 754
 Skiba Adrian, Szymon, Franciszek, Mikołaj, Maciej, chl. 526, 527

Skwara Rozalia 616
 Skwara Józef, chłop 616, 625
 Skyćak Ferek 630, 633
 Słowiki 728
 Sobotka S., rolnik 747
 Spadło Franciszek 527
 Stepanow, rodz. 670
 Styk Jan, chłop 527
 Szalay Józef 729
 Szambera Adam, chłop 528, 529
 Szeffler Krzysztof, Wojciech, owczarze 543, 545
 Szulc Marcin, owczarz 544
 Szymalczykowie, drelcharze 630
 Telczak Jan, 627
 Ulmic Jan, Michał, owczarze 543, 544, 545
 Węglarze 728
 Wicik Franciszek 528
 Wieczorek Józef, płóciennik 635
 Wiercioch, G. S. 725, 729
 Włoszakowie, rodz. 630
 Wnek Jan, kupiec 630
 Wojciechowski, kowal 752
 Wojcieszek Bartłomiej, inf. 702
 Wojtyła Apolonia 700

Zachwieja 728
 Zając Jan, Omielarz, góral 709, 723
 Zgaga Stanisław, chłop 529

Żiśkowie 611
 Żyszkiewiczów rodzina 611

INDEKS AUTORÓW

Abraham W. 242
 Adelung J. Ch. 78, 302
 Agrippa Korneliusz z Nettesheim 275
 Ajdukiewicz K. 665

Askimowa M. S. 891
 Albisetti C. 984
 Alechin W. W. 145
 Aleksandrow B. 876
 d'Alembert 831

Alminauskis W. 220, 239
 Aleša M. 915
 Amnianus Marcellinus 136, 137, 150, 222
 Andriejanov B. W. 884, 886
 Anisimow A. F. 110, 853, 854, 903, 908
 Antoniewicz A. 33
 Anučin D. N. 889
 Antti Aarne 781
 Arcichowskij A. V. 889
 Arciszewski A. 839
 Archutowski S. 108
 Armon Witold 889—908
 Arnold St. 439, 1029—31
 Artamonow M. A. 111
 Ashmole Elias 306
 Atkinson W. W. 258
 Aubrey 328
 Aufenanger H. 983
 Awerkiewa I. P. 892
 Avicenna (Abu-Ali-ibn-Sina) 656, 657, 848
 Avien R. F. Avienus 139, 140

Babachanov I. 877
 Bach A. 809, 810, 812
 Bachofen 66—133, 255
 Bachulski A. 519
 Bader O. 866
 Baissac J. 297
 Balaša E. 968
 Balcer O. 242, 439, 446, 450, 853
 Baldock Radulf 298
 Baliński 256
 Bang W. 140, 152
 Barabasz S. 716, 726
 Baran L. 968, 919
 Baran Władysław 12
 Baranowski Bohdan 515, 516, 538—545, 1031—1035, 1096
 Baranowski I. T. 344 473, 564, 1029
 Barbroocke W. Grubb 337

Bardach 446
 Barrance Małgorzata 312
 Barrett F. 322
 Barth Frederik 995
 Bartsch Karl 288, 291
 Bartucz L. 202, 239
 Bastian A. 97, 98, 255
 Batchelor J. 697
 Batorowicz Zdzisław 1103
 Baudoin 255
 Baumann F. 743
 La Baume W. 239, 668
 Baumgart Richard 746
 Bebel A. 98
 Becquart Maurice 974
 Beebe W. 739
 Behm H. W. 741
 Al Bekri 230
 Bekker Baltazar 311
 Bekwark 28
 Belicer V. N. 48, 890, 898, 908—912.
 Bell E. 297 1046
 Benedykt Polak 1035
 Berg Gösta 827
 Berg L. 863
 Berger H. 20
 Bernacki Ludwik 257
 Bernard 456
 Berndt R. M. 979
 Berndtowie R. M. i C. H. 980, 988
 Bernhöft F. 92, 98, 100
 Bernouilli Carl A. 325
 Bernsztajn A. N. 888
 Bertels E. E. 951
 Berthop J. 974
 Bessmer Julius 257
 Besterman Teodor 258, 292, 293, 307, 309, 316, 333, 334 338
 Bielski Marcin 651, 659
 Bieniarzówna Janina 475, 1041—1044
 Biernacka Maria 1103, 1104
 Birlinger A. 297
 Bisch Paul 970

Bieszczanin M. 1205, 1206
 de la Blache Paul Vidal 811
 Blackstone W. 78
 Blajda Czesław 700
 Blaszyński Wojciech 638
 Blese 239
 Blessington Lady 323
 Blinov A. I. 892
 Bloch 146
 Blomkwist E. 868
 Blumówna Helena 1205
 Blümmer 673
 Błazczyk Stanisław 1178—1183
 Boas F. 162, 163, 165, 169, 170, 171.
 179, 336, 840
 Bodin Jan 76, 276, 295
 Boehm E. 447, 448, 450, 452, 453
 Bogoraz-Tan W. 840, 858
 Böhm F. 259, 300
 Böhm J. 927, 929
 Boissard E. 295
 Bojan 841
 Bojarsk J. 1085
 Boriskovskij P. I. 905
 Bornemann F. 983
 Borocco Herman (Paulinus von Loe-
 rach) 988
 Bosma B. 77
 Bossuet J. B. 76
 Bouček V. 919, 922
 Bourke J. G. 336
 Bovet P. 742
 Brandes 255
 Brandt Karl 670
 Brandwajn Rachmiel 1094—1096
 Braun A. 519
 Breuil H. 985
 Briffault R. 106, 108
 Brinton D. G. 335
 Broda Józef 555—582
 Brodnew M. M. 851
 Broniewskij S. 856

Browne T. 294
 Bröger A. 671
 Le Brun Pierre 328
 Brunhes Jean 811
 Bruozis A. 905
 Brückner Aleksander 221, 239, 464,
 1020—1023, 1029, 1045
 Bujak Franciszek 7—26, 242, 439,
 440, 447, 556, 726
 Budanov Władimirski 852
 Buga Kaz. 229, 231, 234, 236, 223, 195,
 217, 239, 241
 Bunak V. 873, 875
 Burchard Przemysław 701, 702,
 746—754
 Burgman A. 983, 988
 Burian E. F. 919
 Burszta Józef 439—498, 530—537,
 726, 1044, 1045, 1049—1053
 Buschan G. 695, 696
 Busłajew F. I. 93
 Butinov N. A. 855, 869, 900, 901, 902
 Butler A. 333
 Butler Samuel 310
 Buytendijk F. J. J. 745
 Bůžkova J. 921
 Bücher K. 20
 Byg Wilian 298
 Bykowski L. J. 1010
 Bystroń J. S. 654, 773, 810
 Cagliostro 296
 Camerarius Joachim 276
 Cardanus Hieronimus 268, 275
 Carus F. A. 79
 Casaubon Meric 306
 Cassiodor 220
 Castren A. 141
 de Castro Christoph. 328
 Celtis Konrad 270, 271
 Chaloupecký V. 550
 Chałasiński Józef 485, 490
 Chałubiński T. 555, 707

Chan-Mahomedow S. 861, 888
 Chapple E. D. 109
 Charcot 297
 Charuzin N. N. 100
 Chełchowski K. 722, 726
 Chełmińska J. por. Świątkowska 33—
 35, 109, 1096
 Cheron G. M. 693
 Chętnik Adam 519, 1084
 Chmielowski Benedykt 655, 657
 Chodakowski Zorian D. 666
 Chomętowski W. 480, 557
 Chomiński 27
 Chotek K. 817, 920
 Chybiński Adolf Eustachy 27—32.
 1083, 1087
 Cimochoowski Wacław 941—953
 Ciolek Gerard 460, 1084
 Ciszewski Stanisław 111, 107
 853, 1034, 1101, 1164
 Clark M. C. 993
 Cochet J. B. D. 294
 Ch. Le Coeur 974
 Cohen M. 698
 Collin de Plancy J. 294
 Condorcet 78
 Cook Taylor W. 79
 Coon C. S. 109
 Cooper 1006
 Cosentini F. 106
 Crecelius W. 289
 de Crequi-Monfort Georges 961—
 965
 Csorba 1089
 Cybulski Napoleon 726
 Campbell A. 989
 Cuenot R. P. 973
 Cumberland P. 76
 Cunow H. 100, 101
 Curle Adam 997
 Curtius E. 92
 Czernecki-Walek 25
 Czarnowski Stefan 33, 496

Czarnowsky O. 471
 Czasznicka Zofia 789, 1202
 Czeboksarow N. N. por. Čeboksarow
 38, 42, 44, 46, 47, 50, 52, 54, 55, 58,
 64, 59, 60, 61, 63
 Czekanowski Jan 183—241, 895, 1010,
 1011, 1012
 Czerniecowa W. N. 55, 60
 Czerny-Schwarzenberg 14, 20
 Cziczeryn B. N. 81
 Czubek Jan, 12, 440
 Ćuryc V. 990
 Čeboksarov N. N. 891, 900
 Černecowa V. N. 892
 Černy W. 924
 Dal Wł. 139
 Dalton 309
 Damborsky Jiří 914—930
 Dargun L. 92, 98, 1019
 Darwin Ch. 91, 742
 Daszewski I. S. 885
 Daszyńska-Golińska Zofia 726
 Dawidek V. 451, 922
 Davidson J. 293
 Dayr A. 94
 Dąbkowski 242, 518, 650
 Debec G. F. 838, 852, 906, 892, 894,
 895
 Dee John 265, 284, 286, 302—310
 Defrance E. 295
 Dekowski Jan Piotr 499, 1195—1197
 Delatte Armand 259, 267, 324
 Delbrück U. B. 100
 Delbrius Martinus 275, 295, 328
 Dembowski Jan 116, 742
 Deresiewicz J. 324, 463
 Dessoir Max 258
 Diderot 831
 Diefenbach 248, 249, 255
 Dietrich Albrecht 263
 Długosz 659, 662, 666
 Długopolski 416

- Dmochowski W. 665
 Dobriakow A. W. 80
 Dobrowolska A. 1046—1948, 1088
 Dobrowolska M. 439, 816
 Dobrowolski Kazimierz 24, 439, 445, 447, 448, 449, 451, 457, 700, 705, 706, 709, 726
 Dolgich B. 841, 893, 894, 903, 907
 Dombrowski E. 520
 Dopsch A. 1017
 Dorneus Gerardus 278
 Dottin G. 140
 Doulté E. 333
 Driver H. E. 983
 Drozdowski Z. 202, 205, 239
 Dubois S. J. 697
 Dušov W. I. 883
 Dunicz 27
 Durkheim E. 106
 Dvornik Franciszek 196
 Dynowski Witold 1077, 1083
 Dyrenkowa N. P. 110
 Dzieduszycki Tadeusz 17, 20
 Dzięgiel Leszek 746—754
- Ebert W. 445, 446, 447, 454, 1047
 Eckstein F. 80, 91, 92, 100
 Ehrenfels U. R. 981
 Egorow W. G. 851
 Efimenko A. J. 852
 Eichhorn K. F. 81
 Eildermann H. 120
 Einhard 226
 Elphistone M. S. 81
 Endzelin J. 217, 189, 221, 239, 230
 Engel C. 239
 Engels Fr. 36, 43, 106, 110, 114, 117, 120, 129, 131, 132, 67, 68, 72, 73, 81, 86, 88, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 475, 525, 832, 833, 849, 850, 1101
 Ephraim H. 677, 678, 682, 695
 Erhard S. 209, 239
- Evers J. Ph. G. 81
 Ezanus F. J. 983
- Fabricius J. A. 329
 Fabrycy z Żywca 28
 Fagg Wiliam 994
 Falkowski Jan 746, 751, 1010
 Fatio V. 743
 Faust Jan 273, 274
 Faqiga Ibn al- 151
 Fedorov V. V. 890
 Feldhaus 674
 Feicht 27
 Ferguson A. 78
 Fernholm Håkan 990—992
 Fetter Wojciech 940, 941
 Fierich J. 449
 Fijałek Jan 12, 12, 1035—1038
 Filip Jan 916
 Filmer R. 76
 Firth Raymond 996
 Fischer Adam 446, 530, 792, 905, 1047
 Fischer A. von Waldgejn 146
 Fischerowa Emilia 936—941
 Fitzner-Gamper 483
 Flaccus Valerius 142
 de Flacourt S. 339
 Flavios Josephos 327
 Flegel E. 19
 Floeticke K. 738, 745
 Fontenelle 311
 Forrer R. 613
 Fortunatov 1023
 Fourier Ch. 79
 Fourneau 973
 Frančic Mirosława 581
 Frankiewiczowa R. 1010
 Frankowska Maria 855—878, 971, 809, 814, 974, 1108—1135
 Frankowski Eugeniusz 746, 798, 831, 847, 908—912, 1076, 1077

- Frater Achad (C. Stansfield Jones) 258
 Frazer J. G. 104
 Fränkel L. 300
 Freislebenowa K. 917
 Fremersdorf 673
 Friedrichs K. 98
 Frobenius L. 692, 695, 697, 984
 Froelich A. 982
 Frołow G. G. 881
 Furtak T. 24
 Fustel de Coulange 94
 Futterer K. 697
- Gabain A. V. 982
 Gacki 519
 al Gaihani 152
 Gajek Józef 242—256, 341, 517, 767—797, 798—806, 809, 812, 814, 816, 817, 818, 1044—1048, 1057, 1068—1069, 1096
 Gajewski Czesław 612
 Gałanza P. N. 1017
 Gansiniec Ryszard, Ganszyniec 257—339
 Gaster Moses 329
 Gavazzi Milovan 672, 673, 675
 Geijer Herman 827
 Georgi J. G. 77
 Genep A. 696
 Geramb V. 989
 Gerlach Jan 441, 442, 443, 450, 457, 466, 468
 German 94
 Gerstner A. 982, 985
 Gerulis G. 217, 218, 225, 226, 229, 232, 239, 904
 Ginzburg V. V. 892, 895
 Gifford W. 321, 741
 Giglioli E. 333
 Glanvil Joseph 319
 Glapa Adam 639—646, 798, 1060, 1068, 1084—1088
- Glauner Wilhelm 602, 604, 605
 Gloger Zygmunt 524, 525, 530, 1029, 1034, 1035
 Gładykowska J. 205, 239
 Gładysz Mieczysław 1088
 Gmelin J. G. 77
 Gniadek Stanisław 1094—1096
 Godelmann Joannes Georgius 275
 Goehertz E. 480
 Goethe 292, 296
 Goetsch W. 740, 741, 744
 Goetze A. 695
 Goguet A. J. 78
 Goldston W. 258
 Gołębiowski Ł. 659
 Gomolec Ludwik 1056—1066
 Goodsell W. 109
 Gool D. V. 989
 Goodrich Freer A. 257, 325
 Gorbaczewa N. P. 128, 854, 1046
 Gorczycki 28
 Gorki M. 932—934
 Gorodcow V. A. 846
 Gostomski Anzelm 533, 649, 1026—1029
 Goszczyński 726
 Goikiewicz Marian 626—634, 635—638
 Gottfricos Kazimierz 1192
 Gourhan André Leroi 955—963
 Guttówna Teresa 1105
 Górkiewicz M. 24
 Górski K. 520
 Gönyey S. 990
 Grabowski Józef 853, 1079—1094
 Graebner F. 102
 Granowskij T. N. 81
 Grau R. 107
 Graul H. 458
 Graus F. 929
 Green R. 315
 Gregory W. 309
 Grekow B. D. 111, 845

Greniuk P. 1086, 1088, 1200
 Griaule M. 698
 Grimm Jacob 81, 269
 Grinkowa N. P. 696, 850
 Groicki B. 650
 Grosse U. E. 101
 Grunau Szymon 218
 Grzegorzczak Piotr 1089
 Guagnin Al. 648, 656, 657, 658
 Guaman Poma de Ayala Felipe 697
 Gudkowa-Senkevič V. 869
 Guenther K. 741
 Guillaume A. 329
 Guizot F. 81
 Gurvič I. 877
 Gurwicz M. M. 851
 Gusev V. 877
 Gustawicz B. 700, 702
 Gutenberg 259
 Gutkowski W. 350, 352

 Haas Mary R. 158, 167
 Haberlandt A. i M. 695, 696
 Hadrian 261
 Haekel J. 978
 Hammerstedt Edward 826
 Hansen Jos. 267, 269, 272
 Hansen W. 671
 Harmjanz H. 239
 Hart W. H. 302
 Hartland E. 105, 108
 Hartlieb Jan 269
 Hartmann Julius 278
 Harrington Joannes 317
 Hastings (Encyclopaedia of Religion
 and Ethics) 258
 Haupt K. 290, 291
 Haur J. K. 655, 1025
 Hazelius Artur 826, 829, 830
 Häufner L. 480
 Hebbel 292, 297
 Hedemann O. 537
 Hegel G. W. 79

Heissig W. 977, 982
 Hejnosz Wojciech 511—517
 Hekataios 136
 Hellwald F. 91, 98
 Hemmerlin Feliks 268
 Hennings J. Ch. 290
 Henryk von Veldeke 292
 Henryk z Lotwy 219, 234
 Hensel Witold 669, 678, 695
 Herakliusz 244
 Herzen 877
 Herman Otto 990
 Hermanaryk 188, 196
 Herodot 134—152, 204, 205, 208, 221,
 248, 685, 690
 Hettner A. 810, 811, 812
 Heyerdahl Thor. 698
 Hildebrandt G. 1052
 Hingston R. W. G. 740
 Hipokrates 146
 Hirt H. 105, 186, 200, 216
 Hładyłowicz K. J. 24
 Hobbes Tomasz 76, 78
 Hochholzer H. 816
 Hoffman E. T. A. 293
 Hoffmann Kraye 661, 1947
 Hohlhausen H. 986
 Hoijer H. 164, 165, 166, 167
 Hołowkiewicz E. 562
 Hołub-Pacewiczowa Z. 726
 Hołubianka Z. 726
 Hołubowicz Włodzimierz 1068—1069
 Home H. 78
 Hcmer 248
 Homolacs K. 1085
 Henigmann J. J. 985
 Hoops F. a. 737
 Hoszowski St. 24, 26
 Hottenroth 1046, 1048
 Howell P. 997
 Hožka L. 921
 Hube J. 81
 Hume 67

Hupka 20, 22
 Hübner A. 818
 Hüllmann K. D. 81

 Ibrahim ibn Jakub 230, 519
 Ilberg J. 292
 Ilvolf Fr. 289
 Immer H. 100
 Inglot Stefan 24, 25, 26, 439, 1026,
 1029
 Ittmann Leszek 981

 Jabłonowski A. 485
 Jabłoński Marcin 631
 Jadrincew N. 689, 697
 Jakimow W. P. 118
 Jakovlev N. F. 892
 James William 742
 Jan z Salesbury 264
 Janet Pierre 257, 258
 Janicek 631
 Janik Michał 25
 Janikowska Eleonora 1205, 1206
 Jankuhn Herbert 671
 Jannsen J. W. 227
 Janosz Janko 990
 Jasko N. 877
 Jaskulanka Aniela 1103
 Jastrzębowski W. 1092
 Jaworska - Kopczyńska Bronisława
 1102
 Jaworski Z. 712, 726
 Jeffreys M. D. 994
 Jefimienko P. P. 111, 112, 118, 120,
 121, 122, 124, 125, 127
 Jefimow W. W. 94
 Jendyk Rościszlaw 190, 209, 238
 Jenisch D. 79, 80
 Jenness D. 338
 Jensch G. 450
 Jensen A. E. 984
 Jeřabek A. 921
 Jettmar K. 981

Joannes Irierus 269
 Joel Fr. 295
 Johl C. H. 674, 677, 695
 John Alois 291
 Johnston H. 156
 Jonov O. V. 908
 Jonson Ben. 315
 Jonston J. 648
 Jordanes 188, 205, 219, 223, 226
 Jostowa Wanda 703—727
 Jourdiar August 746
 Junkova H. A. 738
 Junod H. A. 728

 Kaczmarczyk Z. 439
 Kaczorowska Blanka 1202, 1207
 Kadlec K. 467
 Kadłubek 247
 Kagarov E. G. 109
 Kaiser K. 809
 Kajgorodov D. 145
 Kaletka Adam Henryk 552—554
 Kalina J. 189, 239
 Kaliszewski 636
 Kałaczov N. B. 81
 Kałow N. N. 867
 Kamińska J. 670
 Kamykowski 1087
 Kantor J. 709, 711, 716, 717, 718, 719
 720, 726
 Karłowicz Jan 379, 441, 455, 494, 514,
 463, 730, 767
 Karłowicz Mieczysław 28
 Karpiński Fr. 1010
 Karpiński J. J. 530
 Karondżałow Dymitr 935, 936
 Kärsten T. E. 191, 239
 Kaša J. 918
 Katanow N. F. 141
 Kaufmann H. 983
 Kautsky K. 92, 95
 Kawelin K. D. 80, 81
 Kavuljak Andrej 626

Kelles Kraus 101
 Kellner 922
 Kemble J. M. 81
 Kemp Malone 240
 Kepka R. 921
 Kersten Karl 670
 Keuprulan Wójcik 27
 Keyser E. 814
 Kędzierska Z. 520
 Kiełczewska M. 439
 Kiersnowski R. 517
 Kiesewetter Carl 258, 276, 302
 Kimakowicz-Winnicki 667, 668, 671, 689, 696
 Kiparsky V. 183—241
 Kirchmeyer Tomasz (Thomas Neogeorgius) 277
 Kirchner Athanasior 648
 Kirukowa T. A. 1046
 Kisielew S. W. 689, 697, 887
 Kislakow N. 67, 69, 70, 75
 Kittredge Georg Layman 259
 Kleczaj A. 527
 Klein F. F. 714, 715, 726
 Klemm G. 780
 Kljaštornyj S. 875
 Klimek Stanisław 185, 1010
 Klonowicz Sebastian, Fabian 651, 1024, 1026
 Klose K. 520
 Kluk K. 664
 Klusák K. 922
 Kłoskowska A. 814, 816
 Koenigswarter L. J. 80
 Kohler J. 98
 Kofler L. 968
 Kolago Władysława 1084, 1088
 Kolankowski Zygmunt 518—529, 530, 534, 546—551
 Kolař A. 917
 Kolb G. F. 80
 Kolberg 28, 31, 647, 516, 654, 657, 767, 920, 1026, 1068, 1185, 1087, 28

Koller Oswald 28
 Komoniewski Andrzej 481, 482, 660, 661
 Komorowski Mikołaj 559
 Koniński Karol L. 25
 Konopka Józef 707, 716, 727
 Kopač J. 917
 Kopp H. 295
 Koppers 852
 Kopřiva J. 917
 Korbe C. A. 851, 863, 1084
 Korzeniowski Józef 257
 Kostrzewski Józef 519, 667—676, 678, 695, 699, 905
 Kostysz J. 1086
 Koswen M. O. 42, 66—133, 853, 854, 855, 869, 885, 902
 Kotula Franciszek 798, 1053—1056, 1084, 1086, 1184—1188
 Kowalewskij M. M. 94, 98, 69, 100, 106, 856, 885
 Kowalski T. 519
 Kozierowski Stan. 416
 Kozłowska-Budkowa Z. 439
 Köhler W. 742, 743
 Kötzhke R. 20
 Kraemer A. 677, 695
 Krajewska Janina 1166—1171
 Kramařík J. 918
 Kraszennikov S. 77, 857
 Krawcow N. I. 884
 Kreutzirger J. 516
 Krohn Ilmari 28
 Kroll (Real Encyclopaedie) 264, 263
 Kropotkin 1097
 Kroyer 27
 Królikowski J. 713, 727
 Królikowski Stefan 591
 Krugłow A. P. 111
 Krupjanskaja V. 875
 Kryczewski E. J. 111
 Kryński A. 441, 514

Krzywicki L. 25, 33, 519, 524, 525, 526, 527, 528, 530, 531, 532, 533, 535, 536, 1101
 Krzyżanowski Julian 781, 1025, 1083, 1086
 Kucharska Jadwiga 1103
 Kucharski Eugeniusz 197, 240
 Kudrjašov K. V. 890
 Kudrjawcewa M. 868
 Kuftin W. K. 697
 Kukier Ryszard 1176—1178
 Kula W. 921
 Kulczycki Jerzy 66, 135, 117, 899
 Kun A. S. 886
 Kunz G. F. 294, 309
 Kunz Ludwik 934, 935
 Kuraszkiewicz Władysław 461, 464
 Kurkowa Zofia 701
 Kuszner (Knyszew) P. I. 862, 903, 1017, 1046
 Kuśmiderski Tadeusz 612
 Kutnar F. 917, 918
 Kutrzeba Stanisław 14, 440, 472, 473, 520, 530, 534, 536, 537, 540
 Kutrzeba Anna 1049
 Kühne Georg 746, 752
 Kwapiszewski J. 519
 Kyslakov L. R. 983
 Laband 94
 Labuda Gerard 809—823
 Ladenberg Tadeusz 24
 Lafargue P. 98
 Lafitau J. F. 67, 77, 78, 86
 Lamprecht K. 20, 98
 Piotr de Lancre 296
 Landsfeld H. 921
 Lang Andrew 257, 258, 333, 325
 Lalik Tadeusz 446
 Lauferski A. 520
 Lauterbach R. 482, 483
 Lavachery U. 974, 854, 899
 Lebiedieva I. N., Lebedeva N. W.
 Leboeuf J. P. 971
 Leciejewski Jan 524, 525, 530, 534
 Lefren J. P. 825
 Legobien Ch. 77
 Lehmacher G. 986
 Lehmann Alfred 257
 Lelewel J. 518
 Lencewicz S. 439
 Lenck-Chevitsch P. 974
 Lennan Mc 68, 89, 90, 91, 93, 95, 97, 255
 Lenin 36, 45, 72, 88, 95, 106, 110, 114, 117, 834, 835, 836, 839, 849, 951
 Leonardo da Vinci 648
 Leontowicz 853
 Lepsius C. R. 696
 Lepucki H. 24
 Leriche A. 971
 Leszczycycki S. 727
 Letošnikova L. 922
 Lewicka-Kowalska Anna 1004—1009
 Lewicki Anatol 13
 Lewicki M. 151
 Lewicki T. 146
 Lewin M. G. 47, 852, 858, 875, 889, 892, 900, 903, 1124
 Lewiński Karol 614
 Lexa Fr. 264, 333
 Lhote H. 972
 Libiszewska Zofia 1035—1038
 Ligers Z. 991
 Lilly W. 316
 Linde B. 379, 441, 494, 514, 581, 665
 Lissa 27
 Lom F. 919
 Lorens Antoni 515
 Lorentz F. 240
 Loth E. 33
 Lowie R. H. 104, 107
 Lubbock J. 91, 93
 Ludwig Otto 293, 297
 Lucas 685, 690, 696, 697
 Luther Marcin 265, 273

Lutyński J. 814, 816, 1017, 1019
 Lowrov P. L. 93
 Lawrov L. I. 882
 Lepkowski J. 475, 476
 Łobaczewski 27
 Łowmiański H. 439, 446, 452, 905
 Łoziński W. 516, 665
 Łuczak Czesław 583, 610
 Łuczycki I. W. 852
 Luniewski Tymoteusz 751

Maas R. 476
 Maciejewski W. A. 81, 465, 1026
 Maeterlinck Maurice 258
 Mager F. 520
 Magrys Franciszek 25
 Maisne H. S. 94
 Mikucho Maklaj N. N. 889, 1106—1114
 Maksimow 845
 Maksymow A. N. 106
 Malczewski R. 30
 Malewska Zofia 767, 847—855, 899, 912—914, 930—936
 Malicki Longin 613—625
 Malinowski Bronisław 104, 105, 153, 900, 996, 1101
 Małyszczki Stanisław 596, 601
 Mańkowski A. 520
 Mannhardt W. 825, 826
 Manninen I. 145, 146, 696, 990
 Manugiewicz 1089, 1164—1166
 Manugiewicz Jan Żołna 1053—1056, 58, 59
 Marks 36, 68, 72, 81, 86, 88, 94, 95, 96, 832, 833, 849, 1094
 Marlowe 315
 Marr 37, 38, 39, 62, 110, 153, 850, 872
 Martianus Capella 150
 Martiny R. 447, 448, 454, 459
 Marquart J. 140, 152
 Masłova G. S. 857, 867
 Masłowski J. 439

Mason Otis T. 1004
 Massinger Filip 266
 Massudi 851
 Matlakowski W. 710, 724, 727
 Mattheos z m. Urhy 140
 Matuszewski Józef 1014—1019
 Matyas K. 449
 Mauchamp E. 333
 Mauer G. I. 81
 Maull O. 816
 Maunier 1101
 von Maurer L. 465
 Mauriange Edith 966, 967
 Maurizio A. 583, 708, 709, 710, 714, 727
 Mavrodin V. V. 240
 Maxwell J. 258
 Maydell K. 453, 454, 479, 483, 484
 Mazzarella G. 98
 Mead Margaret 1098
 Meisner A. 455, 457, 484, 481
 Megas Georges A. 967—969
 Meiche A. 288
 Meillet A. 186
 Meiners Chr 78
 Meitzen A. 20, 15, 449, 451, 456, 470, 475, 480
 Melanchton Filip 275, 276
 Melikset-Bekow L. M. 110
 Melville J. 258
 Merker M. 738
 Metraux Rhoda 999
 Meyer H. E. 291
 Michajlov M. K. 93
 Michajlowskij 107
 Michalski I. 1010
 Mierczyński S. 32
 Miklosich 243, 255
 Mikkola J. J. 190, 191, 192, 195, 226, 227, 240
 Milewski Tadeusz 154, 229, 231, 233, 240, 217, 196, 214, 218, 789, 850, 961—965, 1019—1021

Millar John 67—68, 78, 86, 95
 Miller G. T. 77, 140
 Miller W. F. 93
 Milsztein E. 1089, 1115
 Milonow I. P. 465
 Milonov N. P. 854
 Mitkowski Józef 1024—1029
 de Molina Christoval 335
 Molitor A. 740
 de Monfreid 741, 742, 744
 Monogarowa I. F. 888
 Montandon G. 678, 680, 681, 682, 695
 Montesqueu 78
 de Montfaucon B. D. 294
 Moor John 67
 Morant G. M. 202, 240
 Morgan L. H. 43, 68, 74, 81, 86, 90, 91, 96, 97, 99, 108, 255, 858, 849, 856
 Morrison R. E. 323
 Moszyński K. 134, 152, 343, 345, 346, 348, 352, 583, 674, 675, 695, 696, 700, 727, 736, 746, 792, 810, 814, 817, 920, 990, 1020—1023, 1101
 Möser J. 78
 Muhamed al Chrezmi 850
 Murdock G. P. 107, 986
 Müller F. 101
 Müller Fr. 164, 165
 Mydlarski Jan 1010, 1112, 1113
 Myers F. W. H. 257
 Nachtigall H. 978
 Nagel 80
 Nahlik A. 526, 670
 Nahodil Otakar 932—933
 Namaczyńska S. 24
 Namysłowski B. 530, 532, 533
 Namysłowski Bolesław 524, 525, 526, 528
 Narbut Teodor 652
 Narr K. J. 981, 985
 Nasz Adolf 670, 699, 1104—1106

Naudé G., 295
 O'Neale L. M. 692
 Necles H. 989
 Nerman B. 227, 240
 Nestor 232, 233, 234
 Nesturch M. 838
 Nesselman 211, 225
 Nevermann H. 679, 684, 691, 692, 694, 695, 696, 697
 Neuburger A. 696
 Neumann Caspar 329
 Nędza Kazimierz, Ch. 636
 Niebuhr B. G. 81
 Nicolas F. J. 979, 982
 Niederle Lubor 142, 184, 205, 222, 237, 240, 672, 904, 914, 915, 916, 920, 1046, 1136
 Niedoziwin G. 1070, 1076, 1083
 Niedźwiecki W. 441, 514
 Nikolskaja L. A. 853
 Niszczyci Krzysztof 518, 619
 Nordenfalk Carl 1159
 Nordenskiöld Erland 1004, 1005
 Noreen A. 227, 240
 Norris H. T. 995
 Northcote W. Thomas 257
 Nowacki J. 000
 Nowakowski St. 609, 810, 815
 Nowicki M. 715, 727
 Novičeva A. 876
 Nörlund Paul 671
 Nuttal Z. 334
 Obermeier H. 985
 Ochmański Władysław 727
 Ochrymowicz W. 98
 Ogniew S. A. 145
 Okładnikov A. P. 111, 851
 Olaus Magnus 142
 Olbrich Karl 292
 Olczak 798
 Olderogge D. A. 839, 901, 902, 903
 Olešćuk F. 839

Olson R. 695
 Optołowicz Janusz 1190, 1188
 Orkan 724
 Orosius Alfred 228
 Orzak L. H. 985
 Ostrowitjanow K. 525
 Otrębski J. 240
 Ozereckowski N. J. 77

 Page J. T. 309
 Palacky F. 81
 Palacz Jan 11
 Pallas P. S. 77, 147, 696
 Pallisen N. 984
 Panzer F. 289
 Paprocki Bartosz 647, 648, 659
 Paracelsus Theophrastus 273, 278—287
 Paradowski J. 24
 Pariel 698
 Parish Edm. 257
 Parker L. K. 337
 Parrain Charles 966, 967
 Paschal O. 94
 Passarge S. 809
 Pawiński Adolf 586
 Pawlikowski J. Gw. 30
 Pawłowski St. 439
 Pazyra S. 24
 Pauly-Kroll 263
 Paulys 696
 Pauwels M. 977
 Pearson K. 98
 Peckham E. a 740
 Peissler A. 447
 Pekař 480
 Pelc J. 24
 Pelczar Michał 515
 Peliot P. 140
 Percy Tomasz 300, 322
 Peřich L. 921
 Perkins William 314
 Persowski Franc. 24, 439, 450, 456, 484

Perszic A. I. 845, 886, 862, 896
 Pescheck 669
 Pessler W. 812, 813, 814, 815, 816, 822
 Petřtyl J. 918
 Pencer Casper 288
 Pękalski Michał 611—612
 Piaścik F. 465
 Piątkowski J. 539
 Pič J. 673
 Pictet A. 94
 Pigoń St. 25, 487
 Piekosiński F. 15, 21, 242, 456, 531
 Pieradzka Krystyna 1049
 Pietrusiński Ludwik 628, 633
 Pietkiewicz Kazimierz 798, 1198—1216
 Pintus J. 746
 Piotr z Duisburga 230
 Piotrowski 1086
 Piwocki Ksawery 1070—1078, 1082
 Philon Claudius z Aleksandrii 327
 Platon 76, 115
 le Play 18
 Plechanov G. W. 106
 Plezia Marian 134—152, 222, 241
 Plinius Secundus 136, 137, 150, 211, 222, 223, 263, 737
 Pluciński Jan 635, 678
 Podgajecki G. W. 111
 Podlacha Władysław 257, 259
 Pogonowski Jerzy 1104, 1105
 Pohlhausen A. 989
 Polackówna H. 259, 473
 Pollard A. F. 302
 Pomponiusz Mela 150
 Poniatowski St. 810, 817, 331
 Popiołek F. 440, 480
 Popov A. A. 892, 893, 907
 Porfirogeneta Konstanty 244
 Port J. B. 313
 Post A. M. 98
 Potanin 689, 697
 Potapov L. P. 851, 865, 908, 890, 1115, 1116, 1120

Potichin I. I. 114, 115, 849, 874, 884, 900, 1115
 Potkański Karol 21, 22, 242, 439, 440, 445, 450, 519, 554, 725
 Potocki Jan K. 243, 250, 256, 897, 1097
 Pott 243, 255
 Potter M. A. 98
 Poutrain N. 294
 Pritchard Evans 997
 Prokofiev E. D. 907
 Prokofiev G. N. 60
 Prokopiusz 185
 Proudhon 1094—1096
 Fröhle H. 276
 Prüfferowa Maria 515, 990—992, 1171—1176
 Przesławska Helena 992—998, 966—968, 999—1004, 1070—1078
 Przyboś A. 1038—1040
 Pseudo-Epiphanius 327
 Ptolemajos 141, 151, 185, 190, 193, 222, 223, 229, 230, 248, 851
 Puckowa Miynarka 526
 Puszet 342

 Rabinowicz M. G. 889
 Radimsky J. 919
 Radłow W. Radloff W. 689, 697
 Radzikowski St. E. 706, 709, 714, 724, 727
 Rafacz J. 473, 519, 520, 536, 538, 705, 727
 Raine J. 299
 Abu Rajchan al Biruni 848
 Rajt M. 860
 Ramovš Franc. 930
 Ranke L. 79
 Raschke G. 670
 Ratzel Fr. 101, 811, 812, 815, 816
 Ravilas P. 200, 240
 Rawdonikas 852
 Reber B. 268

Rechaczew M. 912—914
 Reginald Scot 310
 Rehnberg Maks 1135, 1136, 1157, 825, 828, 830
 Reinach Salomon 263
 Reinfuss Roman 699—702, 746, 798, 799, 807, 808, 1075, 1077, 1980, 1082, 1084, 1086, 1088, 1205, 1206, 1207, 1209
 Reinfussowa-Cieśla Zofia 701, 1084, 1085, 1088, 1200, 1206, 1207
 Reisch Grzegorz 264
 Reizner 267
 Rej Mikołaj, (Rey) 469, 651
 Reils Edmund W. 257
 Remigius Nicolaus 276
 von Repgow Eike 1014
 Retzlaf H. 1048
 Reuchlin 331
 Rex Carolus (Charles King) 258
 Reyhmann Jan 1031—1035, 1038—1041, 1089
 Reyhman Jan i Stefan 555, 556, 568, 571, 573, 581, 583, 717, 727
 Richard G. 106
 Richard Jones z Oxfordu 301
 Richter O. 685, 696
 Rieger Adam 774
 Rimbart 219, 229
 Rist Jan 290
 Rivers W. M. R. 69, 104
 Rivet Paul 961—965
 Rivier Sestier 968
 Rivière René 968
 Robert de Brunn 297, 298
 Robertson W. 78
 Rochholz E. L. 291
 Rock J. F. 988
 Rodinson M. 971
 Rogge K. A. 81
 Roginskij J. J. 891, 900
 Roheim Géza 258, 267
 Roj-Kozłowska H 714, 717, 720, 7 21

Romaniszyn B. 30
 Roscher W. 80
 Rospond S. 463
 Roth H. L. 338, 690, 692, 695
 Roubik F. 916
 Rousseau J. J. 78
 Rozdolski R. 24
 Rozenfeld A. 856, 857
 Römer M. 905
 Rózycki Jacek 28
 Rudenko S. I. 892
 Ruland Martin 278
 Rusiński W. 452, 460, 462, 1049—1053
 Rutkowski Jan 25, 342, 583, 585, 727
 Rybakov B. A. 671, 672
 Rychnova D. 922
 Rydzewskaja E. A. 110
 Rykaczewski 379
 Ryszkiewicz Andrzej 1089
 Rytard J. 30

Sachs Hans 276
 Safarewicz J. 138
 Šafařík P. 227
 Le Sage 295
 Sage G. 670
 Sajó O. K. 741
 Salamonowie V. G. S. 728
 Sales Y. Ferre 98
 Salko N. 870
 Saloni 1185
 Salys 232
 Samivel 743
 Samsonowicz Henryk 582
 Sandberg 27
 Sarasinowie Paweł i Fryderyk 14
 Savibny F. Ch. 82
 Saville 996
 Saxo 185
 Sätälä E. 148
 Scott W. 313, 322
 Schelling 82
 Scheufler 918, 922

Schindler 625
 Schirach A. G. 1049
 Schiferdecker 470
 Schlegel Fr. 79, 331
 Schleicher A. 186, 216
 Schleiermacher 83
 Schlenger H. 449, 454, 470, 484, 809,
 810, 814, 815, 818, 821
 Schlosser F. Ch. 79
 Schmid B. 739, 740, 742
 Schmidt H. D. 742
 Schmidt J. 186, 216
 Schmidt M. 696, 697
 Schmidt W. 102, 103, 153, 162, 166,
 817, 979, 984, 988
 Schmoller G. 98
 Schnellhaas P. 697
 Schneider J. 633
 Schrader O. 100 671, 738
 Schranil J. 667
 Schreider H. 80
 Schreiber W. 461, 470, 471
 Schroeder D. 979
 Schubertowa Maria 1104
 Schlenburg W. 695
 Schulten A. 140
 Schurtz H. 101
 Schütze H. 476
 Sebastian z Felsztyna 28
 Sebeok Th. A. 985
 Sedir 259
 Seebok Th. A. 981
 Seler E. 697
 Seligman 996
 Semienowa A. A. 886
 Semkowicz 439, 485, 566, 626
 Sepharial (W. Gornold) 258
 Semrau Zofia 1029—1031
 Seretse Kama (wódz Beczuana) 860
 Sergejew P. 852
 Sering von Dietze 448
 Seruga Jan 12

Seweryn Tadeusz 639, 647, 666, 798,
 1060, 1088, 1134
 Shirley R. 258
 Shufeldt M. D. 697
 Siber N. I. 94
 Siegel S. 24
 Siemionówna Z. 1010
 Simom E. 745
 Sirelius Uuno Taavi 689, 696, 990
 Sittig E. 228, 240
 Skacel J. 922
 Skalnikowa Olga 933, 934
 Skalova A. 921
 Skrodzki 518, 519
 Skrzosówna Maria 1103
 Skurpski H. 1086, 1087
 Skutil J. 916
 Ślawski Franciszek 1019—1023
 Smirnov A. S. 93
 Smirnov S. R. 855, 867, 896
 Smith Adam 67
 Smith P. 221, 240, 302
 Smith W. Robertson 92
 Smolka S. 13, 556
 Sobierajski Zenon 755—768, 1023—1024
 Sobieski Marian 30
 Sobiescy 1087, 1088
 Sobisiak Walerian 340—438
 Sobociński W. 1014—1019
 Sochaniewicz 458
 Sokolski W. W. 94
 Sokołowski 15
 Solinus Julius 150
 Solski Stan. 582
 Sołowiew A. U. 81
 Sorokin V. 877
 Sotkowa B. 1046
 Soukup B. 919
 Spamer A. 686, 696
 Spence L. 336
 Spencer 91, 107
 Spengler Łazarz 276
 Spenser Joan. 328

Splawiński-Lehr Tadeusz 137, 139,
 223
 Stadnicki A. 439, 467, 478
 Stalin 23, 36—64, 72, 73, 107, 110, 114,
 831—837, 848—873, 878, 879
 Stankiewiczowa J. 13, 1198, 1210
 Starek Edyta 798, 1205
 Starke 98, 99, 102, 103
 Staronkowa 1083
 Starzyński J. 798, 1070, 1091
 Stasov W. W. 885
 Stefański Stefan 1193—1195
 Steinmetz S. R. 98
 Steller G. W. 77
 Stelmachowska Bożena 1077, 1085
 Stepanow N. 861, 893, 895
 Steward Julian H. 1005
 Stieber Z. 626
 Stimming R. 671
 Stith Thompson 781
 Stolarczyk J. 722 725, 727
 Stołyhwo K. 33, 1010
 Strabon 851
 Straganovič G. 863
 Strahlenberg J. Ph. 140
 Stranska 1046
 Struntz Franz. 278
 Stryjeński K. 30
 Stryla S. 571
 Struhlmann Fr. 684, 685, 690, 696,
 697
 Styś W. 488, 1051
 van Suchtelen N. 258
 Sulimirski T. 186, 216
 Summers M. 315
 Surowiecki W. 199, 201, 237, 243
 Sustelle J. 697
 Sutor W. M. 712 727
 Svenson Sigfrid 827, 1134, 1135
 Sybel H. 81
 Sydow C. W. von
 Szachmatow A. A. 191, 207, 220, 223,
 240

Szarewskaja 855
 Szarzyński 28
 Szakow S. S. 93
 Szczepanowski Stanisław 727
 Szczepański Jan 18, 19, 27, 1096—1104
 Szczotka Stanisław 26, 449, 467, 471, 482, 539, 540, 627, 660, 661, 1041—1044
 Szewczuk J. 24, 722
 Szewczyk L. 2084
 Szirokogorov 852
 Szpilenski S. N. 81
 Szternberg L. J. 689, 697
 Szuhczu Jan 727
 Szulgin W. J. 80
 Szumowski W. 278
 Szymanowski Karol 30
 Szymański-Walentynowicz 546
 Szymon z Kremeny 266
 Szyszkina N. I. 63
 Šafařík P. 904
 Šilling E. M. 896
 Ściegienny 11
 Śreniowski S. 920
 Świątkowska Jadwiga, por. Chetmińska 33—35, 738
 Świątkowski Henryk 1103
 Świejkowski E. 613
 Świeży Janusz 798, 1088
 Tacyt 61, 185, 190, 191, 193, 220, 225, 248
 Tadyew P. G. 888
 Tanowie Stevan C. 736, 737, 738
 Tarnowski A. 24, 539, 540, 627, 660, 661, 1041—1044
 Tatišćew V. N. 861
 Terentovoj L. 867
 Terleckij P. 859
 Teulon Girard 91, 93
 Thomas Ady 319
 Thomas E. 92

Thompson 333
 Thomson Donald F. 994
 Thomson J. A. 258
 Thorpe C. 528
 Thorndike Lynn 264, 300
 Thurnwald R. 105, 1101
 Tibesar Antonine S. 999
 Tichomirowa M. M. 851
 Tiurin A. 81
 Tokarew A. S. 37, 38, 42, 44, 47, 50, 52, 53, 54, 55, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 243, 245, 836, 838, 850, 855, 869, 890, 907
 Tokarzówna Krystyna 728—735
 Tołstoj 1095
 Tołstow A. P. 872, 873, 888, 900, 41, 43, 848, 850, 851
 Tomaschek W. 204
 Tomasz z Akwinu 76
 Topolski J. 343, 352
 Toulon Girard 69
 Treblin M. 450
 Trautmann 217, 218
 Treidler H. 140
 Tretiakow P. N. 38, 241, 851
 Trevelyan M. 294
 Trithenius Jan 272, 278, 283, 322
 Trofimowa P. A. 851, 890, 896
 Tschopik Harry 1008—1109
 Tschudi Fr. v. 743
 Tschumi O. 673
 Turek A. 921
 Tuwanówna Janina 953—961
 Tyc T. 439
 Tylor E. B. 74, 84, 92, 94, 97, 98, 100, 108, 255
 Tymieniecki K. 141, 150, 439, 464, 556, 1015, 1018
 Twardowski 652
 Udalcow A. D. 240, 243
 Udziela S. 477, 653
 Ulanowski B. 14, 15, 473, 527, 585

Ulbrich J. 986
 Ulehla V. 922
 Ułaszyn Henryk 1023—1024
 Unger J. 79
 Urbanowicz 798, 1088—1089
 Vacek Fr. 479
 Vallancey C. 294
 Vaněk V. 920
 Vanoverbergh M. 978, 983
 Vasilevič G. M. 858, 892
 Vasmer Maks 235, 240, 198, 193, 190, 189
 Vážný V. 1136
 Veile K. 842
 Veniaminov I. 893
 Verbov G. D. 895
 Verhoeven Th. 983
 Verner A. 258
 Vico G. 78
 Vierthaler F. M. 78
 Virchow R. 209
 Voblov J. K. 908
 Vogt E. 673, 675
 Volavka A. 919
 Voltaire 78
 Vonina V. 860
 Voraček J. 919
 Voskobochnikow M. 859
 Vrabkowa Ewa 950
 Vrbka J. 918
 Vycpalek 918
 Wacław z Szamotuł 28
 William de Wadington 298
 Wagner G. 169
 Waitz Th. 334
 Walawender A. 24
 Walknowski Dobiesław 748, 750
 Emelia v. Walterstorff 668
 Warężak J. 24
 Waschsmuts W. 79
 Wasilewicz G. M. 851, 852

Wasilewski Zygmunt 539
 Watt James 67
 Webster John 320
 Weitz Th. 80, 81
 Wells L. H. 992
 Wergiliusz 292
 Werner Stefan 609
 Westermack E. 98, 99, 103
 Wieleckaja N. N. 888
 Wierbickij W. I. 697
 Wierciński A. 895
 Wierczyński St. 730
 Wierzchniówna Aurelia 1103
 Wiesendanger 257
 Wilkund K. B. 194, 195, 205, 238, 240, 987
 Wilda W. E. 81
 Wilken F. 81
 Wilkinson J. G. 685, 696
 Williams T. G. 741
 Winicki 667, 668, 671, 689, 696
 Winnikov 848, 851
 Witelon 313
 Witkiewicz S. 724, 725, 727
 Witort Jan 530, 531, 534, 853
 Wodziecki S. 655
 Wojciechowski T. 21, 252—256, 439
 Wojkowitz R. de Nebesky 988
 Wojtusiak R. J. 741
 Wokroj Franciszek 1099—1014
 Wolff A. 461, 466
 Wolfram von Eschenbach 292
 Wolfson S. J. 110
 Wolski Krzysztof 1190—1193
 Wołczak B. J. 888
 Worms A. E. 980, 989
 Worobiewa N. I. 851, 887
 Wójcicki K. W. 515, 518, 652, 654, 752
 Wróblewski Tadeusz 36—65, 677—698, 878—888, 977—989
 Wrześniowski August 727
 Wrzosek Adam 1099—1013
 Wulstan 225, 226, 227
 Wundt W. 105

Wysłouch Bolesław 11
 Zaborski B. 453, 456, 439, 445, 447
 Začek V. 920
 Zachemski Jakub 12
 Zachorowski S. 556
 Zajchowska St. 453, 454
 Zakrzewski S. 243
 Zakrzewski Wincenty 13. 14
 Zamoyski Jan 24
 Zapolski Downar 853
 Zaręba Alfred 824—830, 1134—1164
 1201
 Zarembkij I. A. 696
 Zawistowicz-Adamska Kazimiera
 1096—1104
 Zborowski Juliusz 29, 30
 Zbrujewa A. V. 889, 892
 Zbylitowski Piotr 651
 Zejszner L. 627, 712, 723, 727
 Zelenin D. 689, 696
 Zibrt C. 916, 915, 1047
 Ziekursch J. 480, 471, 472

Zieleniewski S. A. L. 483
 Zieliński Chwalisław 1208
 Zienkiewicz Leon 1064
 Zienkowicz L. J. 654
 Zołotarew A. M. 60, 110
 Zołotarewskaja J. 838
 Zubcov 198
 Zubrickij 855
 Zuew Vasilij Fedorovic 88, 895, 893
 Zwolakiewicz Henryk 1078—1096
 Zyglar Tadeusz 798, 1080, 1085, 1086,
 1083, 1084
 Żakow K. 147
 Żdanko T. A. 897
 Żegota Pauly 256
 Żejmo-Żejmis Stanisław 185, 200, 238
 Żmigrodzka M. 98
 Życki 1085
 Żytkiewicz Leonid 585
 Żywirska Maria 798, 1085, 1206

WYKAZ INSTYTUCJI NAUKOWYCH

Ak. Nauk ZSRR, AN. ZSRR 835, 836,
 1108—1135
 Archiwum gł. Akt dawnych w War-
 szawie 562
 Archiwum Archidiecezjalne w Po-
 znaniu 341
 Archiwum Aktów grodzkich i ziem-
 skich 20
 Archiwum Diecez. we Włocławku 562
 Archiwum Marksa, Engelsa w Mo-
 skwie 95
 Woj. Archiwum w Poznaniu 584
 Woj. Archiwum w Bydgoszczy 584
 Biblioteka Bodlejańska 257
 Biblioteka Jagiellońska 16
 Czesko-Słow. A. N. 939—943
 Gimnazjum bocheńskie 10
 Instytut Badań Pieśni Ludowych 32
 Inst. Etnografii AN. ZSRR 869, 871,
 872
 Inst. Nauk Antrop. i Etnogr. W. T.
 N. 34
 Król. Inst. Antrop. w Londynie 994
 Instytut Puławski 20, 22
 Instytut Zachodni 25
 Muzeum Etnograficzne w Krakowie 8
 1136
 Muzeum Etnogr. w Leningradzie 868
 Muzeum Etnogr. w Łodzi 34, 1168—
 1173
 Muzeum Etnogr. w Łowiczu 34
 Muzea Etnogr. ZSRR 1109—1116
 Muzeum góralskie 618—625
 Muzeum w Jarosławiu 1191, 1192
 Muzeum Kultur Ludowych 34, 1166-
 1168
 Muzeum Lubelskie 1190
 Muzeum w Międzyrzeczu 1185, 1186
 Muzeum Narodowe w Poznaniu
 1180—1185
 Muzeum Pomorskie w Toruniu,
 Dział Etnografii 1173, 1180
 Muzeum w Przemyśle 1192—1195
 Muzeum w Rzeszowie 1186—1190
 Muzeum w Sanoku 1195—1197
 Muzea Skandynawskie 1136—1166
 Muzea Skansenowskie 1140—1155
 Muzeum w Sztokholmie 678, 824—
 831
 Muzeum Tatrzańskie 28, 29
 Muzeum w Tomaszowie Maz. 1197—
 1199
 Musee National des Arts et Tradi-
 tions Populaires 967
 National Museet w Kopenhadze
 1136—1166
 Nordiska Muzeum w Sztokholmie
 668, 824—831, 1136—1166
 Polska Akademia Nauk (P. A. N.)
 21, 25
 Polska Akademia Umiejętności 7, 13,
 14, 15, 16, 18, 20, 21
 Państwowy Instytut Sztuki (P. I. S.)
 921, 746, 1081—1096
 P. I. Bad. Szt. Lud. 1081—1096
 Polskie Tow. Histor. 21
 P. T. L. 7, 8, 154, 242, 530, 639
 Tow. Naukowe we Lwowie 21
 Uniwersytet Jagielloński U. J. 13, 16-
 21, 26, 27
 Uniwersytet Łódzki 34, 35
 Uniwersytet Warszawski 21, 33

Uniwersytet we Lwowie 21, 24
 Wolna Wszechnica 33
 Zakład Etnogr. U. Ł. 35, 1098—1106
 Zakład Badania Plastyki, Architek-
 tury, Zdobnictwa Ludowego P. I.
 S. 700

Zakład Gleboznawstwa wyd. Rol.
 U. J. 750
 Zakład Historii Gosp. U. P. 340
 Zakład Maszynoznawstwa Rolnicze-
 go U. J. 754
 Zakład im. Ossolińskich 519

WYKAZ CZASOPISM

Albański Atlas Strojów Ludowych 1048	Fataburen 825
Anthropos 979—991	Handbook of South Am. Indians 1006—1010, 695
Atlas d. d. Volkskunde 818	Kalendarz ludowy 666
Atlas Etnografii Syberii 873	Kłasy 665
Atlas Polskich Strojów Ludowych 35 639, 646, 767, 798—806, 1055—1070, 1088	Kuźnica Kollatajowska 256
Biblioteka dziejów wsi i kultury wsi 25	Kwartalnik Muzyczny 28, 29
Bułgarski Atlas Strojów Ludowych 1048	Le Mois d'ethnographie française 967, 970
„Ludy świata“ wyd. 872	Lud 31, 7, 8, 28, 37, 39, 647
Polski Atlas Etnograf. 809—823	Man 994—1000
Polska Sztuka Ludowa 1081—1096	Materiały do etnografii 697
Prace Etnologiczne 35	Pamiętnik Zjazdu Hist. Lwów 1935, 25
Prace i Materiały Etnograficzne 1094, 1098, 1106	Polski Rocznik Muzealny 28
Prace Prehistor. Śląska 668	Polska Sztuka Ludowa 921
Primitive Man 1001—1006	Prehistor. Zeitschrift 667
Przegląd Antropologiczny 1011—1016	Proces Verbaux Mensuels de la Société d'Aphinoise d'ethnologie et d'archeologie 970—973
Przegląd Archeologiczny 668	Przyjaciel Ludu 11, 12, 660, 652, 653
Słownik Starożytności Słowiańskich 25	Revue d'Ethnographie et de la Sociologie 698
Smithsonian Institution 1006—1010	Revue des Traditions Populaires 654
Trudy Instytutu Etnogr. im. N. N. Miklucho-Makłaja 981—910	Roczniki dziejów społ. i gosp. 24
Wielka Encyklopedia Sowiecka 942	Sowieckaja Etnografija 37, 38, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 50, 52, 60, 61, 66—133, 698, 243, 849, 857, 857—880, 890
Baltische Lande 183	The Journal of the Royal Anthropological Institute of great Britain and Ireland 695
Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire 973—976	Wiadomości Archeologiczne 667, 668
Bulletin de la Société Royale Belge d'Anthropologie et de Prehistoire 976—979	Zaranie śląskie 480
Biblioteka Puławska 25	Zeitschrift f. Ethnologie 698
Ethnographie Ceskoslovenska 932—943	Ziemia 22
Czas 17, 20	Z otchłani wieków 667
Czeski Lud (Česky Lid) 916—931	Wisła 14, 654, 656
Ekonomista 22, 18	

SPIS RYCIN

- Prof. dr Franciszek Bujak 8
 Prof. dr Adolf Chybiński 27
 J. Chełmińska-Swiątkowska 33
 System rodzajowy języka tuskarora 166
 System rodzajowy języka tunika 167
 System rodzajowy prefiksów orzeczenia języka męskiego dla pluralu w Yuczi 170
 System rodzajowy prefiksów orzeczenia języka kobiet dla pluralu w Yuczi 171
 System rodzajowy sufigowanych rodzajników języka męskiego dla pluralu w Yuczi 171
 System rodzajowy sufigowanych rodzajników języka kobiet dla pluralu w Yuczi 172
 System rodzajowy prefiksów orzeczenia języka męskiego dla singularis w Yuczi 173
 System rodzajowy prefiksów orzeczenia języka kobiet dla singularis w Yuczi 174
 System rodzajowy sufigowanych rodzajników języka męskiego dla singularis w Yuczi 175
 System rodzajowy sufigowanych rodzajników języka kobiet dla singularis w Yuczi 176
 Pokrewieństwa języków uralskich według V. Kiparskyego 187
 Wyniki analiz kraniologicznych wczesnohistorycznej ludności rubieży stepowo-leśnej w % 206
- Składy antropologiczne Finów i Bałtów w % 209
 Genealogia języków bałtyjskich według V. Kiparskyego 214
 Dawny i teraźniejszy zasięg języków bałtyjskich 215
 Bałtyjskie ludy i języki około 1200 roku 216
 Szumeczka. Przekształcenie rzędówki 1870—1937 wg E. Boehma 453
 Szkic schematyczny owalnicy wg A. Meisnera 455
 Szkic schematyczny łańcuchówki wg A. Meisnera 457
 Nawsie w Żelaznym Ujeździe w Czechosłowacji wg V. Davidka 462
 Schemat nawsia wsi łańców leśnych 487
 Część nawsia w Grodzisku Dolnym 492
 Grodzisko Miasteczko 493
 Część nawsia w Grodzisku Górnym 495
 Karta 200 (recto) sprawozdania z ilustracji klucza ilżeckiego 521
 Karta 200 (verso) sprawozdania z ilustracji klucza ilżeckiego 522
 Karta 201 (verso) sprawozdania z ilustracji klucza ilżeckiego 523
 Rysunki wyszkowskich znamion bartnych 523
 Litewskie klejna 537
 Widok tartaku od strony przekopu 569
 Widok od strony przykopu wg Reychmanów 571
 Rzut poziomy dolny 572
- Przekrój poprzeczny 574
 Przekrój podłużny 576
 Przekrój podłużny wg Reychmanów 577
 Wiatrak z XVIII wieku 592
 Wiatrak z pocz. XX wieku 593
 Koło paleczne, socha i cewka z wiatraku 594
 Górna część urządzeń wiatraka 595
 Kosz, koryto i łub 597
 Fundamenty wiatraka z XVIII wieku 599
 Urządzenie do obracania wiatraka 600
 Wiatrak z XVII wieku — część skrzydła 601
 Oskard z końca XIX wieku i początku XX wieku 602
 Perlik 603
 Cewka wyrobiona i cewka nowa 604
 Wiatrak z XIX wieku — urządzenie do obracania 605
 Rysunek wiatraka holenderskiego, który miał być wystawiony w okolicy Kruszwicy w r. 1778, 697
 Wiatrak-winda 608
 Matryca do drukowania płócien 614
 Matryca do drukowania płócien 614
 Matryca do drukowania płócien 615
 Matryca do drukowania płócien 615
 Matryca do drukowania płócien 616
 Matryca do drukowania płócien 616
 Odciski motywów zdobniczych z matryc do drukowania płócien 618
 Odciski motywów zdobniczych z matryc do drukowania płócien 619
 Odciski motywów zdobniczych z matryc do drukowania płócien 620
 Odciski motywów zdobniczych z matryc do drukowania płócien 621
 Odciski motywów zdobniczych z matryc do drukowania płócien 622
- Odciski motywów zdobniczych z matryc do drukowania płócien 623
 Odciskanie wzorów na płótnie 624
 Kierunki eksportu płótna orawskiego w latach do 1910 62, 632
 Krój sukni chłopskiej z XVI w. 640
 Krój kaptura chłopskiego z XVI w. 641
 Krój chłopskiego okrycia zwierzchniego 642
 Krój lamki chłopskiej z XVIII w. 645
 Próba rekonstrukcji uszytej lamki chłopskiej ubranej przez kobietę 644
 Krój sukni z XVIII w. 645
 Mandragora i bogini 645
 Walka smoka z salamandrą 648
 Prace na folwarku 649
 Pod zieloną różgą 650
 Uczta pańska 651
 Zwierciadło czarodziejskie Twardowskiego 652
 Chłop i Daniel 653
 Wieniec dożynkowy z kogutem 654
 Opętany 655
 Skolopendra i niedźwiadek 656
 Pająk morski 657
 Kirgiz 658
 Fortel legendarnego Leszka 659
 Wół trzy rożny 660
 Obnażanie 661
 Strój chłopski z wieku XVI 662
 Listy ręką Boga pisane 663
 Słopiec z dwoma przykrywadłami 664
 Maże czumackie 665
 Sobótka 666
 Typy tkactwa 682
 Mapka powiatu Nowy Targ 703
 Socha żelazna wg Stanisława Sobótki 747

- Socha żelazna wykonana w r. 1926 przez L. Skarpetowskiego 748
- Pionowe i poziome usytuowanie regulatora głębokości orki soch żelaznych 749
- Socha żelazna wykonana w 1926 r. 749
- Socha żelazna typu II 750
- Rozdwojenie słupicy 751
- Wycięta odkładnica pługa pruskiego 751
- Odkładnica Foltyna 752
- Mapka terenu na którym występuje socha żelazna 753
- Zabudowania gospodarskie z miejscowości Mora (Dalarna) w Skansenie 1140
- Plan Skansenu 1141
- Gospodyni wyrabia sery w drewnianych foremkach 1143
- Gospodyni przywołuje krowy do obory za pomocą dźwięków świstawki 1144
- Stary mistrz grzebieniarski ze Sztokholmu wyrabia w Skansenie grzebienie 1146
- Plan frilandsmusseet w Sorgenfri pod Kopenhagą 1148
- Mapa miejscowości, z których pochodzą obiekty w muzeum pod gołym niebem w Sorgenfri pod Kopenhagą 1149
- Miasto lapońskie w Arvidsjaur półn. Szwecji 1151
- Fragment miasta kościelnego w Ojebyn, półn. Szwecja 1152
- Urządzenie oświetlenia neonowego w lapońskim dziale Muzeum Nordyckiego w Sztokholmie 1154
- Karawana renich zaprzęgów w lapońskim dziale Muzeum Nordyckiego w Sztokholmie 1155
- Wystawa rozwoju wybranych narzędzi pracy 1173
- Wystawa rozwoju wybranych narzędzi pracy 1175